

СБОРНИКЪ

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ПѢСЕНЪ.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ

Н. Г. Мякушинъ.

Н. Г. Мякушинъ, г.

g.

«Сказка — складка,

«Пѣсня — быль».

(Народная пословица).

162 пѣсни и 18 стихотвореній Уральского и другихъ казачьихъ войскъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

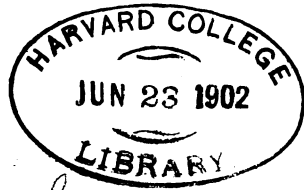
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин. 7.

1890.

~~23233.45.5~~

27232.87

N

Lane funds.

1889

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто не любитъ свою родину? Какъ бы она не была неприглядна, а всегда каждый человѣкъ находитъ въ ней много милаго, хорошаго и близкаго своему сердцу, потому что онъ въ ней родился, воспитался, взлелѣянъ и провелъ свое дѣтство, которое всегда отличается богатствомъ воспоминаній о прошломъ. Эта отличительная черта родины тѣмъ болѣе должна быть дорога для нашего казачества, которому она досталась, такъ сказать, въ наслѣдство отъ предковъ, пролившихъ изъ-за обладанія ею не мало крови и преждевременно погребенныхъ, ради ея, на берегахъ быстротекущаго Урала. Это такъ просто и ясно выразилось въ приводимой здѣсь выдержкѣ изъ нашей родной, такъ сказать, доморощенной, пѣсни про Яикушку, сына Горыновича:

„Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Яикушки,
Костями бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою, молодецкою упитаны,
Горючьими слезми матерей и женъ поливаны“.

Слова эти ясно говорятъ за себя сами, чему мы, конечно, не вправѣ не вѣрить, потому что въ пѣсняхъ народа, какъ извѣстно, всегда выражается поэзія, нарѣчіе и вообще изливается весь бытъ его, да, наконецъ, потому, что изъ русскихъ историческихъ пѣсенъ казачьи пѣсни отличаются необыкновенно вѣрной обрисовкой событій, что

и было впервые высказано известным нашим критикомъ Бѣлинскимъ. И вотъ, въ виду такого славнаго прошлаго нашихъ предковъ, нашъ батюшка, Ягизъ-Горынычъ, долженъ еще крѣпче привязывать къ себѣ своихъ питомцевъ-казавовъ, и они еще сильнѣе должны любить и дорожить его водами и лугами; вѣдь не даромъ же предки дали ему названіе:

„Золочено у Яикушки
Его было донышво,
Серебряны у Яикушки
Его были краешки;
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки“.

Правда, питомцы Горыныча, въ особенности старожилы-казаки, слѣдую традиціямъ своихъ предковъ, не рѣдко и сейчасъ съ достоинствомъ почитаютъ и прославляютъ его, старика, у себя въ станицахъ, въ разныхъ своихъ родныхъ, доморощенныхъ, казачьихъ пѣсняхъ. Такъ, конечно, должно бы поступать и все молодое поколѣніе, потому что въ каждомъ изъ насъ течетъ кровь предковъ, тѣхъ славныхъ, лихихъ и отважныхъ казаковъ, которые своими могучими плечами завоевали и удержали за собой Горыныча, на которомъ мы теперь такъ тихо и славно живаемъ. Но, откровенно говоря, нельзя не пожалѣть о томъ, что не всегда молодое наше казачество достаточно сочувственно относится къ своимъ казачьимъ пѣснямъ, внося въ свой репертуаръ все болѣе и болѣе, такъ сказать, „модныя“ пѣсни, совершенно не казачьяго творчества и духа, отражающіяся въ казачьемъ быту весьма дурно. Не разъ также приходилось слышать и видѣть, какъ молодое наше поколѣніе поотстало отъ своихъ стариковъ въ отношеніи знанія старинныхъ казачьихъ пѣсенъ и умѣнія ихъ пѣть. И это весьма естественно: прежде служили всѣ до послѣдней возможности, до глубокой старости, не рѣдко до 60 и болѣе лѣтъ, до полного истощенія силъ¹⁾; дѣти

¹⁾ Еще такъ недавно, въ Хивинской экспедиціи 1873 года, въ одной со мною сотнѣ находился убѣленной сѣдиною 60-лѣтній казакъ Фирсъ

и внуки выходили на службу вмѣстѣ съ отцами и дѣдами; подъ ихъ руководствомъ молодой казакъ учился всему; такимъ образомъ, служба была отличною школою, она выдвигала молодаго казака и, возвращаясь домой, онъ всегда вращался въ кругу старыхъ, закаленныхъ въ походахъ и бояхъ одностаничниковъ. При такихъ условіяхъ служебно-боевой опытъ дѣдовъ и отцовъ не пропадалъ даромъ и примѣнялся при всякомъ случаѣ, и молодой казакъ въ скоромъ времени уже не отставалъ ни въ чемъ отъ старика. Совсѣмъ не то стало теперь: въ стрелковыхъ частяхъ приходится все рѣже и рѣже встрѣчать старослужащихъ казаковъ, потому что большинство бываетъ въ частяхъ одно только трехлѣтіе, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже 2¹/₂ года, въ продолженіи которыхъ молодежь, не имѣя между собою старослужащихъ, отъ которыхъ невольно могли бы передаваться родныя пѣсни, остается непосвященной и, такъ сказать, чуждой своего роднаго; у себя же дома, въ станицахъ, не усваиваетъ отъ стариковъ свои родныя пѣсни, предпочитая имъ, какъ я сказалъ, „модныя“, добываемыя изъ разныхъ народныхъ пѣсенниковъ, покупаемыхъ у разносчиковъ, чему не малою также причиною служитъ и то, что Уральское войско, существуя триста лѣтъ, не имѣетъ у себя ни одного изданія избранныхъ и составленныхъ систематически своихъ національныхъ пѣсенъ. А между тѣмъ у насъ, на Уралѣ, очень много пѣсенъ; такъ-называемыхъ мѣстныхъ, никому иному, кромѣ уральцевъ, не принадлежащихъ и ни до кого иного, опять-таки кромѣ уральцевъ, не касающихся. По мнѣнію многихъ нашихъ ветерановъ, пѣсни эти долженъ знать и чувствовать каждый уралецъ; иначе онъ не уралецъ, не сынъ роднаго Горыныча. Желая придти на помощь къ землякамъ-станичникамъ, и, по совѣту многихъ сотоварищей, въ виду поддержанія въ молодомъ нашемъ казачествѣ старыхъ, почти трехвѣковыхъ, нравственно-боевыхъ традицій, собралъ предлагаемыя

Коньковъ, житель 1-ой Уральской станицы; не смотря на крѣпкую, закаленную натуру, Коньковъ не вынесъ труднаго зимняго похода и скорого умеръ.

здѣсь пѣсни. Все, что было собрано мною въ продолженіе почти пяти лѣтъ, рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ, надѣясь, что если и найдется что недомолвленнаго или недосказаннаго, то многоуважаемые мои читатели не отнесутся строго критически, такъ какъ предлагаемый „Сборникъ уральскихъ казачьихъ пѣсенъ“ представляетъ первый опытъ восстановленія въ памяти нашего казачества своихъ родныхъ пѣсенъ; почему и цѣна за экземпляръ „Сборника“ назначена настолько низкая, насколько позволили это расходы, сдѣланные по напечатанію его.

Вошедшія въ настоящій „Сборникъ“ пѣсни и стихотворенія, за исключеніемъ 30—40 пѣсенъ и нѣсколькихъ припѣвокъ, собранныхъ гг. Сахаровымъ, Ивановымъ, Михайловымъ, Небольсинымъ, В. Далемъ, І. И. Желзновымъ, Рябининымъ, Витевскимъ, Пивоваровымъ, — напечатанныхъ въ „Сборникѣ пѣсенъ русскаго народа“, изд. 1839 года, „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 года, „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858 года, „Морскомъ Сборникѣ“ 1859 года, „Библиотекѣ для чтенія“ 1860 и 1861 годовъ, „Полномъ собраніи сочиненій В. Даля“, 1861 года, „Статистическомъ описаніи Уральскаго казачьяго войска“ Рябинина, 1866 года, „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года, „Сборникѣ донскихъ казачьихъ пѣсенъ“, 1885 года, „Сборникахъ для чтенія въ форпостныхъ шелолахъ уральскаго казачьяго войска“ изд. 1862 и 1866 гг. и въ особой книжкѣ „Иванскій бой“ М. П. Хорошхина, изд. 1884 года, — были сообщены мнѣ или любителями казачьихъ пѣсенъ, или же записаны лично мною со словъ казаковъ-пѣсенниковъ.

Нѣкоторыя собранныя и напечатанныя г. Ивановымъ пѣсни нѣсколько искажены (очевидно онъ заботился о приданіи имъ звучной, стихотворной формы), а потому многія изъ нихъ являются здѣсь съ измѣненіями противъ первоначальныхъ печатныхъ текстовъ.

Большинство изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ „Сборникѣ“ пѣсенъ я слышалъ въ разное время и въ строевыхъ частяхъ, и у себя дома, на Уралѣ, или отъ офицеровъ-пѣвцовъ, или отъ казаковъ, и многія изъ нихъ записывалъ съ голоса, причемъ записанный текстъ пѣсни съ го-

лоса иногда разнился отъ ея разговорнаго текста; различіе же это всегда состояло только въ измѣненіи формы нѣкоторыхъ словъ, въ выпускѣ однихъ и во вставкѣ другихъ словъ, а иногда въ измѣненіи размѣра стиха въ куплетѣ, или только во второй половинѣ его, или же одного послѣдняго слова въ стихѣ, съ прибавкою различныхъ восклицаній и частицъ: „что“, „вотъ“, „да“, „то“, „ея“ и т. под.

О вѣрности того или другого текста судить не берусь, но, назначая „Сборникъ“ свой для пѣнія, я, конечно, долженъ былъ написать пѣсню такъ, какъ она мнѣ передавалась, или какъ при мнѣ она пѣлась, стараясь записывать безъ всякихъ исправленій, а тѣмъ болѣе передѣлываній по своему, помня хорошо, что дѣлать подобныя искаженія никто не вправе, и потому еще, что пѣсни эти — народныя, которыя не осмѣлилось уничтожить и самое время.

Наши казаки поютъ какъ свои казачьи, такъ и вообще военныя — солдатскія — и народныя пѣсни, а подь-часъ даже и романсы (хотя немного, но все-таки поютъ), слѣдующимъ порядкомъ: сперва, обыкновенно, поется протяжная, широкая пѣсня, за которой слѣдуетъ веселая, удалая пѣсенка, запѣваемая только запѣвалою, а потомъ подхватываемая всѣмъ хоромъ безъ перерыва, все съ возрастающею живостью, съ разными вскрикиваніями и присвистываніями, съ аккомпаниментомъ бубна, тарелокъ, треугольника, ложки, приплясываньемъ и т. д. Такія веселыя, живыя пѣсенки называются у казаковъ припѣвками.

Я уже говорилъ, что въ послѣднее время свои родныя казачьи пѣсни постепенно вытѣсняются очень часто плохими народными пѣснями и романсами, а иногда и пѣснями непристойнаго, циническаго содержанія. Это явленіе весьма печально, тѣмъ болѣе, что у насъ пѣсни не удовлетворяютъ какой-либо пустой прихоти казака, а составляютъ его существенную потребность и имѣютъ на казака сильное оживляющее и воодушевляющее вліяніе, особенно въ его трудной походной и боевой жизни. Поэтому-то распространеніе между нашими казаками своихъ родныхъ казачьихъ пѣсень представляетъ не какую-либо излишнюю роскошь; а крайнюю необходимость; въ особенности въ на-

стоящее время, когда казаки проводят на действительной строевой службѣ самое короткое время, и, слѣдовательно, исчезновение между казаками своихъ историческихъ, военныхъ и другихъ пѣсенъ пойдетъ еще быстрее, если на сохраненіе ихъ и распространеніе между казаками не будетъ обращено должнаго вниманія. Кроме того, это необходимо и для сохраненія въ молодомъ поколѣннн славныхъ преданій нашихъ предковъ-казановъ. Историческія пѣсни включаютъ въ себя живую исторію уральскаго войска, и славные подвиги предковъ, воспѣваемые въ пѣсняхъ, усваиваются не только одними (памятью), но прямо проникаютъ въ сердце, и живутъ и воодушевляють насъ. Таково было влияние исторической пѣсни у всѣхъ народовъ и такимъ оно навсегда останется. Но военныя пѣсни могутъ имѣть такое благотворное и воодушевляющее влияние на казака, если онъ понимаетъ содержаніе ихъ и знаетъ, про что и про кого поется въ нихъ, а этого-то имѣнно и не достаетъ нашему казаву въ настоящее время, почему и необходимо только разсказать ему самое содержаніе пѣсни, о тѣхъ событіяхъ и лицахъ, которыя воспѣваются въ ней. Такимъ образомъ, каждый казакъ можетъ ознакомиться со своею исторіей, и именно съ тѣми главными событіями ея, на которыя уже отделиннулось въ пѣсняхъ казачье сердце и которыя должны быть известны казаву, ибо въ нихъ-то и хранятся великіе подвиги и славныя боевыя преданія нашихъ предковъ.

Собранныя мною пѣсни относятся, преимущественно, къ событіямъ, происшедшимъ въ XVI, XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ, и почти всѣ — казачьяго творчества и духа. Всѣ онѣ, по своему содержанію, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ тѣхъ событій, которыя въ нихъ воспѣваются, или, вообще, въ которыхъ онѣ относятся, и раздѣлены на шесть отдѣловъ: первымъ помѣщенъ отдѣлъ героически-легендарныхъ пѣсенъ, вторымъ — разбойничьихъ, третьимъ — историческихъ, четвертымъ — военныхъ, пятымъ — удалыхъ (припѣвки) и шестымъ — относящихся къ мирной, внутренней жизни, и кроме того еще два отдѣла: седьмой — стихотвореній, касающихся уральскихъ казановъ, изъ которыхъ

многія могутъ быть свободно распѣваемы какъ пѣсни, и восьмой — нѣсколько пѣсенъ другихъ казачьихъ войскъ, помѣщенныхъ здѣсь, такъ сказать, для сравненія поэзіи уральцевъ съ поэзіей казаковъ прочихъ казачьихъ войскъ.

При нѣкоторыхъ пѣсняхъ помѣщены примѣчанія, т.-е. разъясненія содержанія пѣсни, или же только отвѣты на нѣкоторые вопросы, упоминаемые въ пѣсняхъ, варианты пѣсенъ, указывающіе на разнорѣчія одной и той же пѣсни и, въ заключеніе, въ концѣ „Сборника“, приложены краткія свѣдѣнія о началѣ русскаго казачества, время образованія всѣхъ казачьихъ войскъ и перечень службъ уральскаго казачьяго войска, дошедшихъ до насъ, со времени образованія войска и до настоящаго времени.

Несмотря на обиліе собранныхъ пѣсенъ, считаю долгомъ сказать, что здѣсь, однако, далеко не всѣ существующія на Уралѣ казачьи пѣсни. Пробѣлы, надѣмся, со временемъ будутъ пополнены если не мною, то кѣмъ-либо изъ любителей этого дѣла; мнѣ же, при всемъ моемъ желаніи, за неимѣніемъ достаточно свободнаго времени и средствъ, не представляется возможности осуществить это желаніе въ настоящее время, а потому „чѣмъ богать, тѣмъ и радъ!“

Хотя настоящій „Сборникъ“ будетъ и не полнымъ, тѣмъ не менѣе наши станичники найдутъ въ немъ многія извѣстныя и особенно уважаемыя по своему достоинству мѣстныя пѣсни.

Въ заключеніе считаю непремѣннымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность М. П. Хорошину, Ф. И. Толстухину, А. Г. Назарову, Н. А. Бородину, В. П. Мартынову, В. А. Чалусову, В. А. Чурѣву, А. И. Чалкаеву, С. А. Ливкину, С. А. Плуткину, И. А. Бызову, А. Е. Митрясову, Е. Н. Никишину, А. Д. Лагашкину, И. Ф. Мирошнину, Б. Кожевникову, Т. О. Торбину, М. И. Красновой и проч., а также памяти покойнаго Н. Ф. Савичева, — доставившимъ мнѣ нѣкоторыя старинныя и современныя пѣсни.

Н. Мянущинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№№	СТРАН.
Предисловіе..	1

ОТДѢЛЪ I.

Былины.

1. Добрыня Никитичъ	1
2. Вотъ еще три года Добрынюшка столъничалъ	3
3. Ужь ты Марина-ль, Марина (вариантъ)	4
4. Доселева про Кіевъ-море не слыхано.	5
5. Тоже (вариантъ).	6
6. Дюкъ Степановичъ	7
7. Казакъ наѣзжаетъ на разбойниковъ.	8
8. Устиманъ-звѣрь.	9
9. Харко.	10
10. Индрикъ-звѣрь	13
11. Сыръ-матерый дубъ	—
Примѣчаніе къ пѣснямъ-былинамъ.	15

ОТДѢЛЪ II.

Разбойничьи пѣсни.

1. Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, на Камышинкѣ.	21
2. Тоже (вариантъ).	23
3. На рѣкѣ, на рѣчкѣ, братцы (вариантъ)	24
4. Шатался, мотался Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ (вариантъ).	25

№№	СТРАН.
5. Какъ проходить, братцы, гѣто теплое	27
6. На устьѣ было матушки Волги рѣки	29
7. На степи было на Саратовской	34
8. Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ	36
9. У насъ-то было на батюшеѣ, на тихомъ Дону	38
10. Какъ по морюшку, морю синему	40
11. Сонъ Стеньки Разина	41
12. Какъ по морю, морю синему.. . . .	—
13. За Ураломъ, за рѣкой.	42

В О Т Д Ѣ Л Ъ Ш Л О

Историческія пѣсни.

1. Яикушка Горыновичъ	47
2. Яикъ ты нашъ, Яикушка (вариантъ)	48
3. Маринкинъ городокъ	49
4. Казаки дуванъ дуванятъ	50
5. Выметываль нашъ Яикушка (вариантъ)	51
6. Какъ Яикъ-то нашъ, все Яикушка (вариантъ)	52
7. Не ясны соколики слеталися	53
8. Тоже (вариантъ)	54
9. Ургенчъ	55
10. Не сизой орелъ леталъ по поднебесью	57
11. Бой казаковъ на Утѣ	—
12. Какъ за рѣченькой было за быстрой (вариантъ)	58
13. Какъ за рѣченькой то было за Утвою (вариантъ)	59
14. Походъ Бековича въ Хиву	60
15. Подымалася погодушка полуденная	61
16. За славною было за рѣчущкой	62
17. Про Игнатюшку Иваныча Некрасова	63
18. Участіе Яицкихъ казаковъ въ битвѣ подъ Азовомъ	66
19. Приуныли, приутихли на Дону донскіе казаки	67
20. По край было бережка Кіянъ-моря	68
21. Разцвѣтало наше батюшко Черно-море	69
22. Какъ по морю-морю, по Еврейскому	—
23. Тоже (вариантъ)	70
24. Бой казаковъ съ киргизами	71
25. Объ Алтынскомъ знамени	72
26. Изъ-за горъ-то было, братцы, высокиихъ (вариантъ)	73
27. Годъ князя Волконскаго на Уралѣ	—
28. На зорѣ было, братцы, на зоренькѣ (вариантъ)	75
29. Казаки въ 1812 году	76
30. Изъ-за глѣбу было, глѣбу темнаго	77

№№		СТРАИ.
31.	На горѣ-то было, на зоренькѣ	76
32.	На горѣ-то было, братцы, на высокой	79
33.	Смерть Александра Благословеннаго	80
34.	Заунывно, братцы, въ каменной Москвѣ	81
35.	Походъ съ Цюлковскимъ	81
36.	Лежала, путь дороженька (вариантъ)	82
37.	Походъ на киргизовъ	84
38.	Изъ событія 1837 года	85
39.	Походъ Перовскаго въ Хиву	85
40.	Мы, Уральскіе казаки (припѣвка)	86
41.	Проводы миссіи въ Хиву	87
42.	Уральцы возводятъ Раимское удѣльиіе	88
43.	Изъ военныхъ событій 1853—1856 гг.	89
44.	Иканскій бой	90
45.	Тоже (въ исправленномъ видѣ)	93
46.	Иканскимъ героямъ	95
47.	Уральцы въ походѣ у Адаевцевъ	97
48.	Походъ Кауфмана въ Хиву	99
49.	На взятіе Хивы	101
50.	На Михайловъ день собираются	102

ОТДѢЛЪ IV.

Военныя пѣсни.

1.	По стенамъ-то, стенамъ, все радольнымъ	107
2.	Ахъ, долина моя, ты долинушка	108
3.	Какъ не сонъ-то влонить	—
4.	Тоже (вариантъ)	109
5.	Какъ за рѣчью, за Кубанкою	110
6.	Ахъ ты, поле мое, поле чистое (вариантъ)	111
7.	Ужъ вы, горы мои, горы высокія	112
8.	Ужъ вы горы-ли, горюшки высокія (вариантъ)	114
9.	Нѣту, нѣту у молодца	116
10.	Туманы вы мои, туманушки	114
11.	Какъ не ясенъ-то соколъ въ ясномъ небѣ	115
12.	Славно, bravo, казаки	116
13.	Вспомни, вспомни, Шамиль-бергелъ	117
14.	Слава русскому казаку	—
15.	На Каспійскомъ на морѣ	118
16.	Царь послалъ насъ въ степь Зянку	119
17.	Друзья! въ едино соберемся	120
18.	Бой съ коканцами въ Копъ-Суатъ	—
19.	Бой съ коканцами въ 1853 году	121

№№	СТРАН.
20. Изъ Джулека выступали	125
21. Какъ во крѣпости Джулекѣ	—
22. Пѣсня лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизиона	126
23. Командиръ съ нами былъ Сладковъ	127
24. Долго-ль, долго-ль намъ безъ дѣла.	128
25. Ну, товарищи, мы встанемъ	129
26. Пашка	131
27. Винтовка	132
28. Переходъ казаковъ чрезъ Киргизскую степь въ Уильское укрѣпленіе въ 1869 году	133
29. Во Хивинской во долинь	134
30. Уральцы въ Турецкой войнѣ въ 1877—1878 г.г.	136
31. Битва при Геокъ-Тене въ 1881 году	138
32. Не туманъ съ моря поднялся.	141
33. Число настало роковое	142

ОТДѢЛЪ V.

Удалыя пѣсни.

1. Хороша наша станица, только улица грязна	147
2. Казынька	148
3. Полянна	149
4. Общая казачья	150
5. Какъ во нынѣшнемъ во годѣ	151
6. Ахъ ты, хмѣлюшка, хмѣлевъ, что не развивался	153
7. Туркестанъ мы обложили	154
8. Въ Туркестантѣ мы засѣли	—
9. За горами, за долами (вариантъ)	160
10. Бой на Ирджарѣ	162
11. Распроклятый, злой бухарець (вариантъ)	164
12. Скобелевская.	165
13. Походъ на Алай	167
14. Не ясенъ соволевъ летать.	168
15. Въ восемьдесятъ пятомъ году.	169
16. Утромъ встали, полетѣли (продолженіе 15-й пѣсни)	173

ОТДѢЛЪ VI.

Бытовья пѣсни.

1. Отецъ съ сыномъ на сѣнокосѣ стога металь.	181
2. Какъ не бѣлые снѣжки	183

№№	СТРАН.
3. Не бѣленька березынька къ землѣ клонится	184
4. Ужь конь ты нашъ сѣрый	—
5. Казакъ съѣзжаетъ со квартирушки	185
6. Уральскій казакъ	186
7. На краю Руси обширной	187
8. Никто! Уральскіе казаки	189
9. Казакъ	191
10. Казачка	192
11. Казаки свой умъ имѣютъ	193
12. Какъ шли двое невольниковъ	194
13. Ой ты, батюшка!	195
14. Погоня казаковъ за епргизами	196
15. Проводы казака на службу	197
16. Побхаль далеко казакъ, на чужбину	198
17. Съ надеждой вѣрною, съ чужбины	199
18. Солнце закатилось за темные дѣса	200
19. Солетались соколы со стороны	201
20. Во полѣ, полѣ чистымъ	202
21. Первымъ полемъ мальчикъ шелъ	203
22. Вдова рыдаетъ по своимъ хоромамъ	204
23. Не бѣлая березка съ березынькой свивалась	—
24. Вечоръ во мнѣ, дѣвушѣ	205
25. Нѣтъ несчастнѣй молодца меня	206
26. Какъ во пятый было годъ	207

ОТДѢЛЪ VII.

Стихотворенія.

1. Уралъ	211
2. Тоже	213
3. Штатъ	216
4. Жалкое творенье	217
5. Утѣшенье	219
6. Рыцарь	—
7. Уралъ и его притоки	221
8. Багренье	225
9. Рѣка Уралъ	227
10. На яру	229
11. Къ Пасхѣ (морское рыболовство)	230
12. Военная слава	232
13. Казацкіе этюды	235
14. Сегодня мы прощальнымъ пиромъ	236
15. Иканскому герою, В. Р. Сѣрову	237

№№	СТРАН.
16. Здравствуй, нашъ герой хивинскій	238
17. Покорителямъ Хивы	239
18. То старина, то и дѣянье	241

ОТДѢЛЪ VIII.

Пѣсни разныхъ казачьихъ войскъ.

Бывшаго Запорожскаго казачьяго войска:

1. Гей летала зозуленька по Украйнѣ	245
2. Хорошъ казакъ, хорошъ казакъ, видай хочѣ смерти	246
3. Сидитъ казакъ на могилѣ, тай думку думаетъ	—

Донскаго казачьяго войска:

4. Кукушечка соловушку журила, бранила	247
5. Платовъ тайно у французовъ	248

Терскаго казачьяго войска:

6. Полнымъ сердцемъ торжествова	250
7. Пыль влудится по дорогѣ	251

Кубанскаго казачьяго войска:

8. Ой на гори, гори	252
-------------------------------	-----

Оренбургскаго казачьяго войска:

9. Какъ со вечера нашъ атаманушка	253
10. Вспомнимъ, братья, Оренбурцы	254

Сибирскаго казачьяго войска:

11. Утромъ рано, весной	255
-----------------------------------	-----

Завайкальскаго казачьяго войска:

12. А за славнымъ было батюшкой за Байкаломъ моремъ	258
---	-----

Амурскаго казачьяго войска:

13. Во Сибирской во Украйнѣ	259
Краткія свѣдѣнія о началѣ Россійскаго казачества	265

ОТДѢЛЪ I.

БЫЛИНЫ.

1. 1. 1. 1.

2. 2. 2. 2.

Добрыня Никитичъ.

Не громъ гремитъ у насъ во Кіевѣ,
 Не громъ гремитъ передъ дождикомъ,
 Не молонья свѣтитъ передъ тучкою:
 Тутъ бьетъ челомъ Добрыня передъ матерью,
 Передъ старой вдовой, Афимьей Александровной:
 — „Ужь ты, гой еси, родима-мила матушка,
 Стара вдова, Афимья Александровна!
 Ужь ты дай-ка мнѣ свое-де благословеньице
 Отнынѣ мнѣ и во-вѣки —
 Во чисто поле Добрынѣ ѣхати.
 Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
 Во чисто поле, разгуляюся,
 Съ казавами мнѣ, Добрынѣ, показаковать,
 Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
 Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
 Богатырску силу испровѣдати“.
 Тутъ возговоритъ его матушка родимая,
 Стара вдова, Афимья Александровна:
 — „Ужь ты, гой еси, дитя мое, чадо милое,
 Добрынюшка, сынъ Никитьевичъ!
 Молодохонекъ ты, зеленехонекъ:
 Не умѣешь ты, Добрынюшка, коня сѣдлатъ,
 Ты коня сѣдлатъ, Добрынюшка, конемъ владѣть.
 Тебѣ отъ роду только двѣнадцать лѣтъ,

На тринадцатомъ годочкѣ ты погулять захотѣлъ
По большому полю по Кулікову“.
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитѣвичъ:
— „Ужъ ты, гой еси, родима-мила матушка,
Старà вдова, Афимья Александровна!
Благослови меня ѣхать во чисто поле на двѣнадцать лѣтъ.
Я поѣду отъ восхода до запада,
Къ тому озеру, къ Бѣлоозеру,
Ко дядюшкѣ своему къ родимому,
Для грѣховъ своихъ избавленія“.
Тутъ возговорить его матушка родимая,
Старà вдова, Афимья Александровна:
— „Ужъ ты, гой еси, дитя мое, дитятко,
Добрыня, сынъ Никитѣвичъ!
Будутъ ли отъ сухова древа отрасли,
Тогда будь надъ тобой мое благословеньице.
На кого ты меня, Добрынюшка, повинешъ?
Молоду свою жену кому прикажешъ?“
Возговорить тутъ Добрыня, сынъ Никитѣвичъ:
— „Ужъ ты, гой еси, родима-мила матушка,
Старà вдова, Афимья Александровна!
Я покину тебя, матушка, на Бога, —
Молодой женѣ своя ей воля:
Хошь замужъ иди, хошь вдовой сиди, —
Хошь за князя поди, хошь за боярина, —
Иль за сильнаго, могучаго богатыря,
Только не ходи моя жена за Алешку Поповича:
Алешка Поповичъ мнѣ названный братъ.
Мы въ полѣ съ нимъ свѣзжались,
Крестами съ нимъ мѣнялися.
Благослови, матушка, взойди на конюшенъ дворъ,
Выбрать подъ себя мнѣ коня добраго,
Коня добраго, все иноходаго“.
Тутъ входилъ Добрыня на конюшенку,
И вскричалъ Добрыня своимъ громкимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, гой еси, мои кони добрые,
Кони добрые, все иноходые!
Сослужите мнѣ службу не дальнюю и не ближнюю,

Совезите меня отъ восхода до запада,
Ко тому озеру, въ Бѣлоозеру“...
Тутъ всѣ кони испугались,
Повѣсили свои буйны головы,
Потупили очи ясны во сыру землю.
Отвѣтъ на нихъ держалъ одинъ буланый конь:
— „Ужъ ты, гой еси, нашъ хозяинъ ласковый,
Добрыня, сынъ Никитѣвичъ!
Сослужу я тебя службу не дальнюю и не ближнюю,
Когда минетъ двѣнадцать лѣтъ“...

(Библиотека для чтенія 1831 года, I, стр. 4—5).

2.

Вотъ еще три года Добрынюшка стольничалъ,
Еще три года Никитичъ приворотничалъ.
Стольничалъ, ложничалъ девять лѣтъ —
На десятомъ году погулять захотѣлъ.
Какъ по славному по городу, по Кіеву,
По проѣзжей большой улицѣ, Маринкиной.
Увидаль онъ у Маринки въ високомъ теремѣ,
Въ високомъ теремѣ, на косячатомъ окнѣ:
Два жужличка, два голубчика,
Два сизенькихъ, сизокрыленькихъ,
Цѣлуются, милуются.
Заглядѣлся Добрыня на жужличковъ,
На жужличковъ, двухъ голубчиковъ,
На двухъ сизенькихъ, сизокрыленькихъ:
Его лѣвая нога посользнула,ся,
Его правая рука волыхнула,ся.
И за досаду Добрынь показало,ся,
За великую грубу становило,ся.
Вынималъ онъ изъ налучна тугой луць,
Изъ колчана вынималъ каленú стрѣлу,
Онъ натягивалъ тетивочку шелковую,
И накладывалъ стрѣлочку вленовую,
И стрѣлялъ во голубчика сизенькова:

Вспѣла тетивочка шелковая,
Завындзала стрѣлочка кленовая.
Не убилъ-то Добрыня голубчика сизенькова,
А убилъ у Маринки друга миленькова —
Друга милаго, Змія-Тугарина!
На ту пору Маринки тутъ не было,
Тутъ не было, не случилось:
Бѣлилась она, румянилась въ особой горенѣ,
И чесала Маринка буйную голову,
И заплетала Маринка косу русую.
Убрамшись, выходила Маринка на красенъ крылецъ,
Увидала она дружка свою обранена,
Обранена Змія-Тугарина.
И возговорить Маринка таковы словеса:
— „Чья эта шуточка запущена?
Эта шуточка запущена не маленькая,
Не маленькая шуточка Добрынюшки,
Добрынюшки, сына Нивитьевича,
Что ни худшаго моего полюбовничка“...
Да возговорить Добрыня таковы словеса:
— „Ты Маринка!
Не тебѣ-же, Маринка, насмѣхаться,
Мною, молодцемъ, похвалятся.
Я возьму тебя, Маринка, возьму обморочу:
И сорокою бѣлобокою, кобылицею водовозною!“

(Библиотека для чтенія 1861 года, I, стр. 30—31).

3.

Варіантъ.

Ужъ ты, Марина-ль, Марина,
Бадія твоя мать Кайдаловна,
Ты любила изъ-за дальной,
Золотой орды, любовника, по прозванью
И по фамилію Змія-Тугарина,
Который могъ побѣждать русскую армию.

Ну, каеъ одинъ Яицеой казаеъ
Изъ россійскихъ сыновъ,
Добрыня, сынъ Никитьевичъ,
Онъ убилъ каленбй стрѣлой
Во правой глазъ Змія-Тугарина,
И отрубилъ ему голову
И положилъ во свой волчанъ.
Потомъ выбѣжалъ изъ палатъ Марининыхъ,
Вскричалъ, взгаренулъ своимъ голосомъ:
— „Ужъ вы, братцы, герои русскіе!
Я убилъ Змія, теперъ плѣнилъ
Золотую орду, Будинскую.

(Записана со словъ казака А. Хохлачева, въ требушинскомъ поселкѣ).

4.

Доселева про Кіанъ-море не слыхано,
А нониче на Кіанъ-море собираются:
Суцеой, Пруцеой, Новоторжинской¹⁾.
Снаряжали они тридцать кораблей безъ одинаго,
Про себя они украшали Соколъ-корабль:
Вмѣсто мачты ставили древо кипарисово,
А снасточки-бичевочки шелковья,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.
Весь Соколъ-корабль изукрашенный,
Мелкимъ жемчугомъ изувѣшанный.
На кормѣ-то они сажали Илью-Муромца,
А на носѣ-же Добрыню Никитича.
Сталь отваливать корабликъ отъ берега,
Отъ того-ли бережка крутенькаго,
Отъ мелва песочья сыпучаго,
Отъ камышива, да зеленаго.
И пошелъ корабль во сине-море,

¹⁾ Полагать надо, это будутъ: Свейской (Шведскій), Прусскій и Норвежскій, сосѣдніе между собою и съ нами сѣверные короли.

Да невзгодица прилучилася:
Не далеко на деревѣ сидѣль старъ-сизой-орель,
Онъ сидѣль, сидѣль и не давалъ имъ выходу
И отъ духу его не стало ходу Соколу-кораблю.
Зарывается отъ сиза-орла
Соколь-корабль во сизу волну.
И возговорилъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
— „Ужь ты общій, большой нашъ братъ,
Братъ названный, Добрыня Никитьевичъ,
Ты подай мнѣ лукъ во пятнадцать нудъ!“
И тугой свой лукъ онъ натягиваль,
Калену стрѣлу на тетивочку онъ накладываль,
Онъ убилъ орла во бѣлую грудь,
Во бѣлую грудь, въ ретиво сердце,
Онъ упаль, нашъ сизой орель, во синѣ море, во Каспидное
И тогда пошелъ корабль вольной птицею.
(„Уральское казачье войско“, Рабинина, 1866 года, т. I, стр. 385).

5.

Вариантъ.

Дотолева, братцы, про Кіанъ-море не слыхано,
А нониче на Кіанъ-море собираются,
Собираются Сацкой, Пруцкой, Новоторженецъ;
Собираеть онъ тридцать кораблей безъ одинаго,
Для себя убираеть онъ Соколь-корабль,
Деревца ставить кипарисовы,
Двѣнадцать парусовъ канифасовыхъ.
На корму сажаль Илью-Муромца,
А на носъ — Добрыню Никитыча.
Отваливаетъ Сацкой отъ бережка,
Отъ того-ль бережка крутова,
Отъ камешка горючаго.
Какъ сильная буря поднималася:
Налетѣль на Соколь-корабль сизой орель,

Онъ всё снасточки-бичевочки поборвалъ,
Двѣнадцать парусовъ всё попустилъ.
Возговорилъ Добрыня Никитѣевичъ:
— „Ты, названный братъ, Илья Муромецъ,
Вынь изъ налучня свой тугой лукъ,
Наложь-ка свою калену стрѣлу,
Убей сиза орла во бѣлу грудь“.

(Сообщилъ М. П. Х — въ).

6.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ-за-лѣсикъ было, лѣсу тѣмнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокиихъ,
Выѣзжалъ-то тутъ Дюкъ Степановичъ,
Добрый молодецъ,
На своемъ-то на добромъ конѣ, въ буромъ бахматѣ —
Подъ нимъ добрый конь, что лютой звѣрь разыграется.
Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ, какъ ясень соколъ,
За плечами-то у него крѣпкій лукъ-волчанъ,
Во волчанѣ-то у него не мало стрѣлъ,
Что кажинная быстра-стрѣлочка — во пятьсотъ рублей,
А тремъ стрѣлочкамъ завѣтнымъ и цѣны-то нѣтъ;
Во ухахъ у нихъ перышки орлиныя —
Не тѣхъ орловъ, орловъ турецкихъ, все заморскихъ,
Что вилися на синемъ морѣ, на Кіань-морѣ,
Да роняли свои перышки во Кіань-море,
Собрали-то эти перышки корабельщики,
Привозили они эти перышки въ Каменну-Москву.
Добрымъ молодцамъ эти перышки — въ калены стрѣлы,
Краснымъ дѣвушкамъ, да молодушкамъ — на диковинку.
Вотъ поѣхалъ онъ, Дюкъ Степановичъ, во чисто поле,
Онъ натягивалъ тугой лукъ крѣпкой ручкою,
Онъ накладывалъ на тетивочку калену стрѣлу,
Онъ по днямъ стрѣлялъ, по ночамъ сбиралъ свои стрѣлочки,
Гдѣ стрѣла стоитъ, тутъ свѣча горитъ воску яраго.

(Библиотека для чтенія, 1861 года, № 3).

Казакъ наѣзжаетъ на разбойниковъ.

Какъ со вечера старой казакъ думу думалъ,
На бѣлой зарѣ старой казакъ своего коня сѣдлалъ,
На восходѣ-то солнца краснаго со двора сѣвжалъ.
Выѣзжалъ же старой казакъ на чисто поле,
Все на чисто поле, старой казакъ, на Куликово.
Не бѣлыя снѣги-снѣжочки въ полѣ забѣлѣлися,
Забѣлѣлася у стараго воина головушка,
Отъ головушки посѣдѣла вся его бородушка.
Наѣзжалъ же старой казакъ на диковинку,
На диковинку, старой казакъ, — на три дороженьки.
На дороженькахъ лежитъ, братцы, бѣль-горючъ камень,
А на камешкѣ всѣ дороженьки порасписаны:
Какъ по первой по дороженькѣ ѣхать — быть богатому,
По другой же по дороженькѣ ѣхать — быть женатому,
Какъ по третьей по дороженькѣ ѣхать — быть убитому.
Становился же старой казакъ, сталъ думу думати:
— „По которой по дороженькѣ мнѣ будетъ ѣхать?
Мнѣ богатство, старому, братцы, не надобно,
Мнѣ женитьба, казаку старому, все на умъ нейдетъ,
Дай, поѣду по дороженькѣ, гдѣ мнѣ быть убитому.
Поѣхалъ я, старый, по дороженькѣ,
Наѣхалъ я, старый, на охотниковъ,
На русскихъ, удалыхъ разбойниковъ“.
Возговорилъ старый, братцы, таковы слова:
— „Примите меня, братцы, во товарищи“.
Увидѣлъ онъ, старый, ихъ злой помыселъ,
Что хотятъ они у стараго коня отнять.
Возговорилъ старой казакъ таковы слова:
— „Убить вамъ, братцы, меня не за-что,
И снять съ меня вамъ, братцы, нѣчего:
Одна на мнѣ сермяга и та — сѣрая,
Одна пола — во пятьсотъ рублей,
А другая — во всю тысячу,

А всей сермягѣ и цѣны нѣту“.
Вынулъ же онъ изъ налучна тугой свой лукъ,
Наложилъ на тетиву вленову стрѣлу,
Пустилъ же ее во сыру-землю,
Тутъ же ему поворились тѣ охотники.

(Сообщилъ Н. Ф. Савичевъ).

8.

Устиманъ-звѣрь.

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя-моря подымалися —
Появлялися со дивой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со кунницею,
Напередъ у нихъ бѣжить старъ Устиманъ-звѣрь,
На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на Устиманѣ все булатныя,
Какъ на важинной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ,
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо¹⁾.
Не чистой-то жемчугъ по блюду рассыпается —
Всѣ-то звѣри лютые разбѣгаются,
Подбѣгали звѣри дивные къ Яику-рѣкѣ.
Воскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
Своимъ громкимъ голосомъ:
Всѣ сыры-дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Яикушка возмутилася;
Устоялъ только одинъ сыр-матѣрый дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орель,
Не сизой орель, удалый добрый молодець.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ,
Попадалъ же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце,
И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать-сыру-землю:
Застонала мать-сыра-земля и разступилася,

¹⁾ Надо полагать — жѣдный щитъ за спиной.

Пожрала она звѣря лютаго,
Самого Устимана-разбойника ¹⁾.

(Изъ очерка быта Уральскихъ казаковъ, соч. I. И. Желѣзнова, ч. I,
изд. 1858 г., стр. 221, 222).

9.

Харко ²⁾.

Увиль, ухитиль Харкушко
Себѣ тепло гнѣздышко,
На высокомъ, семи-ствольномъ осокорѣ,
И зажилъ въ немъ, словно во палатушкахъ.
Подъ навѣсомъ, у корня осокорь-дерева,
И день, и ночь стоялъ на-готовѣ
Богатырскій конь, осѣдланнй;
Другой, заводной конь, вороненькй,
Гулялъ на лугу стреноженный.
Питался храбрый Харкушко
Отъ своихъ трудовъ праведныхъ:
Рыбы, дичи, всякой живности

¹⁾ Въ лицѣ Устимана-звѣря, какъ говоритъ I. И. Желѣзновъ, мы должны видѣть не настоящаго какого-нибудь звѣря, а стариннаго азіатскаго героя-богатыря, который, вѣроятно, дѣлалъ нападенія на русскія жилища и котораго, по дикости и звѣрству, казаки уподобили звѣрю. Когда и кѣмъ была составлена эта пѣсня — неизвѣстно, но въ старину она была въ большомъ ходу на Уралѣ, съ 1820-хъ же годовъ ее почти не стало слышно.

²⁾ По преданіямъ, сохранившимся въ разныхъ мѣстностяхъ Уральскаго войска, жизнь и подвиги удалца Харко, во время пребыванія его на Яикѣ, рисуются въ слѣдующей картинѣ. Устроилъ Харко себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Яика и оттуда наблюдалъ за ордынцами. Харко былъ сподвижникомъ Степана Разина. То урочище, гдѣ у Харко было свито па осокорѣ теплое гнѣздо, провалялось въ народѣ Харкинымъ. Впослѣдствіи, когда Лицкіе казаки заселили низовья Яика, а это было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, то, между прочимъ, построили на томъ урочищѣ форпостъ, названный Харкинымъ, существующій и понинѣ ниже Калмыкова, верстахъ въ 275 отъ Уральска и 225—отъ Гурьева.

Не въ проборъ было у мѣлодца;
Но исторія наша не о томъ гласить,
Чѣмъ питался удалой Харкушко,
Исторія сказать должна,
Какъ надъ ордой онъ потѣшался:
Сидить, бывало, Харкушко
Въ своемъ тепломъ гнѣздушеѣ,
Понюхиваетъ, бывало, Харкушко
Изъ рога табачеѣ съ вязовой золою,
Глядитъ-поглядываетъ, бывало, Харкушко
Своими соволиными глазами,
Въ степь широкую, пустынную,
Не идутъ ли, не ѣдутъ ли киргизы бритоголовые,
Мира крещенаго враги лютые.
Вотъ видить удалой Харкушко:
Вечеркомъ, при закатѣ солнца краснаго,
Ѣдетъ отъ Каравуля ¹⁾ толпа нарядная,
Толпа двуконная, шумливая, егозливая, —
То киргизскіе, хвастливые батыри,
Родовъ: Адайскаго, Тазварскаго, Черкаскаго.
Намѣреніе ихъ злое, басурманское:
Ѣдутъ они исвать брода не глубокаго,
Ѣдутъ исвать перелаза не широкаго,
Гдѣ-бъ легче было и вольготнѣе
Перелѣзть Яивъ-рѣченьку,
Потомъ идти къ матушеѣ Волгѣ-рѣкѣ
Грابتъ, разорать селенія расейскія,
Иль-бо улусы калмыцкіе, нагайскіе.
Для киргизовъ все единственно
Кого-бъ ни разорать, кого-бъ ни грабить,
Лишь бы добычу имѣть богатую.
Но и для Харкушки все единственно,
До кого-бъ тамъ киргизы ни грабились,
На кого-бъ ни точили ножи свои булатные,
На кого-бъ ни припасали арканы крученые.
У Харкушки намѣренье благое,

1) Кара-Куль—киргизское урочище, по русски „Черное озеро“.

Благое намѣренье, христіанское:
Разбить, избить киргизскихъ батырей,
Отбить у нихъ охоту дурацкую —
Топтать зеленѣ-луга казацкіе,
Мутить, свернить воды Яицкія,
Пугать, гонять рыбу красную,
Рыбу красную, пужливую, прихотливую.
Подъѣзжаютъ киргизы ко Яиць-рѣкѣ,
Становятся киргизы по край кряжа,
Того кряжа высокаго, Индерскаго,
По край луга зеленаго,
Того луга заповѣднаго,
Растилаютъ по землѣ бѣлы войлочкі,
Все персидскіе, хивинскіе коврики,
Разставляютъ свои легкія джуламеечкі.
Коней, стреноженныхъ и спутанныхъ,
Пуцаютъ пастись во зеленѣ лугъ,
Во зеленѣ лугъ, не копенный, не тронутый,
Пуцаютъ безъ часовыхъ, безъ караульщиковъ,
Разводятъ огонечкі веселые,
Наводятъ котелочкі чугунные,
Варятъ мясо кобыляцкое,
Тѣхъ кобыль ворованныхъ.
Сидятъ киргизы за ужиномъ:
Жрутъ маханъ, похваливаютъ,
Пьютъ кумызъ, побрякиваютъ,
О голенища пальцы повытирываютъ,
Черезъ бороды слюнами подзвизкиваютъ,
Пьютъ, жрутъ, прохлаждаются,
Надеждой будущихъ удачъ потѣшаются.
Любо, весело киргизамъ кумызничать:
Времячко стоитъ благодатное, весеннее,
Ноченька стоитъ тихая, прохладная,
Комаровъ и мошекъ въ заводѣ нѣтъ.
Не чуютъ, не вѣдаютъ киргизскіе батыри,
Что стережетъ ихъ удалый Харкушо;
Дождается Харкушо темной ноченьки,
Спускается со своего тепла гнѣздышка

И плыветь Харгушко за Яикъ-рѣку.
Переплывши Яикъ-рѣченьку,
Ужомъ ползеть въ киргизскому лагерю.
(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

10.

Индрикъ-звѣрь.

(Вариантъ къ былинѣ про Устиманъ-звѣря).

Не галичья стая подымалася,
Не звѣриное собраньице собиралося,
Не галичья стая въ перелетъ летить,
Не звѣриное собраньице въ перебѣгъ бѣжить,
Напередъ бѣжить собака, лютый Индрикъ-звѣрь.
У Индричка копыточки булатныя,
Шерсточка на Индричѣ бумажная,
Напередъ его щетинушки запрокинулись,
На спиначѣ два блюдечка серебряныя,
На блюдечкахъ два яблочка катаются,
Жемчугъ-бунчугъ разсыпается.
Подбѣгаетъ собака ко быстрой рѣкѣ,
Ко той рѣченькѣ, ко быстру Днѣпру.
Засвисталъ-то онъ, загарвалъ по звѣриному,
Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному;
Оттого-то Нѣпречка всколыхалася,
Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися.

(Изъ очерка быта Уральскихъ казаковъ, соч. І. И. Желѣзнова).

11.

Сыръ-матерый дубъ.

Какъ во далече, подалече, во чистомъ полѣ,
Выросталъ тутъ батюшка, сыръ-матерый дубъ.
У сыра дуба кореньице булатное,

У сыра дуба коринушко жемчужное,
У сыра дуба сучья-вѣточки хрустальные,
На сыромъ дубу листоченьки бумажные.
На сыромъ дубу было гнѣздышко соколиное,
Подъ сырымъ дубомъ было стойлице коневіе.
Не ясень соколъ надъ добрымъ конемъ ~~наспѣваться~~ сталъ:
— „Ужь ты, вляча ли моя, вляча, **сивый**, **рѣзвый** конь!
На тебѣ ли, **сивый** **рѣзвый** **конь**, шерсть ослиная (оленяя)¹⁾
А чернѣ мясо на **рѣзвомъ** **конѣ** что воронее!“
За обидушку то **добрѣ** коню показалося:
Не ясень соколъ со добрымъ конемъ позаспорились,
Они спорились не на сто рублей, не на тысячу,
Заложились о своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Доставалося соколу летѣть чрезъ синѣ-море,
А коню **бѣгать** приводилося кругъ синя-моря.
Обѣгалъ онъ, славный, **рѣзвый** **конь**, ~~вкругъ~~ **синя-моря**,
Добѣгалъ онъ до ~~мѣстечка~~ до урочнаго,
А яснаго, **буйна** сокола и въ появи нѣтъ.
~~Наивышис~~ онъ, наивышис, онъ во стойло сталъ.
Прилеталъ ясень соколъ во **добрѣ** коню,
Во когтяхъ держалъ **бѣлую** лебедушку.
Коню **рѣзвому** ясень соколъ извинялся,
Говорилъ ему рѣчи ласковы, со повинною:
— „Ужь летѣлъ я, ясень соколъ, чрезъ синѣ-море,
Ужь видалъ я гусей, лебедей, **сѣрыхъ** утицевъ,
Увидалъ я лебедушку, лебедь **бѣлую**,
У лебедушки увидалъ я **гогѣльчика**:
У меня, сокола, очи ясныя завидчивы,
Вотъ затѣмъ-то я, ясень соколъ, и замѣшкался!

(Библиотека для чтенія 1861 года, № 3).

¹⁾ Нѣкоторыя поютъ „мышиная“.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПѢСНЯМЪ-БЫЛИНАМЪ.

Нѣкоторыя пѣсни-былины совершенно не казачьяго творчества, а древне-русскаго, народнаго, и самый смысл ихъ ничего не имѣетъ казачьяго, но почему онѣ сохранились и поются въ современномъ казачьемъ кругу, намъ въ этомъ укажетъ сама исторія. Извѣстно, что казачество произошло изъ разноплеменныхъ народовъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ земли на широкую и раздольную Волгу и образовывавшихъ тамъ разгульныя разбойничьи шайки. Въ эти шайки вошли „бѣглецы съ береговъ воинственнаго Дона, и въ черныхъ локоняхъ еврей, и дивіе сыны степей: калмыкъ, башкирецъ безобразный, и рыжій финнъ, и съ лѣнью праздною, вездѣ вочующій цыганъ“¹⁾... Управителями же этихъ воинственныхъ и буйныхъ шайекъ были въ большинствѣ русскіе, москвичи, изъ-за Камы, изъ Нижняго Новгорода, и проч., гдѣ, между ними, мы видимъ знаменитаго въ исторіи Ермака, поворителя царства Кучума. Всякому понятно, что въ этомъ сбродномъ, разбойничьемъ притонѣ, бушевавшемъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, нѣсколько различныхъ нарѣчій, нравовъ, обычаевъ и у каждого была своеплеменная бытовая исторія. Калмыкъ, у досуга, напѣвалъ и восхвалялъ свои раздольныя степи и своихъ героев-батырей, въ родѣ Чингисхана и Тамерлана, башкирецъ, на тростниковой дудѣ (чебызга) печально наигрывалъ „Разореніе“²⁾, жидъ и цыганинъ напѣвали въ пѣсняхъ свое безпріютное положеніе и кругосвѣтное разсѣянiе, а русскій, подъ вліяніемъ горѣлки, воспѣвалъ вынесенныя имъ со своей родины былины. Въ нихъ онъ восхвалялъ древнихъ русскихъ могучихъ богатырей: Владимира—Красно-солнышко, Добрыню Никитича и другихъ...

Разнообразная народная толпа эта сформировалась на

¹⁾ Выдержка изъ стихотворенія Пушкина.

²⁾ Заунывный мотивъ, выработанный башкирами, производящій на нихъ особенное впечатлѣніе.

Волгѣ въ дружную массу и, назвавшись казаками, время отъ времени родилась между собою узамъ военно-разбойничьей жизни; въ ней появились знаменитые предводители-атаманы, которые, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вредили, а въ большинствѣ помогали русскому государству. Однако, не добрые слухи носились въ народѣ о Волжскихъ казакахъ и ихъ атаманахъ и, по повелѣнію въ то время Іоанна Грознаго, были посланы на Волгу стрѣльцы для укрощенія казачьихъ разбоевъ, „ловить и вѣшать безъ разбора всѣхъ тяглыхъ, бѣглыхъ мужиковъ и всѣхъ мятежныхъ казаковъ“¹⁾.

Этимъ была прервана удало-разбойничья казачья жизнь на Волгѣ и казаки вынуждены были искать себѣ другаго пріюта для свободы и разгула.

Большая часть изъ нихъ, приблизительно около 600 человекъ, подъ предводительствомъ атамана Ермака, отправилась вверхъ по Волгѣ, проникла на сѣверо-востокъ до рѣки Тобола и, преодолевъ великія преграды, въ концѣ-концовъ, вступила въ Сибирь и завоевала русскому государству Сибирское царство. Другіе же пошли на Каспій, остановились на устьѣ рѣки Яика. Чтобы не оставаться при морѣ и не быть пиратами, казаки пошли вверхъ по рѣкѣ Яику и, перенеся различныя препятствія со стороны нападавшей на нихъ, господствовавшей въ то время по Яику Золотой орды, проникли по нему вверхъ верстъ на шестьсотъ и остановились, устроили пикеты, посты и дружно отражали нападавшихъ на нихъ полу-дикихъ кочевыхъ народовъ.

Укоренившись такимъ образомъ на новомъ поселеніи, они организовали изъ себя казачье войско. О такомъ лихомъ поступкѣ казаковъ узнало русское государство, и казаки не замедлили прійти съ повинною въ вѣчное его подданство служить и отражать враговъ государства за вѣру и Царя:

И государь простеръ на казаковъ
Свое благословеніе столь далеко,

¹⁾ Указъ царя Іоанна Грознаго.

Что казачества съ нихъ не снялъ
И весь Уралъ отъ устьевъ до истока
Имъ въ вѣчное владѣнье даровалъ.
Тогда завоеватели Яика
Дрались противъ отечества враговъ,
Работали винтовка ихъ и пика
Противу турокъ, шведовъ, поляковъ.
Но болѣе заслуга ихъ велика
Была въ защитѣ граниныхъ береговъ
Сторожеваго, быстраго Яика,
Чѣмъ ограждались отъ кайсаковъ
Всѣ приволжскія селенья¹⁾.

Вотъ кто наши дѣды и вотъ почему у насъ, въ современномъ казачьемъ кругу, не забыты древне-русскія быліны, вынесенныя нашими дѣдами изъ домовъ, съ Руси, сперва на Волгу, а потомъ и на Яикъ, въ тотъ глухой уголокъ юго-восточнаго края того времени.

¹⁾ Выдержка изъ стихотворенія Н. Ѳ. Савичева.

ОТДѢЛЪ II.

РАЗБОЙНИЧЬИ ПѢСНИ.

1.

Какъ на Волгѣ-рѣкѣ, на Камышинѣ,
 Живутъ казаки, люди вольные,
 Донскіе, гребенскіе со лицами;
 У казаковъ — атаманушка ¹⁾
 По имени Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ.
 Не золота его трубочка вострубила,
 Не звонкая, не громкая его рѣчь возговорила,
 Говорилъ-то намъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
 — „Ужъ вы слушайте, братцы, послушайте,
 Дайте мнѣ, Ермаку, думушеу придумати:
 Проходить у насъ лѣто теплое,
 Наступаетъ зима холодная,
 Еще гдѣ же намъ зиму зимовать?
 Намъ на Волгѣ быть — все ворами слыть,
 На Яикъ идти — переходъ великъ,
 Подъ Казань идти ²⁾ — Грозенъ Царь стоитъ,
 Грозенъ Царь, Иванъ Васильевичъ;
 У него много силы — арміи,
 Не мало, не много — сорокъ тысячей.
 Не идти ли, братцы, намъ на Иртышъ рѣку?
 Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ
 И пойдемъ къ Царю съ повинною,

¹⁾ „Атаманъ“ — происходитъ отъ новгородскаго слова „ватаманъ“, т.-е. начальникъ ватаги, голова, предводитель.

²⁾ Казань взята въ 1552 году.

Возьмемъ топоръ со пилкою“ .
Ловилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ
Своего наилучшаго коня,
Вздѣвалъ свою уздечку тесьмяную,
Накладывалъ потники бѣлы-бумажные,
И накладывалъ свое сѣделище черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости;
Садился Ермакъ на своего добраго коня
И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.
Пѣшкомъ идетъ Ермакъ, свою силу ведетъ,
Онъ идетъ потихохоньку и почастехоньку,
Подъѣзжаетъ онъ въ широку дворцу,
Къ широку дворцу царскому,
Ко крылечку окрашенному,
Онъ слѣзъ, Ермакъ, съ добра коня,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ пошелъ, Ермакъ Тимофѣевичъ,
Во царски бѣлыя палатушки.
Онъ идетъ, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Потихохоньку и почастехоньку,
Онъ взошелъ во царски бѣлы во палатушки:
— „Ты здорово, батюшка нашъ, православный Царь,
Иванъ, сынъ Васильевичъ!
Я пріѣхалъ въ тебѣ, Ермакъ, съ повинною,
Я шатался, мотался, Ермакъ,
По чисту полю и по синю морю,
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли ¹⁾
И татарскіе, и басурманскіе,
А больше — корабли государевы:
Государевы корабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ царскаго герба“ .
Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— „Ужъ вы, гой еси, князья, бояре

¹⁾ Бусы-корабли, собственно, то-же, что дубовые корабли, т.-е. не-
большія лодки, долбленныя изъ одного дерева, съ набивными изъ досокъ
бортами.

И думные мои боярушки!
Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермакомъ,
Иль казнити, или вѣшати?“
Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
— „Еще мало намъ Ермака казнити, вѣшати“.
Да возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Злодѣй бояринъ, не царскій думчій!
Безъ суда хочешь меня казнити, вѣшати!“
Богатырская его сила подымалася
И богатырская его кровь разгоралася,
Вынималъ Ермакъ изъ своихъ ноженъ саблю вострую:
Буйная голова отъ плечъ могучихъ отвалилася
И по царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ царскихъ палатушекъ разбѣжались,
А царская персона перемѣнялася.

(Съ рукописи І. И. Желѣзнова).

2.

Вариантъ.

Какъ на Волгѣ — на рѣкѣ, да на Камышинкѣ,
Казаки, братцы, живутъ, люди вольные:
Все донскіе, гребенскіе со ящичими.
У казаковъ былъ, братцы, атаманушка,
Ермакомъ звали Тимофѣевичемъ.
Не злата труба, братцы, вострубила имъ,
Не она звѣнка взговорила рѣчь —
Взговорилъ рѣчь Ермакъ Тимофѣевичъ:
— „Ой вы, братцы, казаки, вы послушайте,
Да мнѣ думушку попридумайте:
Какъ проходить у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ, братцы, зима холодная.
Куда, братцы, мы зимовать пойдѣмъ?
Намъ на Волгѣ жить — все ворами слѣтъ!“

На Яивъ идти — переходъ великъ!
На Казань идти — Грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь стоитъ, все не милостивый.
Онъ послалъ на насъ рать великую,
Рать великую — въ сорокъ тысячей;
Тавъ пойдёмъ-же, братцы, да возьмемъ Сибирь!“
(Съ рукописи Н. Ф. Савичева).

3.

Вариантъ.

На рѣвѣ, на рѣчѣ, братцы,
Было на Камышинѣ:
Собиралися, соѣзжались
Люди вольные,
Что донскіе, гребенскіе казаки
Со яицѣими.
Атаманомъ былъ у нихъ
Ермакъ-душа,
А по отчеству Тимофѣевичъ.
Вотъ онъ рѣчь говоритъ,
Какъ въ трубу трубить:
— „Вы подумайте, ребятушки,
Да подумайте,
Да меня, Ермака-казака,
Вы послушайте:
Вотъ проходитъ у насъ, братцы,
Лѣто теплое,
Наступаетъ-то у насъ
Зимушка холодная.
Да мы гдѣ же эту зимушку
Зимовать будемъ?
На Яивъ-городъ идтить —
Переходъ великъ;
На Казань-городъ идтить —
Тамъ самъ Царь стоитъ,

Тамъ самъ Грозный Царь, —
Иванъ Васильевичъ,
А на тихомъ Дону быть —
Намъ ворами слыть“.

(Кавказскій Вѣстникъ, 1883 года, № 27).

4.

Вариантъ.

Шатался, мотался Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Онъ шатался, мотался по чисту полю,
По чисту полю, Ермакъ, да по синю морю,
Разбивалъ же, Ермакъ, всѣ бусы-корабли:
Татарскіе, армянскіе, басурманскіе,
А и больше того — корабли осударевы!
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскаго они безъ ербычка.
Возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Ой вы, гой еси, мои братья-товарищи.
Вы морскіе, удалые разбойничьи!
Еще гдѣ мы зиму зимовать будемъ?
Намъ на Волгѣ жить, братцы, все ворами слыть,
На Яикѣ идти — переходъ великъ.
Идти-ль намъ, не идти — на Иртышъ рѣву:
Мы съ Иртышъ-рѣки возьмемъ Тоболь-городъ,
Тоболь-городъ возьмемъ бѣлой грудю,
Бѣлой грудю возьмемъ, безъ свинца, безъ пороха,
Безъ свинца, безъ пороха, съ камчатной одной плетьюю,
И поѣдемъ мы къ Царю съ повинною,
Поведемъ ему свои буйны головы,
Во правой ругѣ повеземъ топорь-плаху“.
Ермакъ Тимофѣевичъ ловилъ себѣ добра-коня,
Добра коня, что ни лучшаго,
Добра коня, богатырскаго.
Надѣвалъ на него узду тесьмянную,
Навладывалъ потнички бѣлы-бумажные,

Накидывалъ сѣделище черкасское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы — для крѣпости.
Садился-де Ермакъ на добра-коня,
На добра-коня, Ермакъ, на иноходаго.
Передомъ ѣдетъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Ужь онъ ѣдетъ, ѣдетъ потихохоньку,
Ужь онъ ѣдетъ, ѣдетъ посмирнехоньку;
Подѣзжаетъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку дворцу, да ко Царскому;
Ко крылечу подѣхалъ ко крапленному.
Какъ слѣзъ Ермакъ со добра-коня
И пошелъ Ермакъ въ царскія палатушки.
Ужь идетъ-де онъ безъ докладушекъ,
Идетъ Ермакъ потихохоньку, посмирнехоньку.
Какъ вошелъ Ермакъ во палатушки,
Во свѣтлыя царски залушки,
Возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Здорово ты, нашъ батюшка, православный Царь,
Православный Царь ты, Иванъ Васильевичъ,
Со своими князьями и боярами!
Узнаешь ли Ермака ты, сына Тимофѣевича?
Я пріѣхалъ къ тебѣ со повинною,
Привезъ тебѣ свою буйну голову,
Во правой руке — топоръ-плаху.
Я шатался, я мотался по чисту-полю,
По чисту-полю, по синю-морю,
Разбивалъ я, Ермакъ, бусы-корабли:
И татарскіе, и армянскіе, и басурманскіе,
А и больше твои, осударевы.
Осударевы кораблики безъ примѣтушекъ,
Да безъ царскихъ они безъ ербычювъ“.
Возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— „Ужь вы, гой еси, мои князья-бояры,
И вы, думчіе мои сенаторушки.
Еще что намъ съ Ермакомъ будетъ дѣлати?
Иль казнить его, или вѣшати,
Иль во всѣхъ винахъ его простити?“

Иль велѣтъ ему Казань, Астрахань взять?..“
Возговорить-де одинъ бояринъ-то,
И старшій думчій-сенаторушка:
— „Ой ты, гой еси, батюшка, православный Царь!
Еще мало намъ Ермака казнить-вѣшати?“
Тутъ возговорить Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Ой ты, гой еси, ты врешь, собака!
Безъ суда, безъ допроса хочешь Ермака вѣшати!“
Богатырская сила въ немъ разгоралася,
Богатырская кровь въ немъ подымалася,
Вынималъ онъ изъ колчана саблю вострую,
Онъ срубилъ, смахнулъ боярину буйну-голову:
Буйная его головушка отъ плечъ отвалилася,
Да по царскимъ залушкамъ покатилася.
А и царская картина пермѣнилася,
А и думскіе сенаторы испугалися
И по царскимъ заламъ разбѣжались.
Возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
— „Ермакъ во бѣдѣ сидитъ, бѣдой кутить,
Еще чтò намъ надъ Ермакомъ дѣлать?“
Ни одинъ князь отвѣту не далъ:
Во всѣхъ винахъ прощаль его
И только Казань, да Астрахань взять велѣлъ..

(Библиотека для чтенія, 1861 года, № 3).

5.

Какъ проходить, братцы, лѣто теплое,
Настаетъ, братцы, зима холодная.
И гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
На Яикъ намъ пойдтить — переходъ великъ,
А за Волгу пойдтить — намъ ворами слыть,
Намъ ворами слыть, быть половненнымъ,
По разнымъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ, Ермаку, быть повѣшену.
Какъ вы думайте, братцы, да думайте,
Меня, Ермака, вы послушайте!“

Ермакъ говорить, какъ въ трубу трубить:

— „Пойдемте мы, братцы, подь Казань-городъ,
Подь тѣмъ ли подь городомъ самъ Царь стоитъ,
Грозный Царь, Иванъ Васильевичъ.

Онъ стоитъ, братцы, ровно три года

И не можетъ онъ, братцы, Казань-городъ взять.

Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся

И подь власть его ему поворимся!“

Какъ пришелъ Ермакъ къ Царю, на колѣна сталъ,

Какъ возговорить Царь Ермаку-казаку:

— „Не ты ли, Ермакъ, воровской атаманушва?

Не ты ли разбивалъ бусы-кораблики мои военные?“

— „Я разбивалъ, Государь, бусы-корабли,

Бусы корабли, не орлѣные, не клеймѣные!

Отслужу я тебѣ, Государь, службу важную:

Ты позволь мнѣ, Царь, Казань-городъ взять,

А возьму я Казань ровно въ три часа,

Да и чѣмъ меня будешь жаловать?“

Какъ надѣлъ Ермакъ сумку старческую,

Платье ветхое, все истасканное

И пошелъ Ермакъ въ Казань за милостыню

Побиратися, христарадничать;

Запримѣтилъ тамъ Ермакъ порохову казну

И вернулся съ тѣмъ онъ ко товарищамъ:

— „Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!

Да копайте вы ровъ подь порохову казну!“

Скоро вырыли глубокой ровъ Донскіе казаки,

Какъ поставилъ тамъ Ермакъ свѣчу воску яраго,

Во боченокъ ли поставилъ, полный съ порохомъ,

А другую онъ поставилъ, гдѣ съ Царемъ сидѣлъ.

И свазалъ Ермакъ Царю Грозному:

— „Догорить свѣча — я Казань возьму!“

Догорѣла свѣча — въ Казани поднялося облако!

Какъ крикнетъ Ермакъ Донскимъ казакамъ,

Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Яиковскимъ:

— „Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!

Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,

Вы гоните изъ города вонъ всѣхъ басурманъ,

Не берите вы въ полонъ ни одной души:
Плѣнь Донскимъ казакамъ ненадобенъ!“
Ермакъ тремя-стами казаками городъ взялъ,
Городъ взялъ онъ Казань и Царю отдалъ;
Избавилъ Ермакъ войско царское отъ урона,
За то Царь пожаловалъ Ермава княземъ,
И наградилъ его медалью имянною,
Да подарилъ Ермаву славный, тихій Донъ
Со всѣми его рѣчками и приточками.
Какъ возговорилъ Ермакъ Донскимъ казакамъ:
— „Пойдемте, братцы, на тихій Донъ, поваемся,
Не женатые, братцы, всѣ поженимся!..“

(Донскія казачьи пѣсни Пивоварова, изд. 1885 г., стр. 11—12).

6.

На устьѣ было матушки Волги рѣки:
Собирались казаки-охотники,
Донскіе казаки со яицкими;
Атаманушка былъ у казаковъ
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Есаулушка ¹⁾ былъ у казаковъ
Со тихаго Дона Донской казакъ,
Тотъ Гаврюшка, сынъ Лаврентьевичъ.
Ермакъ возговорить, какъ въ трубу вострубить:
— „Вы други мои, Донскіе казаки,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:
Проходить, други, лѣто теплое,
Настаетъ зима холодная —
И гдѣ то мы, други, зимовать будемъ?
На тихій Донъ идтить — переходъ великъ,

¹⁾ „Есаулъ“ происходитъ отъ монгольскаго слова „есаголь“—исполнитель приказаній—нѣчто въ родѣ помощника атамана (Учебная русская хрестоматія Полевого).

А на Яикъ пойдтить — такъ ворами слыть,
А подь Казань грести — Государь стоить.
У Государя силы много-множество,
Не много, не мало — сорокъ тысячей.
Тамъ намъ, казакамъ, быть половеннымъ,
По темнымъ темницамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ Ермаку, быть повѣшеннымъ,
Надъ самой матушкой, надъ Волгой-рѣвкой“.
Туть не черныя черни зачернѣлися,
Не бѣлыя свѣжочки забѣлѣлися,
Зачернѣлись лодки-коломенки,
Забѣлѣлись парусы базинные,
Туть казаки поиспужались,
По темнымъ лѣсамъ разбѣжались,
Одинъ оставался атаманушка,
Тотъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ;
Онъ рѣчь говоритъ, какъ въ трубу трубить:
— „Ой вы, други мои, Донскіе казаки,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!
А и что жъ вы, други, попужались?
По темнымъ лѣсамъ разбѣжались?
Это ѣдетъ къ намъ посланникъ царевъ.
Садитесь вы въ лодки-коломенки,
Забивайте вочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловыя,
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ-рѣвѣ,
По матушкѣ Волгѣ, подь Казань-городъ,
Я самъ къ Царю на отвѣтъ пойду,
Я самъ Государю отвѣчать буду!“
Приставали къ крутому, красному берегу,
Выидали потошчины ¹⁾ дубовые,
Выходили на круть красный бережокъ.
Туть-то Ермакъ убирается,
Туть-то Тимофѣевичъ снаряжается,
Вздѣваетъ сапожки сафьяновые на босу ножку,

¹⁾ Потошчины — мостки.

Кармазинную ¹⁾ черкесочку на опашечку,
Соболиную шапочку на правой бочекъ.
Идетъ Ермакъ къ самому Царю,
Къ тому шатру полотняному,
Идетъ Ермакъ, отрахается,
А Государь глядитъ въ окно, улыбается.
Пришелъ Ермакъ къ самому Царю,
Сталъ Государь его спрашивать:
— „Хорошъ-пригожъ молодецъ родился,
Въ три ряда черны-вудри завивалися,
На каждой вудринкѣ — по жемчужинкѣ,
Не ты ли Ермакъ Тимофѣевичъ?
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходилъ, гулялъ по синю-морю?
Не ты ли разбивалъ бусы-корабли?
Тизичьи ²⁾, мужичьи, мои Государевы?“
Ермакъ говорить, какъ въ трубу вструбить:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Не вели казнить, вели рѣчь говорить:
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морскіе охотники,
Ходили, гуляли по синю-морю
Не много, не мало, ровно тридцать лѣтъ;
Разбивали мы бусы-корабли,
Тизичьи, мужичьи, Государевы,
Которые были не орлёные,
Признавали мы ихъ за фальшивые:
Коли-бъ они были Государевы,
На нихъ бы были орлы двухглавые,
А то они — не гербованные!“
Государь возговорить, какъ въ трубу вструбить:
— „Хорошо Ермакъ на суду стоялъ,

¹⁾ Кармазинъ — арабское слово „кырмызи“ или „еримизи“ — ткань темно-краснаго цвѣта. У малороссіянъ „кармазина“ значитъ красное сукно.

²⁾ Тизики, или тезики — одно изъ татарскихъ племенъ.

Хорошо передъ Государемъ отвѣтъ держаль,
Но, ой ты, удалой, добрый молодець,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!

Достань ты мнѣ славный Казань-городъ,
Возьми у меня силы сколько надобно!“

Ермакъ возговорить, какъ въ трубу вструбить:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!

Не надо мнѣ твоей силы много-множества,
Прикажи идти съ Донскими казаками-охотниками,
А ты подойди со своею армією

Подъ славный подь Казань-городъ,
А я на бѣлой на зарѣ двери растворю
И армію въ городъ пуцую!“

— „Ой ты, мой удалый, добрый молодець,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!

Какъ знать войдтить въ Казань-городъ?“

Ермакъ возговорить, какъ въ трубу вструбить:

— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Если рыть подыоны глубокіе подь Казань-городъ,
Закатить боченни зелья лютаго,

Поставлю тебѣ двѣ свѣчи воску яраго,
И поставлю часового своего надежнаго,
Донского казака, есаулушку любимаго,
Ты узнаешь, какъ въ Казань-городъ войдтить,
Какъ догорять двѣ свѣчи воску яраго!“

Сликаеть Ермакъ Тимофѣевичъ Донскихъ казаковъ:

— „Ой вы, Донскіе казаки, охотники,
Вы Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!

Садитесь въ лодочки-коломенки,
Гряньте, погряньте вверхъ по Волгѣ-рѣвѣ
Въ тотъ славный Казань-городъ,
Къ тому повелителю Казанскому!“

Приѣзжаетъ Ермакъ въ Казань-городъ,
Встрѣчаютъ его жители Казанскіе,

Берутъ Ермака подь бѣлы-руки,
Ведутъ къ повелителю Казанскому,

Во тѣ палаты бѣловаенныя;
Видитъ повелитель, радуется,

Ермаку Тимофѣвичу низко кланяется,
Береть Ермака за праву руку,
Ведеть въ палаты бѣлокаменныя,
Сажаютъ за столы дубовыя,
За скатерти шелковыя,
Ставить явство сахарное,
Пойло ставить разношьяное.

Тутъ Ермака повелитель началъ просить:

— „Ой ты, Ермакъ, сынъ Тимофѣвичъ!

Помоги отстоять Казань-городъ“.

Ермакъ возговорить, какъ въ трубу вострубить:

— „Могу отстоять, когда послушаешь:

Я займу мѣста притинныя,

Поставлю свои караулы крѣпкіе

Надъ пушками долголѣтными

И буду стрѣлять отъ Царя бѣлаго!

Ой вы, мои Донскіе казаки!

Занимайте мѣста притинныя,

Становите свои караулы крѣпкіе

Надъ тѣми воротами уѣздными,

Переворачивайте пушечки долголѣтныя

Во славный во Казань городъ,

Отбивайте во вратахъ засовы желѣзные,

Поставьте знамечко Царя бѣлаго!“

На бѣлой зарѣ, на утренней,

Воску яраго свѣчи догорають,

Глубокіе подкопы разрываются,

Стѣны каменныя разваливаютъ.

Царя бѣлаго армейшка во врата убирается,

Нашъ бѣлый Царь радуется,

Входитъ въ славный во Казань-городъ;

Впередъ Ермака Государь здравствуетъ:

— „Поздравляю тебя, Ермакъ Тимофѣвичъ, съ радостью!“

— „А тебя, Государь, поздравляю съ побѣдою!“

Береть Государь Ермака за праву руку,

Ведеть по славному городу Казанскому,

Выходитъ Государь во чисто-поле,

Разставляетъ шатры полотняные,

Призываетъ Ермака Тимофѣевича.
Государь возговорить, какъ въ трубу вструбить:
— „Ой ты, удалой мой, добрый молодець,
Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Чѣмъ ты хочешь, тѣмъ буду жаловать:
Селами, или подселками,
Или великими городами, помѣстьями?“
Ермакъ возговорить, какъ въ трубу вструбить:
— „Батюшка, надежда, свѣтъ-великій-Государь!
Не жалуй ты меня городами, подселками,
И большими помѣстьями, —
Пожалуй ты намъ, батюшка, тихій Донъ
Съ вершины, со всѣми рѣками, потоками,
Со всѣми лугами зелеными
И съ тѣми лѣсами темными.

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, изд. 1885 г. стр. 13 - 18).

7.

На степи было на Саратовской,
Пониже города Саратова,
Повыше города Камышина:
Собирались казаки, охотники
Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе,
Въ кругу ¹⁾ стоятъ, думу думаютъ,
А среди ихъ круга казачьяго,
Тамъ Ермакъ стоитъ, Тимофѣевичъ.
Кунья шуба на немъ на распахнечку,
Пола правая — во пятьсотъ рублей,
Пола лѣвая — близу тысячи,
Всей-то шубѣ той и цѣны нѣтути.
Вотъ казакъ-Ермакъ рѣчь возговорить:
— „Ой вы, братцы, атаманы-молодцы!
Проходитъ лѣто, лѣто теплое,

¹⁾ „Кругъ“—главнѣйшее учрежденіе казачьей жизни, вольности и силы; то же, что въ старину называлось новгородскимъ вѣчемъ.

А зима-то наступает холодная,
Гдѣ-то мы, братцы, зимовать будем?
Вы подумайте, братцы, подумайте,
Да меня, Ермака, послушайте:
На Яикъ намъ идтить — переходъ великъ,
На тихій Донъ идтить — ворами слить,
Я хотѣлъ бы вверхъ по Волгѣ идтить;
Пойдемъ-ка, братцы, подъ Казань-городъ:
Подъ нимъ Грозный Царь стоитъ,
У него ли тамъ много силуши,
Онъ семь лѣтъ стоитъ подъ Казанію,
Онъ семь лѣтъ стоитъ — не возьметъ ее!
Тутъ, подумавши, въ походъ пошли,
Не дойдя Казани, становилися:
— „Станьте, братцы, вы побудьте тутъ,
Я, Ермакъ-казакъ, ко Царю пойду,
Я пойду къ нему, поклонюсь ему,
Расскажу про наше житье-бытье
И скажу ему, какъ городъ взять;
А повѣситъ меня — знаеъ вамъ дамъ,
А приметъ меня — по васъ пошлю!“
Вотъ идетъ Ермакъ къ Царю Грозному,
Принимаетъ его Царь за товарища
И сажаетъ его возлѣ себя.
Посадивши, сталъ спрашивать:
— „Ты кто таковой и отволю взялся?“
Тутъ Ермакъ ему сталъ рассказывать:
„Не одинъ я пришелъ, а съ товарищи;
Теперь, Государь, позволь лишь мнѣ,
Расскажу тебѣ какъ городъ взять,
Только сроку дай мнѣ день одинъ,
А теперя, Царь, успокойся ты,
Какъ не сдѣлаю того — повѣсь меня!“
Царь послушался, отпустилъ его.
Вотъ онъ ждетъ день, до вечера;
Не дождавшись, сомнѣваться сталъ:
— „Знаеъ, Ермакъ-казакъ обманулъ меня,
Какъ онъ воромъ былъ — и остался воръ!“

двѣ

3*

Не успѣлъ Грозный слова вымолвить,
Затряслась земля, всколебалася,
Стѣны градскія разрушались,
Казаки въ Казань ворывались,
А орда изъ ней убиралася.

Царь въѣзжаетъ во Казань-городъ,
Онъ тамъ хвалится, прославляется.

Вотъ Ермакъ къ нему является:

— „Чѣмъ, Ермакъ, тебя пожаловать?“

— „Ты отдай, Государь, намъ тихой Донъ
Снизу дѣверху, сверху дѣнизу,
Съ его рѣками и вершинами!“

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, изд. 1885 г., стр. 18—20).

8.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина:

Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,

Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ — Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Есаулъ у нихъ — Асташка, сынъ Лаврентьевичъ,
Они думали думушку все единую:

Ужъ какъ лѣто-то проходить, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
А на Волгѣ ходить намъ — все ворами слѣтъ,
Подъ Казань-градъ идтить, да тамъ Царь стоитъ,
Какъ Грозный-то Царь, Иванъ Васильевичъ.

У него тамъ силы-войска много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
по крѣпкимъ по тюрьмамъ — поразсаженнымъ.

силѣ не золотая трубушка вострубила,

Не серебряная рѣчь громко возговорила,
Рѣчь возговорилъ Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ:
— „Гей вы, думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, въ походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ Грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю-морю,
Да по синю-морю, по Хвалынскому ¹⁾,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орлѣные;
Мы убили-ли посланника не царскаго,
Какъ тово-то, вѣдь, посланника Персидскаго!“
Какъ во славномъ было городѣ, во Астрахани ²⁾,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходить все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, во походъ идтить.
Рѣчь возговорить Ермакъ Тимофѣевичъ:
— „Ой вы, гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эй вы, дѣлайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Наглядывайте вы бабайчики сосновые;
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ-рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, до царства басурманскаго,
Завоюемъ-ка мы, братцы, царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то мы, Кучума, во полонъ возьмемъ —

¹⁾ По Каспійскому.

²⁾ Съ этой строки видимо начинается другая пѣсня, какъ-бы двѣ пѣсни соединены въ одну.

И за то-то Государь-Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду, братцы, самъ къ Царю Бѣлому,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой ты, гой еси, надежда, православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчи говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ,
Какъ и я-то воровской, Донской атаманушка,
Какъ и я-то гуляль, вѣдь, по синю-мору,
Что по синю-мору, да по Хвалынскому,
Какъ и я-то разбиваль, вѣдь, бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, все не орлёные;
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу я тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой — царство Сибирское!
Рѣчь возговорить надежда, православный Царь,
Какъ и Грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
— „Ой ты, гой еси, Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ!
Ой ты, гой еси, войсковой Донской атаманушка!
Я прощаю тебя, да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя за твою службу,
За твою-то ли за службу ко мнѣ вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный, тихій Донъ!“

(Донскія казачьи пѣсни, Пивоварова, изд. 1885 г., стр. 22—25).

9.

У насъ-то было на батюшкѣ, на тихомъ Дону,
Во славномъ было во городѣ у насъ во Черкасскѣ,
Жила-была у насъ тутъ благочестивая вдова,
Не имѣла-то она, братцы, безкорыстнаго грѣха,
А нынче вдова себѣ сына родила...
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тутъ съѣзжались всѣ попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имячко Степанушкою.

Степанушка у насъ, братцы, сталъ на возрастъ,
Какъ младъ-ясенъ соколъ сталъ на возлетъ:
Доселева Степанушка въ крути къ намъ не хаживалъ,
Крѣпку думушку съ казаками не думывалъ,
А нонѣче Степанушка въ кругу стоитъ,
Съ казаками крѣпву думушку онъ думаетъ.
Возговорилъ Степанушка таковы слова:

— „Ой вы, гой еси, казаки-братцы, добры молодцы!
Послушайте вы, казаченьки, своего атаманушки,
Меня, Степанушку, сына Тимофѣевича, Разина:
Сядемте мы, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ,
Побѣжимте мы, ребятушки, во сине-море,
Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сиза-орла, безъ Государева;
Поѣдемте, ребятушки, къ Царю съ повинною,
Повеземте съ собой, братцы, топоръ съ плахою,
Повеземте, братцы, Царю дары драгоцѣнные:
Сребро, золото и каменья самоцвѣтные.
Тутъ насъ станеть Царь благодарить-жаловать,
И станеть насъ Царь крѣпко спрашивать.
Мы скажемъ Царю всю правду-истину“.

Тутъ возговорить православный Царь таковы слова:
— „Ужь вы, гой еси, младые корабельщики,
Степана Разина вы согласнички!
Скажите мнѣ всю правду-истину:
Гдѣ вы были, гдѣ вы ѣздили?“

Тутъ возговорили младые корабельщики,
Степана Разина все согласнички:
— „Ужь ты, батюшка нашъ, православный Царь!
Мы скажемъ тебѣ всю правду-истину,
Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили:
Ужь мы были, ужь мы ѣздили во синемъ морѣ,
Разбивали мы на синемъ морѣ бусы-кораблики
Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,
Безъ того только безъ сиза орла, безъ Государева.
Ты прости насъ, батюшка, во всѣхъ винахъ,
Ты пусти насъ, батюшка, на Яиць-рѣку,

Мы заведемъ на рѣкѣ Яикѣ славный Яикъ-городовъ,
Заведемъ мы его между двухъ рѣчусекъ:
При первой рѣчкѣ — при Яикѣ быстрымъ,
При другой рѣчкѣ — Чаганъ тихимъ“.
Потомъ побывали они въ городѣ Гурьевѣ,
Изъ Гурьева пошли они на матушку-Волгу-рѣку,
Съ Волги-рѣки пошли они на Узень-рѣку,
Съ Узень-рѣки переправились за Яикъ-рѣку,
Прошли-то они, изошли всю орду азиатскую —
Киргизскую, Трухменскую, Кызылбацкую.

(Русскій Вѣстникъ, 1858 года, стр. 573—574).

10.

Какъ по морюшку, морю синему,
Бросилъ якори воровской корабль.
На корабликѣ муравѣнь чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ золотой бунчукъ,
Съ бунчукомъ рядомъ — царски знамячки,
А у знамячковъ часовой стоитъ,
Молодой казакъ, разудаленькій,
Разудалая головушка,
Молодой парень, лѣтъ пятнадцати.
Супротивъ того караульщика
Раздвижной стоитъ, деревянный стулъ;
На томъ стуликѣ, пригорюнившись,
Сидитъ, голову повѣсивши,
Удалой казакъ Стенька, Разинъ сынъ.
А дотлева нашъ Степанушка
Во казачій кругъ самъ не хаживалъ
И съ казаками крѣпкой думушки,
Братски въ тѣ-поры онъ не думывалъ.
А теперево нашъ Степанушка
Къ казакамъ въ кружокъ, гляди, самъ вошѣлъ.

(Отечественныя Записки, 1848 г., стр. 139).

11.

Сонъ Стеньки Разина.

Какъ по морю было, морю синему,
По тому морю, по Каспическому,
Супротивъ было островъ Орловыхъ, —
Стоялъ на якорѣ воровской ворабль.
На кораблѣхъ состроенъ былъ муравѣнь чердакъ,
Въ чердакъ состроенъ былъ золотой бунчукъ,
Въ бунчукѣ стояли царскія знамячки,
Позлаченныя, распущенныя.
У знамячекъ стоитъ часовой казакъ,
Передъ нимъ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ батюшка, воровской атаманъ,
Степанушка Тимофѣевичъ, по прозванью Разинъ сынъ,
Передъ нимъ стоитъ старшой Есаулъ.
Атаманъ Есаулу сонъ рассказывалъ:
— „Что-то мнѣ, братъ, ночью мало спалось
И во снѣ мнѣ много видѣлось:
Спадала съ меня съ головы кунья шапка,
Распоясался у меня золотъ волчанъ,
И рассыпались у меня каленны стрѣлы:“
Есаулъ этотъ сонъ разсуживалъ:
— „Спадала у тебя съ головы кунья шапка,
Это — пропадетъ твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой волчанъ —
То мнѣ, Есаулу, быть крѣпко ранену;
Рассыпались каленны стрѣлы — то казаки наши,
Воры-разбойники, на побѣгъ пойдутъ“.

(Съ рукописи Н. Ф. Савичева).

12.

Какъ по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспійскому,
Завиднѣлась въ морѣ легка лодочка,

Не простая лодка, разбѣдна-косна;
Хорошохоныо лодка изуграшена,
Бурсымъ, жемчугомъ лодка изунизана
Молодцами лодка изусажена.
На кормѣ-то сидѣль Есауль съ рулемъ,
А въ носу сидѣль Атаманъ съ ружьемъ.
Посреди лодки — золота казна,
На златой казнѣ лежитъ цвѣтно платье,
На цвѣтномъ платьѣ сидитъ красна дѣвица.
Есаулушеѣ она — сестра рѣдная,
Атаманушеѣ — полюбовница.
Какъ сидитъ она, слезно плачетъ;
Атаманушка плакать уговариваѣтъ:
— „Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Мы поѣдемъ съ тобой въ твою землюшку,
Въ твою землюшку, въ отцу, въ матери“.
(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

13.

За Ураломъ, за рѣкой,
Казаки гуляютъ
И стрѣлою каленѣй
За рѣку пускають.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
За рѣку пускають.
Казаки не простаи —
Вольные ребята,
И на шапкахъ тумакъ,
Всѣ живутъ богато.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Всѣ живутъ богато.
Темны ноченьки не спятъ,
Въ полѣ разбѣзжаютъ:
Все добычу стерегутъ,
Свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей, гей-ей! не робѣй!
Свищутъ, не зѣваютъ.

Нашъ товарищъ — острый ножъ,
Шашка-лиходѣйка;
Пропадемъ мы не за грошъ,
Жизнь наша — конѣйка.

Гей, гей, гей-ей! не робѣй!

Жизнь наша — конѣйка.

Вотъ, сибирскіе кушцы
Ѣдутъ съ соболями!
Ну-те, братцы, молодцы,
Пустимся стрѣлами...

Гей, гей, гей-ей! не робѣй!

Пустимся стрѣлами.

Мы добычу подѣлимъ,
Сладко попируемъ,
Славно выпьемъ, поѣдимъ —
Все горе забудемъ.

Гей, гей, гей-ей! не робѣй!

Все горе забудемъ.

Наша шайка не мала,
Живемъ безъ пачпорта.
Кто еъ намъ въ руки попадетъ,
Всѣхъ отправимъ еъ чорту!

Гей, гей, гей-ей! не робѣй!

Всѣхъ отправимъ еъ чорту!

Въ настоящій отдѣлъ „Разбойничьихъ пѣсенъ“ вошли и тѣ, кои относятся еъ пѣснямъ Донского войска, что объясняется тѣмъ, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ упоминаются Яицеіе (нынѣ Уральскіе) казаки, а равно условіями, помѣщенными въ примѣчаніи еъ отдѣлу „Былинъ“.

ОТДѢЛЪ III.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Яикушка Горыновичъ.

(Поется унылымъ мелодичнымъ голосомъ).

Яикъ ты нашъ, Яикушка
Яикъ, сынъ Горыновичъ! (2)
Про тебя ли, про Яикушку
Идетъ слава добрая, (2)
Про тебя-ль, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)
Золочено у Яикушки
Его было доньшко, (2)
Серебряны у Яикушки
Его были враешки, (2)
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки. (2)
Мутнехонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь ты быстреконько. (2)
Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки, (2)
Выметываль нашъ Яикушка
Посередь себя часты острова. (2)
Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вплоть до устьяца, (2)
До славнаго ты до моря,
До моря до Каспицкаго, (2)
Какъ до славнаго до города,

До города до Гурьева. (2)
За Гурьевомъ выпадаилъ ты
Во батюшку-сине-море, (2)
Какъ до славнаго до острова,
До острова Камынина. (2)
На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ ¹⁾, 2)
Старики, братцы, старожилые
Они по девяносто лѣтъ. (2)
Съ покоренною золотою ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ. (2)

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Яикушки,
Костью бѣлыми, казачьими, усѣяны,
Кровью алою, молодецкою, упитаны,
Горючьми слезми матерей и женъ поливаны.

Гдѣ кость лежитъ —
Тамъ пиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась —
Тамъ везель сплелась;
Гдѣ слеза пала —
Тамъ озерцо стало.

2.

Вариантъ Яикушки.

Яиѣ ты нашъ, Яикушка,
Яиѣ, сынъ Горыновичъ! (2)
Про тебя, Яиѣ Горыновичъ,
Идетъ слава добрая, (2)

¹⁾ Всѣ острова, лежащiе въ устьяхъ Урала, весьма незначительны, необитаемы, и только нѣкоторые изъ нихъ служатъ пристанищемъ для рыболововъ.

Про тебя, Яикъ Горыновичъ,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)
Золочено у Горыныча
Твое было донышко, (2)
Серебряны у Горыныча
Твои круты бережки. (2)
Изрылъ же ты, зыкопаль
Всѣ горуши-долушки, (2)
Среди себя повыметаль
Часты, мелки острова. (2)
Со вершинъ взялся Горыновичъ,
Бѣжишь вплоть до устьяца, (2)
До славнаго до моря,
До моря Каспицкаго, (2)
До славнаго до города
Бѣжишь ты до Гурьева. (2)
Выпаль ты за Гурьевымъ,
Батюшка, во сине-море (2)
До славнаго до острова,
До острова Камынина. (2)
На островѣ Камынинѣ
Старцы живутъ старые, (2)
Живутъ старцы старые
Тамъ по девяносто лѣтъ. (2)
Въ ладу старцы старые
Съ ордою поворенною,
Золотой ордой.

(Сообщилъ М. П. Х — нь).

3.

Маринкинъ городокъ.

Ты Яикъ, Яикъ, быстра рѣченька!
Издалека течешь ты мутнехонья,
Позади себя оставляешь ты:
Въ одну сторону круты яры,

Въ другу сторону — желтыя пески.
Круты яры — обрывчаты,
Желтыя пески — разсыпчаты.
Ахъ, бывало, мы, казаки-братцы,
По твоимъ волнамъ лихо плавали
На легкихъ стругахъ за добычею,
За персидскою, за хивинскою.
Ты, Яикушка, золотое дно;
На твоемъ на днѣ, у крута яра,
У крута яра, у дуваннаго,
У дуваннаго, у Маринкина ¹⁾,
Лежить лодочка позатоплена
Съ золотой казной, со Маринкиной,
Въ Москвѣ каменной ей награбленной!
Ты теки, теки, нашъ Яикушка,
Ты корми, корми насъ удалыхъ,
Добрыхъ молодецъ, слуговъ вѣрныхъ
Царя-батюшки благовѣрнаго.

4.

Казаки дуванъ дуваятъ.

Яику ты нашъ, сынъ Горыновичъ!
Золотое твое, Яикушка, донышко,
Серебряны твои, Яикушка, бережки;

¹⁾ Маринкинъ яръ находится на правомъ берегу Урала, между Кулагинскимъ и Гребенщиковскимъ поселками, онъ иначе называется „Красный-Маринкинъ Яръ“. Мѣстность эта, отъ большой проѣзжей дороги, выдается высокимъ мысомъ въ луга, прилежащія къ Уралу съ правой его стороны и была окопана рвомъ, слѣды котораго видны были въ 1852 году, когда, по распоряженію покойнаго П. Б. Хорошхина, завѣдывавшаго тогда, въ качествѣ начальника, нижней дистанціей, на мѣстѣ этомъ были произведены раскопки. Вырыли кирпичи, осколки глиняной посуды, уголья и проч. остатки жилья. Уралъ отъ этого мѣста теперь отошелъ далеко, самая крѣпость была не на островѣ, а около, причемъ островъ былъ соединенъ съ крѣпостью мостомъ, на которомъ и хранились сокровища этихъ удалцовъ-разбойниковъ. Ва-

Весною ты, Яикъ, быстрехонекъ бѣжишь,
Урываешь ты свои круты бережки,
Посреди себя выметываешь часты острова.
На тѣхъ островахъ казаки, братцы, дуванъ дуванять¹⁾.
Дѣлили они золоту вазну пуховой шляпой,
Одного добра молодца задувалили:
Доставалась ему, добру молодцу, красная дѣвица;
За досаду ему это показалося,
Возговорилъ добрый молодецъ таковы слова:
— „На бою была моя головушка самая первая,
А на дуванѣ — самая послѣдняя“.
Тутъ беретъ онъ красну дѣвицу
За правую руку, за золотъ перстень,
Обнажилъ онъ свою саблю острую
И хотѣлъ отрубить ей буйну голову.
И тутъ красна дѣвица возмолилася,
Молодцу въ рѣзвы ноги поклонилася;
Возговорить ему красна дѣвица:
— „Ой ты, гой еси, добрый молодецъ!
Не руби ты мнѣ буйну голову,
Вотъ тебѣ съ меня золотой перстень во пятьсотъ рублей,
Вотъ тебѣ кунья шуба во всю тысячу,
А я тебѣ, дѣвица, ни-за что пришла“.

(Сообщилъ М. П. Х — нъ).

5.

Вариантъ 1-ый.

Выметывалъ нашъ Яикушка
На синемъ морѣ Камынь-островъ.
На островѣ Камынь казаки живутъ,

риантъ этотъ относится ко времени сидѣнья Заруцкаго и Марины Мнишевъ на р. Яикѣ, между Гребенщиковскимъ и Кулагинскимъ поселками, откуда потомъ, вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ, Заруцкѣй былъ выданъ русскому правительству (въ июнѣ мѣсяцѣ 1614 года).

¹⁾ „Дуванъ“ — дѣлежъ, „задувалили“ — обдѣлили. Дуванный яръ находится на лѣвомъ берегу рѣки Урала, между поселками Кулагинскимъ и Гребенщиковскимъ.

Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, все легкія лодочки,
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую,
И начали дѣлить золоту казну пуховой шляпой.
На конь владѣли раскрасавицу, красну дѣвицу
И начали между себя трясти жеребій:
Доставалась атаманушкѣ красна дѣвица,
Возговорилъ тутъ атаманушка таковы слова:
— „На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ,
На пая, на дуванѣ я послѣдній сталь,
Что досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвица!“
Возговорить красна дѣвица таковы слова:
„Ужь ты, гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пятьсотъ рублей,
Поднизочка есть на мнѣ во всю тысячу,
Самой-то мнѣ, красной дѣвицѣ, цѣны-то нѣтъ,
Я сотку тебѣ, атаманушка, шелковой коверъ“.

(Русскій Вѣстникъ, 1858 г., ч. IV, стр. 586—587).

6.

Вариантъ 2-ой.

Какъ Яикъ-то нашъ, все Яикушка,
Онъ бѣжить, бѣжить нашъ быстрехонекъ,
Выпадаиль онъ въ море синее,
А на синемъ морѣ часты острова,
А на островахъ казаки живутъ,
Казаки, братцы, народъ вольный все.
Тамъ дуванъ они все дуванили
Пуховой шляпой добры молодцы:
Какъ на пай владѣли по пятисотъ рублей,
Какъ на конь владѣли красну дѣвицу;

Доставалася красна дѣвица добру молодцу,
Добру молодцу, разудалому;
Возговорилъ-то онъ громкимъ голосомъ:
— „На бою ли моя головушка наипервая,
На дуванѣ ли, такъ послѣдняя!“
Какъ выхватывалъ добрый молодецъ саблю острую,
Онъ и снять хочетъ красной дѣвицѣ буйну голову.
Какъ возговорить красна дѣвица добру молодцу:
— „Не губи меня, красну дѣвицу!
Во ухахъ у меня серьги во пятьсотъ рублей,
На рукахъ перстни — въ цѣлу тысячу,
А сама-то я тебѣ такъ пришла“...

(Изъ книжки для чтенія въ народныхъ школахъ Уральского казачьяго войска, 1866 г., стр. 8—9, сост. А. П. Хорошкинъ).

7.

Не ясные соколики слетались¹⁾.

(Походъ Шамая въ Хиву).

Не ясные соколики слетались,
Не хивинскіе визирушки съѣзжались:
Соходилися, соѣзжались добры молодцы
Казаки, братцы, пріяицкіе.
Заедино они думу крѣпкую думали:
— „Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Ужъ мы выберемъ, ребята, атаманушку,
Атаманушку мы выберемъ „походнаго“,
Есаулушку мы выберемъ „залетнаго“.

¹⁾ Содержаніе этой пѣсни показываетъ, что совѣщаніе у казаковъ происходило въ киргизской степи, на берегахъ Сыръ-Дарьи, и относится къ несчастному походу атамана Шамая въ Хиву, приблизительно въ первой четверти XVI вѣка. Несчастный походъ Шамая окончился тѣмъ, что самъ онъ попалъ въ плѣнъ къ калмыкамъ, а спутники его или пали жертвой голода, или были плѣнены хивинцами. Этимъ-то событіемъ и была вызвана настоящая пѣсня.

Атаманъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубить,
Есаулъ-то говоритъ, братцы, какъ въ свирѣль свистить:
— „Еще долго-ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?
Не пора ли намъ, ребята, во походъ идти?
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Куванъ-рѣку пройдемъ во глуху полночь,
А въ Хиву придемъ, ребята, на бѣлой зарѣ.
Мы хивинскому визирю не поклонимся,
Со его младыми женами познакоимся.
Зимовать въ Хивѣ, ребята, не останемся,
А покоримся, поклонимся Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому, ребята, благовѣрному!..“

(Изъ очерка быта Уральскихъ казаковъ, изд. 1858 г., ч. II, стр. 70—71,
соч. I. И. Желѣзнова).

8.

Вариантъ.

Не ясные соколики слетались,
Не визири хивинскіе съѣзжались:
Сходились и съѣзжались добры молодцы,
Удалые казаки, пріятціе.
Они врѣпкую тутъ думу думали:
— „Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Мы выберемъ себѣ здѣсь въ атаманушки,
Налета мы возьмемъ себѣ походнаго,
Нечая-казака ¹⁾ возьмемъ бывалаго!“
Нечай говоритъ — словно труба трубить,
Начнетъ покрикивать — словно свирѣль свистить:
— „А и долго-ль намъ, ребята, на моряхъ стоять?
На моряхъ стоять, ребята, лишь разбой держать!“

¹⁾ Очевидно, здѣсь произошла ошибка, — вмѣсто Нечая слѣдуетъ считать Шамая.

Не пора ли намъ, ребята, все опомниться,
Все опомниться, ребята, восповайтись,
Восповайтись, ребята, въ своихъ вольностяхъ?
Не идти ли намъ, ребята, во Россіюшку,
Во Россіюшку, ребята, все съ повинною?
Мы съ повинною пойдёмъ къ Царю Бѣлому,
Понесемъ мы къ нему свои головы повинныя,
А не то пойдёмъ, ребята, да полонимъ Хиву,
Покоримъ мы ее Царю-батюшкѣ,
А Хивой тогда, ребята, мы поклонимся“.

(Отечественныя Записки, 1848 года).

9.

Ургенчъ.

(Преданіе 1605 года).

По крутымъ берегамъ, вдоль Яика рѣки,
Видны здѣсь, видны тамъ, казаки, казаки...
Все-то вольный народъ, всюду сабли стучать,
Нѣтъ печали, заботъ, всюду пѣсни звучать.
Здѣсь и тамъ туманы, черный волосъ до плечъ,
И шумятъ казаки и свободна ихъ рѣчь.

Вотъ кружокъ, — атаманъ въ серединѣ стоитъ.

— „Что намъ сдѣлаетъ ханъ?“ громко онъ говоритъ:
— Городъ брошенъ, слышь, имъ, ни хивинца въ немъ нѣтъ,
Со всѣмъ войскомъ своимъ ханъ Арабъ-Магометъ
На кочевѣ живетъ. Мы къ Ургенчу пойдёмъ;
Кто желаетъ въ походъ?“ Всколыхнулась кругомъ
Вся толпа... „На коней!“ всюду слышится крикъ
И летитъ вдоль степей онъ неистовъ и дивъ.
Дремлетъ знойная степь... Вонъ, обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ.
Славно сдѣланъ набѣгъ: взято шелкъ, серебро;
Въ девятьсотъ, слышь, телѣгъ все покладили добро,
Да красавиць, къ тому-жъ, взято въ плѣнъ девятьсотъ.
Всколыхнулась Аму, когда гаркнулъ „въ походъ!“
Ханъ-Арабъ, услыжавъ про набѣгъ казаковъ,

И помчался стремглавъ Ханъ-Арабъ на враговъ.
Дремлетъ знойная степь, и обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ.
Что за пыль тамъ взвилась въ сторонѣ, далеко,
И столбомъ подыалась высоко, высоко?..
То, быть можетъ, косякъ лошадей, дикихъ возъ?
Зорко смотритъ казакъ, — остановленъ обозъ...
Ближе, ближе... И вотъ гулъ пошелъ по толнамъ:
Вмѣсто возъ, лошадей, на вспѣнненныхъ коняхъ
Мчалась туча людей съ ярой злобой въ очахъ...
И шайтаны не такъ были бѣ страшны въ тотъ мигъ...
Но не дрогнулъ казакъ... „Сабли вонь!“ ревъ и гикъ раздались
И въ пыли, словно духи толпой,
Въ одинъ мигъ изъ земли они ринулись въ бой...
Въ мигъ свернули въ кружокъ свой обозъ казаки,
И зацѣлвалъ курокъ, засверкали клинки...
Бьются день. Солнце жжетъ. Обложилъ врагъ кругомъ
И вздохнуть не даетъ подъ палящимъ лучемъ.
Жаждой мучимъ казакъ, кровь изъ труповъ онъ пьетъ.
Сталъ кругомъ лютый врагъ — нѣтъ ни шагу впередъ!
Бьются ночь. Кучи тѣлъ вознеслись здѣсь и тамъ
И орелъ прилетѣлъ въ посинѣвшимъ тѣламъ.
Удалился орелъ — и голодной толпой,
Когда мѣсяцъ взошелъ, волеи подняли вой!
Да, не даромъ далась эта битва врагамъ,
Но не даромъ пришла и лихимъ казакамъ:
Не одинъ лютый врагъ въ этой битвѣ погибъ,
Ни единый казакъ не пришелъ на Яикъ —
Всѣ погибли... Орелъ трупы съ клектомъ терзалъ,
Да, какъ мѣсяцъ взошелъ, волею голодный ихъ рвалъ...
Даже въ пѣснѣ простой нѣтъ ни слова о томъ,
Какъ былъ страшенъ тотъ бой, какъ валился кругомъ
И ревелъ лютый врагъ, какъ гудѣлъ стонъ и гикъ,
И какъ бился казакъ и неистовъ, и дикъ¹⁾.
(Изъ книжки для чтенія въ народныхъ школахъ Уральскаго казачьяго
войска, 1866 года).

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ собою походъ Яицкихъ казаковъ въ Хиву въ 1605 году, подъ предводительствомъ атамана Нечая. Несчаст-

10.

Не сиздй орель леталь по поднебесью —
Есауль гуляль по лѣсику,
Онъ гуляль, гуляль, погуливалъ,
Добрыхъ молодецвъ пробуживаль:
— „Вы вставайте-ка, ребятушки,
Пробуждайтесь, добры молодцы,
Добры молодцы-горынычи.
Не спокойно на Яикѣ здѣсь:
Помутился нашъ Яйкушка
Отъ истоковъ до синя моря,
До синяго, до Каспичкаго“.
Взбунтовался нашъ казачій кругъ
Всѣ, отъ стара и до малаго.
Нѣту у насъ атаманушки,
Атаманушки, Нечаюшки:
Погубила добра молодца
Чужа, дальняя сторонушка,
Та сторонушка несчастная,
Не добра страна хивинская!

(Сообщилъ В. А. Чалусовъ).

11.

Бой казаковъ на Утвѣ.

(Поется плавнымъ, заунывнымъ голосомъ).

Какъ за славною за рѣчкой, за Утвою,
За Утвинскими-то было за горами:
Да распахана тамъ пашня яровая.
Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
А распахана та пашня яровая

ный походъ Нечая окончился тѣмъ, что весь отрядъ его, состоящій изъ тысячи вооруженныхъ казаковъ, палъ подъ ударами оружія хивинцевъ.

Мурзъ киргизскихъ, да хивинскихъ копіями!
Взборонена та пашня яровая
Лишь копытами киргизскихъ, дивихъ коней,
И засѣяна та пашня яровая
Удалыхъ нашихъ казаковъ головами.
Добрый молодецъ засѣялъ — самъ уѣхалъ:
Ты расти, моль, моя пашня, зеленѣйся,
На поливочку ужъ ты, моль, не надѣйся!
Кто польетъ тебя? Развѣ что съ неба дождикъ,
Иль источить горьки слезы мать родная! ¹⁾
(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 142).

12.

Вариантъ 1-й.

Какъ за рѣченькой было за быстрою,
За Утвою,
За славными было за Утвинскими
За горами:
Распахана была тамъ пашенка
Яровая;
Не плугомъ была пашня пахана,
Не сохою,
Взборонена была та пашенька
Не бороною,
Распахана эта пашенька не плугомъ
И не сохою:

¹⁾ Описываемое въ этой пѣснѣ событіе относится ко времени жизни Яицкихъ казаковъ на Голубомъ-городищѣ, что на островѣ Кашъ-Яикъ (станъ), близъ рѣки Илека, около конца XVI и начала XVII столѣтій. Изъ нѣкоторыхъ бумагъ временъ Петра Великаго и послѣдующихъ временъ видно, что у Яицкихъ казаковъ, на рѣкѣ Утвѣ и за Утвою, побоища съ кочевыми народами происходили не рѣдко. Значеніе этой степной рѣки, впадающей въ Уралъ съ лѣвой стороны его, близъ Бородинскаго поселка, въ этомъ отношеніи, надо полагать, было не мало-важное, оно крѣпко засѣло въ казачьихъ головахъ и выразилось въ приведенной пѣснѣ, дошедшей до насъ.

Распахана была эта пашенка
Булатными кошіями,
Взборонена она была коневыми
Копытами.
Не рожью она была, братцы, засѣяна,
Не пшеницею:
Засѣяна была, братцы, казачьими
Головами.
Засѣялъ ее добрый молодець,
Самъ уѣхалъ;
Засѣявши ее, онъ, добрый молодець,
Самъ повѣдалъ:
— „Ты расти, моя пашенка,
Зеленѣйся,
На поливочку ты, моя пашенка,
Не надѣйся!
Кто польетъ тебя? развѣ что
Съ неба дождичекъ!
Ты прости, моя пашенка,
На сей землѣ,
Оставайся ты, моя пашенка,
Въ этой землѣ.

13.

Вариантъ 2-ой.

Какъ за рѣчкою-то было за Утвою,
За Утвинскими-то было за горами:
Распахана была одна пашенка,
Пашня была яровая!
Не плугомъ была пашня пахана,
Не плугомъ, да и не сохою:
Распахана была эта пашенка
Казачьими кошіями.
Не ржюю была пашня засѣяна,
Не ржой она, не пшеницей:

Засѣяна была эта пашенка
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенка
Коневьими копытами...
Засѣяль-то эту легку пашенку
Одинъ младъ полковничекъ.
Засѣявши эту свою пашенку,
Самъ онъ слезно тутъ заплакалъ:
— „Рости, рости, моя легка пашенка,
Рости въ полѣ, зеленѣйся!
На поливочку, моя легка пашенка,
На поливу не надѣйся:
Что пользеть тебя, мою пашенку,
Съ небесъ частымъ дождичкомъ!“¹⁾

14.

Походъ Бековича въ Хиву.

Какъ на устьѣ-то было, братцы, Явушны,
На краю моря было Каспицаго,
Что во славномъ городѣ было во Гурьевѣ:
Собирались тутъ войска царскія,
Войска царскія, ребята, все изъ-за моря,
А съ войсками, братцы, казаки были
Гребенскіе, братцы, и пріятцкіе — старожилы.
Какъ посланникомъ Царя былъ князь Бековичъ,
И сказалъ всѣмъ намъ онъ словечушко:
— „Вотъ нашъ батюшка, православный Царь,
Посылаетъ насъ на Аму-Дарью рѣку,
На Аму-рѣку, на Ургенчъ-городъ.
Завоюемъ мы ханство хивинское,
Покоримъ его, братцы, Царю Бѣлому,

¹⁾ Какъ этотъ вариантъ, такъ и предшествовавшій, записаны со словъ хорошаго пѣсенника, старожила-казака 1-ой Уральской станицы, Александра Филипповича Голохвостова и, затѣмъ, провѣрены со словами многихъ другихъ любителей мѣстныхъ казачьихъ пѣсень.

Царю бѣлому, ребята, Петру первому,
И хивинцевъ всѣхъ расколотимъ тамъ,
Самого хана мы въ полонъ возьмемъ.
И за то, за все, наградить онъ васъ,
Наградить онъ васъ всѣхъ по царски.
А теперъ, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки-братцы,
Что походъ будетъ намъ труднехонекъ:
На пути своемъ не встрѣтимъ рѣчушекъ, —
Одна гола степь, безъ дороженекъ...
Ой вы, братцы мои, вы казаченьки,
Пріяицкіе-старожилые, постарайтесь,
Сослужите службу небывалую,
Помогите вы Царю-батюшкѣ.
А возьмемъ Хиву, погостимъ мы тамъ
И въ холодной зимѣ мы домой придемъ "...¹⁾
(Казацій Сборникъ, 1887 года, выпускъ 1-й, стр. 69—70).

15.

Подымалася погодушка
Полуденная,
Заносила погодушка всѣ пути,
Дороженьки,
Всѣ пути широкіе.

¹⁾ Пѣсня эта, вѣроятно, была сложена казаками во время формированія въ 1717 году, въ Гурьевѣ, особаго отряда, и напоминаетъ собою Хивинскую экспедицію въ томъ году, произведенную подъ главнымъ начальствомъ гвардіи капитана, князя Бековича Черкаскаго. Въ отрядѣ этомъ было 1500 яицкихъ казаковъ съ атаманомъ Никитой Трофимовичемъ Бородинымъ и 500—гребенскихъ. Слова, сказанныя Бековичемъ Черкасскимъ, къ сожалѣнію, не сбылись, такъ какъ весь его отрядъ, а въ томъ числѣ и Яицкіе казаки, измѣннически погибли въ Хивѣ: нѣкоторые умерли подъ ударами шашекъ, а другіе окончили свое существованіе въ тяжеломъ рабствѣ. Атаманъ Бородинъ впоследствии вернулся изъ плѣна на Яицъ и былъ войсковымъ атаманомъ яицкихъ казаковъ.

Только не занесло одну тутъ
Дороженьку,
Путь широкую, до самаго
Царя-города.
Какъ по этой по дороженькѣ
Проходила армякшка Царя бѣлаго,—
Петра перваго.
Напередъ-то у ней шли
Яицкіе казаченьки.
Дошли они до рѣчущи,
До Дуная быстраго,
Они становилися.
Какъ черезъ эту рѣченьку
Перевозу не было,
Никакого перелазу,
Ни легкихъ лодочекъ.
Они Богу помолилися, —
На своихъ добрыхъ коняхъ
Черезъ рѣку во походъ пошли ¹⁾...

16.

За славною было за рѣчущкой
За Дунаемъ,
Во невѣрной во земелюшкѣ
Было во Турецкой:
Не сизые-то орлы къ ясну-соколу
Солеталися,
Инералущи къ фельдмаршалу въ гости
Соѣзжалися.
Выпивали-то они зелена вина
По единой чарѣ,
Какъ росейскому Императору
Они поздравляли,

¹⁾ Пѣсня эта записана со словъ 80-лѣтняго казака Требушинскаго поселка А. Хохлачева, который не могъ припомнить ея окончанія.

Поздравляли-то они его
Съ легкимъ походомъ.
Еще какъ-то намъ съ неприятелемъ,
Съ туркомъ быти:
Мы не можемъ его, басурманина,
Его побѣдiti,
Не удержать-то его крѣпкіе
Караулы,
Не остановать-то его главныя
Батареи.
Далекохонько-то наша батареюшка,
Она проходила,
Широкохонько-то она путь дороженьку
Проложила,
Какъ до славнаго до города
До Царь-града.
(Сообщилъ казакъ Потапъ Телятовъ).

17.

Про Игнатьюшку Иваныча Некрасова.

Помутился, возмутился нашъ славный, тихій Донъ,
Помутился, возмутился съ вершинъ вплоть до устьяца,
До самаго до славнаго города Черкаскаго.
Возмутить его, помутить его, братцы, донской казакъ,
Что Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, со рѣви ушелъ,
Онъ ушелъ, увелъ силы-рати сорокъ тысячъ,
Опричь-де, опричь-де стариковъ старожилыхъ,
Опричь-де малолѣтчиковъ малолѣтнихъ,
Отъ умовъ-де, отъ умовъ-де казачьихъ прирожденныхъ!
Со вечера добры молодцы въ походъ собиралися,
Во глуху полночь перелазили славный, тихій Донъ,
На бѣлой зарѣ перелазили славному Нѣпречку,
На восходѣ солнца краснаго перелазили Дунай быструю.
Перелѣземши Дунай быструю становилися,

Становились, добры молодцы, въ зеленыхъ лугахъ,
Распожогились, добры молодцы, казачьимъ, теплымъ лагеремъ,
Распускали, добры молодцы, знамечку позлащенную.
Собирался къ златой знамечкѣ казачій кругъ,
Во кругу стоитъ хорошенькій, раздвиженный стулъ,
На стулу сидитъ нашъ ласковый атаманушка,
Что Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ,
Передъ нимъ стоятъ его сотнички, пятидесятнички,
Да любезные его стоять всѣ хорунжіе ¹⁾.
Они пишутъ отъ Игнатьюшки скорый липортъ,
И шлютъ его съ скорымъ посломъ, съ каленой стрѣлой,
Къ нашему ко батюшкѣ, ко бѣлому Царю,
Какъ къ Петрушкѣ, сыну Алексѣевичу:
— „Спасибо-те, батюшка, ты насъ поилъ-кормилъ,
Ты поилъ-кормилъ насъ, батюшка, берегъ, жаловалъ,
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался —
Ты прислалъ же къ намъ, на тихій Донъ, розыщива,
Ты розыщива прислалъ къ намъ Долгорукова ²⁾;
Безъ указа Государева онъ разорять насъ сталъ,
Безъ московскаго курьера „командировать“ насъ сталъ.
Стариковъ нашихъ старожилныхъ велитъ казнить-вѣшать,
Молодыхъ казаковъ беретъ онъ во солдаты,
Молоденькихъ малолѣточковъ беретъ онъ во некруты,
Молодыхъ красныхъ дѣвушекъ беретъ онъ во постелю,
Онъ молоденькихъ младенцевъ выдаетъ за заборы!
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богатство,
Мы пошли-то къ турецкому хану въ подданьце“.
Довѣдался о томъ батюшка, православный Царь,
Выходилъ батюшка на красенъ крылецъ;
Возговорилъ батюшка, православный царь, таковы слова:
— „Ужъ вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
Вы подайте мнѣ коня рѣзваго, сивогриваго,
Осѣдлайте его вы сѣдельцемъ черкасскимъ.“

¹⁾ Отъ слова „хорунка“—знамя, знаменосецъ, — первый офицерскій казачій чинъ.

²⁾ Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ былъ посланъ съ отрядомъ на Донъ „для сыску бѣглыхъ“, гдѣ и былъ убитъ казаками Булавина.

Побѣгу я, православный Царь, ко Игнатьюшеѣ,
Ворочу его я, Игнатьюшку, его со путинушки!“
Подбѣгалъ нашъ батюшка къ Дунай-рѣченъѣ,
Онъ сымалъ, сымалъ съ себя пукову шляпу,
Онъ махалъ, махалъ Игнатьюшеѣ, назадъ домой!
Говорить рѣчь Игнатьюшеа Царю бѣлому:
— „Прощай, прощай, нашъ батюшка, православный Царь,
Спасибо-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
Поилъ-кормилъ ты насъ, православный Царь, берегъ-
жаловалъ“.

Пошелъ тутъ нашъ Игнатьюшка во путинушку,
Во путинушку пошелъ, въ чужу-дальну землюшку ¹⁾.

(Русскій Вѣстникъ, 1858 года, № 8, стр. 420—421).

¹⁾ Пѣсня эта хотя и относится въ Донцамъ, но Уральцы ее также любятъ и во всякой адушевной компаніи поютъ ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, почему я ее и помѣстилъ въ настоящій сборникъ. Некрасовъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей Булавинскаго бунта, но подъ Азовомъ онъ былъ разбитъ со своею шайкою, вслѣдствіе чего съ Дона пробрался на Волгу, гдѣ овладѣлъ Саратовымъ, Царицынымъ и друг. приволжскими селеніями. Видя для себя опасность отъ войскъ князя Василія Владиміровича Долгорукова (родной братъ убитаго князя Юрія Долгорукова), онъ взялъ свою жену, дѣтей и со своими единомышленниками, въ числѣ 2,000 человекъ, ушелъ въ 1696 году за Кубань, въ подданство крымскаго хана, и поселился на житѣ близъ Тамани, на берегу Чернаго моря; а потомъ, передавшись турецкому султану, Некрасовцы переселились на Дунай, гдѣ живутъ и по нынѣ близъ города Тульчи. Съ 1879 года они находятся въ подданствѣ Румынскаго Королевства и занимаются рыболовствомъ въ гирлахъ Дуная. Некрасовцы исповѣдуютъ православную вѣру и живутъ до сихъ поръ весьма зажиточно. Дружественныя чувства къ Донскому казачеству сохранены Некрасовцами и до настоящаго времени. Одному русскому путешественнику они говорили: „А мы съ ними (съ Донцами) и не бьемся: мы черезъ рѣчку падимъ, а они черезъ насъ. Какъ можно биться? Мы свои!“ (Русскій вѣстникъ 1866 года, № 6). До войны 1877—1878 гг., Некрасовцы выставили турецкому султану болѣе 3,000 вооруженныхъ всадниковъ. Они, т.-е. турки, зовутъ некрасовцевъ „Игнатъ-казаки“. Многіе изъ нашихъ казаковъ-уральцевъ, вначалѣ сентября 1878 года, во время похода Уральскаго казачьяго № 1-го полка изъ города Тульчи черезъ Дубруджу на Шумлу, бесѣдовали съ Некрасовцами въ ихъ жилищахъ, причемъ послѣдніе принимали нашихъ казаковъ весьма радушно и любезно разспрашивали ихъ о житѣ-бытѣ на Уралѣ.

Участіе Яицкихъ казаковъ въ битвѣ подь Азовомъ.

Ужь какъ шли-прошли казаченьки съ моря Чернаго,
 Съ того-ли Черна моря, со турецкаго.
 Шли лугами, болотами, шли топилися,
 Ко Азову во городу торопилися,
 Не дошедши до Азова, становилися.
 Занимали полей подь лагерь на 12 версть,
 А подь шанцы съ батареею на 15 версть.
 Становились они, братцы, коней разсѣдывали,
 Не разставивъ караулы, коней кинули,
 Пустивъ коней въ поле, сами спать легли.
 А одинъ лишь казакъ-старый, былъ догадливый:
 Не пустилъ онъ добра-коня въ поле чистое,
 Не покинулъ, казакъ-старый, на арканъ сажаль,
 А и самъ не спитъ, старикъ нашъ, больше такъ дежить.
 Вдругъ несчастье надъ казаками случилось:
 Набѣжали непріатели, турки храбрые,
 Отнимали у казаковъ добрыхъ коней всѣхъ.
 На ту пору казакъ-старый пробуждается,
 Пробудившись, казакъ-старый сталъ коня сѣдлатъ,
 А между тѣмъ въ городъ Азовъ шлетъ посольщича.
 Ужь какъ ѣдетъ-ли казакъ-старый посла скорого,
 Не дождавшись, казакъ-старый самъ въ Азовъ скакаль.
 А до тѣхъ поръ городъ Азовъ намъ растворенъ былъ,
 А теперь городъ Азовъ крѣпко запертъ намъ.
 Какъ сядилъ казакъ-старый на добра-коня,
 Догоняль онъ басурмана, турка храбраго,
 Одинъ отбилъ, казакъ-старый, всѣхъ коней назадъ! ¹⁾

(Отечественныя записки, 1848 г., № 8, стр. 140).

¹⁾ Пѣсня эта вызвана битвою 500 Яицкихъ казаковъ съ турками подь Азовомъ, въ войну 1695—1697 гг., подь общимъ начальствомъ походнаго атамана Андрея Головачева. Въ 1696 году, во время осады и взятія штурмомъ Азова, казаки участвовали тутъ подь начальствомъ боярина Алексѣя Семеновича Шейна. Когда на требованіе русскихъ—

Приуныли, приутихли на Дону донски казаки,
А яицкіе, донскіе, запорожскіе.
А и что казаки унылы?
Приуныли на Дону донски казаки,
Да что взялъ у нихъ Государь-Царь городъ
Со тремя съ тѣми со малыми съ пригородками,
А и со славною со Кубаньей, съ крѣпкимъ Лютикомъ¹⁾.
А во славномъ, да во Черкасскомъ земляномъ городѣ,
А стоитъ у казаковъ золотой бунчувъ,
А на бунчувъ стоитъ чуденъ золотой крестъ,
А передъ крестомъ тутъ стоитъ войсковою ихъ Атаманъ,
А по имени ли Флоръ, сынъ Минаевичъ²⁾.
Ко кресту тутъ собирались донски казаки,
А и донскіе, гребенскіе, запорожски-хохлачи,
Становились молодцы во единый войсковою кругъ;
Среди круга стоитъ войсковою атаманъ,
По имени ли Флоръ, сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи говорилъ, будто во трубу трубилъ:
— „А и вы, братцы-казаки, вы яицкіе, донскіе, запорожскіе,
Пособите мнѣ, атаману, вы думу думати:
Челобитну-ли намъ писати, Государю подаватьъ?
Самому-ли мнѣ, атаману, въ Москву ѣхати?
Перемирье-бы взять передъ самимъ Царемъ:
Залегли пути-дороги за сине-море гулять“

сдать городъ, турки отвѣчали пушечными выстрѣлами, а затѣмъ, съ значительною для себя потерей, сдѣлали жестокое нападеніе на нашъ лагерь, Яицкій казакъ убитъ изъ пищаля храбрѣйшаго изъ турецкихъ наѣздниковъ, по имени Дуланъ-Мирзу, снялъ съ него треугорчатый панцирь, отрубилъ голову и привезъ ее въ станъ. Татары сильно домогались выкупить эту голову, но тщетно.

¹⁾ Лютикъ былъ построенъ въ 18 верстахъ отъ Азова и взятъ казаками 18 июня 1695 года. По взятіи Азова, донскимъ казакамъ было отдано приказаніе защищать Лютикъ всѣми силами „въ случаѣ нападенія непріятеля изъ за Кубани“.

²⁾ Флоръ Минаевичъ Минаевъ былъ донскимъ атаманомъ съ 1680 по 1700 годъ.

Еще отъ вора, отъ Васьки съ дѣтьми,
Залегли пути-дороги за сине-море,
А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону, на Ивановитѣ!⁴
И поѣхалъ атаманъ въ каменну-Москву,
Еще будетъ атаманъ въ каменной Москвѣ,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко едва выговорилъ:
— „Ахъ, свѣтъ нашъ, надежда, благовѣрный Царь!
А и грозенъ Осударь, Петръ Алексѣевичъ!
Приважи намъ на Дону чѣмъ кормится?
Залегли пути-дорожки на сине-море
Отъ вора, отъ Васьки съ дѣтьми,
Еще тѣ наши дороги увойныя-ли!“
— „Ай, гой еси, атаманъ и съ донскими казаками!
У тебя, у атамана, есть казачій судъ:
Если не порядочно живетъ,
Суди правдой по тому суду,
По тому суду, да правому —
Живи съ казаками на Дону во миру!“⁴

(Донскія казачьи пѣсни, Цивоварова, 1885 года, стр. 56—57).

20.

По край было бережка Кіянъ-моря,
Какъ на устьецѣ было Дарьинскомъ:
Выростало тутъ деревцо кипарисово.
Съ комелечку-то было это деревцо свилеватое,
А во вершинушкѣ было это деревцо кудреватое,
На вершинушкѣ были у деревца развилочки.
Полюбилъ-то это деревцо младъ-сизой соколъ.
Онъ завиваидъ-то себѣ тепло гнѣздо,
На завивочку клалъ золото-серебро,
Украпавилъ-то мелкимъ жемчугомъ

(Записана отъ словъ приказнаго Зеленовокой станицы Ф. Янкова).

21.

Раздвѣтало наше батюшко, Черно-море,
Оно не цвѣтами,
Раздвѣтало-то око, наше батюшко, Черно-море,
Оно кораблями,
Еще маленькими, черноморскими
Оно все стругами.
Вдруг несчастье у насъ на Черномъ морѣ,
Несчастье случилось:
Поднималася съ горь погодушка,
Она полуденная,
Уносила-то нашъ легонькй корабличекъ
Во сине-море.
Не на мѣстѣ-то нашъ легонькй корабличекъ
Онъ остановился,
Становился-то нашъ легонькй корабличекъ,
Онъ среди моря,
Близъ пучины ¹⁾
(Сообщилъ казакъ Бородинской станицы, Потапъ Телятовъ).

22.

Какъ по морю-морю, по Еврейскому,
Тутъ плыли-выплывали тридцать три-кораблика.
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
У него носъ, корма — по звѣриному,
А водяные бока — по змѣиному.
Какъ во этомъ кораблѣ разукрашенъ чердакъ,
Въ чердакѣ стоитъ раздвиженный стулъ,
На стулу сидѣлъ самъ Пруцкой король,

¹⁾ Пѣсня эта, къ сожалѣнiю, недокончена. По словамъ Телятова, она относится къ числу историческихъ пѣсенъ и въ прежнее время была въ большомъ ходу на Уралѣ, но въ половинѣ настоящаго столѣтiя совсѣмъ вышла изъ употребленiя.

Передь нимъ стоять два невольничка,
Со тиха-Дона два полковничка.
Какъ возговорилъ имъ Пруцкой король:
— „Ужь вы, гой еси, два невольничка,
Со тихова Дона два полковничка!
Какъ мнѣ въ нѣнѣшней ночи мало спалось,
Мало спалось, много видѣлось:
Мнѣ привидѣлся чисть-ракитовъ кустъ,
На кусту сидѣлъ младъ-ясенъ соколъ,
Во когтяхъ держалъ бѣлу-рыбицу“.
Отвѣчали ему два невольничка,
Со тихова Дона два полковничка:
— „Ужь ты, гой еси, Пруцкой король!
Чисть-ракитовъ кустъ — раздвиженный стулъ,
На кусту сидѣлъ младъ-ясенъ соколъ — православный Царь,
А въ когтяхъ держалъ бѣлу-рыбицу — вто перо лебединое“.
(Сообщилъ М. П. Х.—нѣ).

23.

Вариантъ.

Какъ по морю-морю, по Еврейскому,
Какъ тутъ плыли-выплывали тридцать три кораблика,
Какъ одинъ-то корабль напередъ бѣжить, какъ соколъ летить;
У кораблика носъ, корма — по звѣриному,
А водяные бока — по змѣиному.
Какъ во этомъ кораблѣ разуверашень чердакъ,
На этомъ чердакѣ — все дубовые столы,
Возлѣ столика — раздвиженный стулъ,
На стулу сидѣлъ самъ Пруцкой король,
Передь нимъ стоять два невольничка,
Два невольничка, два казацки полковничка,
Во рукахъ держать золотой поднось,
На поднось стоитъ рюмочка серебряна,
Во серебряной во рюмочкѣ сладка водочка.
— „Ты изволь-ка, изволь, Пруцкой король,

Соизволь принять, да выеушать,
Изъ неволюшки насъ выпустить“.

(Библиотека для чтенія 1861 года, № 3-й).

24.

Бой казаковъ съ киргизами.

По горамъ-то было, по Индерскимъ,
По раздольцамъ было широкимъ,
Собиралося тутъ собраньице киргизское:
Не мало ихъ было и не много — сорокъ тысячъ;
Предводителемъ былъ у нихъ ханъ-султанъ, Сержалинъ-отець.
Повыше крѣпости Кулагиной, пониже яру Чепушинскаго,
Пиветные казаки ихъ скараудили,
подавали вѣстыньку и вверхъ, и внизъ до войскова.
Тутъ казаки, братцы, собиралися,
Всѣ Яицкіе соѣзжались,
Думали-то они думу крѣпкую за-едино,
Черезъ Яикъ-рѣву перебравлятися.
Во глухую полночь соѣзжались,
Распустили они полковое знамя,
Поставили они распятые-образъ,
Чутко Богу, молились, низко кланялись.
Помолившись Богу, распростилися,
Распростившись, на ударъ ¹⁾ пошли.
Напередъ-то бѣжить дорожей добрый молодець,
Васильюшва, Митрясовъ сынъ,
Во рукахъ-то онъ держитъ полковое знамя.
Возговорилъ-то Василій таковы слова:
— „Ой вы, гой еси, казаки, братцы, Яицкіе!
Вы не робьте, казаки, не разбѣгайтесь“.
На крыль у киргизъ бѣжить злодѣй басурманинъ,
Басурманинъ, Каракалпачининъ,
За плечми у него турка цѣльная;

¹⁾ „На ударъ“ значитъ — въ атаку.

Онъ стрѣлялъ въ дорогаго добра-мелодца,
Убиваль-то его во бѣлую грудь,
Онъ падалъ коню на черную гриву,
А съ черной гривы—на мать-сыру-землю.
Какъ разбили казаки Яицкіе собраньице виргизское,
И, разбивши, стали дуванъ дуванить:
Доставалось на казака хорошей одежды
По сѣнной кошѣ.

(Изъ пѣсенника Сахарова, ч. IV, 1839 г., стр. 260—262).

25.

Объ Алтынскомъ знамени.

(Изъ событія 1774 года).

На зорѣ было, на зореньѣ,
На восходѣ было красна солнышка,
Во полку у насъ несчастье случилось:
Что убили во полку у насъ хорунжаго,
Что ни лучша изъ насъ перва воина,
Что Иванушку Семіоньча Барканскова.
Какъ убили его во бѣлую грудь,
Во бѣлую грудь, въ ретиво сердце.
Онъ вскричалъ, взгаденуль громкимъ голосомъ:
— „Ужь ты, гой еси, мой илецянничекъ,
Что Степанушка, сынъ Михайловичъ!¹⁾
Подбѣги во мнѣ ты скорехонько!
Поддержи, подыми знамя царское,
Знамя царское, все Алтынское²⁾,
Не допусти ты знамя до сырой земли!
Сбереги, соблюди знамя царское³⁾;

1) По фамилии Горбачевъ.

2) Въ этомъ „Алтынскомъ“ знамени не трудно угадать Голштинское знамя, бывшее у Пугачева и надѣлавшее много хлопотъ.

3) При разбитіи мятежниковъ у Сальникова завода, полковникъ Михельсонъ отбилъ Голштинское знамя Дельвичева драгунскаго полка. Какимъ образомъ знамя это досталось Пугачеву — было загадочно для

Знамя царское, все Алтынское!
И онъ палъ-то въ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы — на сыру землю.

(Морской Сборникъ, 1859 года, № 9, стр. 281).

26.

Сокращенный вариантъ этой пѣсни.

Изъ-за горь-то было, братцы, высовихъ,
Изъ-за кустика, куста было рашитова,
Не лютая-то змѣя, змѣюшка выпалывала,
Не свинцова-то пуля, пулечка вылетывала;
Упадала пулечка, она во казачій полкъ,
Нивого-то въ полку пуля не обранила,
Убивала пулечка младшаго уряднична,
Что ни лучша у насъ перва война.
Упадалъ молодецъ въ коню на черну гриву,
Со черной-то гривы падалъ на сыру землю.

(Морской Сборникъ, 1859 года, № 9).

27.

Годъ князя Волонскаго на Уралѣ.

(Кочевнѣ пирь).

На зарѣ-то было, все на зореньѣ,
Зарѣ было утренней; (2 раза)
На восходѣ-то было у казаченьковъ,
Было солнца краснаго: (2 раза)
Среди торгу, все базарушки,
Среди красной площади, (2 раза)
Собирались тутъ все казаченьки,

всѣхъ. (См. „Пугачевъ и его сообщники“ Дубровина, 1884 года, томъ III, стр. 355).

Они во единый кругъ. (2 раза)
Во кругу стоять у казаченьковъ,
Стоить раздвиженный стулъ; (2 раза)
На стулу сидить у казаченьковъ,
Сидить самъ-то Волконскій князь, ¹⁾ (2 раза)
Передъ нимъ-то стоять у казаченьковъ,
Стоить добрый молодець ²⁾; (2 раза)
Онъ стоитъ, стоитъ разудаленькій,
Самъ не трякнется, не воорухнется, (2. раза)
И русы его кудерюшки не шелохнутся.
Какъ не бьютъ его и не ругаютъ,
Но вѣрше спрашиваютъ:
— „Ты сважи, сважи, разудаленькій,
Расскажи ты правду-истину: (2 раза)
Ты какого рода-племени?
Ты не царь-ли какой,
Аль какой-нибудь сынъ вняжескій? (2 раза)
Али присланъ ты, добрый молодець,
Изъ иной земли къ подговору насъ?
Аль пришелъ ты въ намъ, ты посломъ кажимъ?“
И добрый молодець, разудаленькій, ³⁾
Сталъ отвѣтъ держать передъ допросчикомъ:
— „Не тебѣ-бъ меня, добра молодца,
Не тебѣ-бъ меня здѣсь допрашивать,
И не мнѣ-бы, разудалому,
На твои рѣчи отвѣтъ сказывать,
Правду-истину повѣдывать!..
А спроси-ка насъ нашъ, самъ, батюшка,
Нашъ отецъ, православный царь.
Вотъ ему, такъ, отцу общему,

¹⁾ Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, въ началѣ настоящаго столѣтія, былъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1806 году находился на Уралѣ, для водворенія спокойствія, нарушеннаго при введеніи въ войскѣ новаго положенія.

²⁾ А другіе поютъ: „Стоить самъ Павловъ-казакъ“.

³⁾ Поютъ и такъ: „И Павловъ-казакъ, разудаленькій“.

Пропaday моя головунька! —
Разсказаль бы я правду горькую¹⁾.

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 139).

28.

Вариантъ

На зарѣ было, братцы, на зоренькѣ,

Зарѣ было утренней;

На восходѣ-то, у казаченьковъ,

Было солнца краснаго:

Среди торгу, да базарушки,

Середь красной площади;

Собиралися тутъ казаченьки,

Они во единый кругъ²⁾.

¹⁾ Содержание этой любимой и популярной пѣсни вызвано введеніемъ новаго положенія въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, послѣдовавшаго въ 1803 году, по которому составъ войска опредѣленъ былъ въ 10 конныхъ полковъ пяти-сотеннаго состава, но, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія при ввѣдѣ этого положенія въ дѣйствіе, оно породило за собою рядъ неудовольствій со стороны казачества, что повлекло за собою выселеніе многихъ изъ войска въ Сибирь и другія мѣста. Въ пѣснѣ этой фигурируетъ Уральскій казакъ, Ефимъ Ивановъ Павловъ, который, будучи, при введеніи новаго положенія 1803 года, въ головахъ воспротившихся принять это положеніе, былъ наказанъ кнутомъ, затѣмъ ему вырвали ноздри, наложили клейма на лобъ и щеки и сослали въ каторжныя работы. Спустя 30 лѣтъ, т.е. въ 1836 году, Павловъ былъ возвращенъ изъ Сибири въ войско. Здѣсь, будучи уже древнимъ старикомъ (болѣе 70 лѣтъ), онъ, за подачу въ 1837 году, въ числѣ другихъ казаковъ, просьбы Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, во время пріѣзда Его Высочества на Уралъ, былъ снова осужденъ въ ссылку, но, благодаря его старости, ссылка была замѣнена ему заключеніемъ въ Оренбургскій острогъ, гдѣ онъ и окончилъ свое существованіе.

²⁾ „Кругъ“—главнѣйшее учрежденіе казачьей жизни, вольности и силы. Всякій не опороченный казакъ имѣлъ право голоса въ кругу, въ которомъ казаки, несмотря на то, были-ли они конные или пѣшіе, равнѣщались лицомъ въ середину. Всѣ дѣла рѣшались въ кругу и немедленно приводились въ исполненіе. Теперь всѣ эти круги уничтожены и только, иногда, бывають на рыболовствахъ для обсужденія какого-либо вопроса, касающагося исключительно только одного рыболовства.

Во кругу стоять у казаченьковъ,
Стоить раздвиженный стулъ,
На стулу сидить у казаченьковъ,
Сидить самъ Волконскій князь,
Передъ нимъ стоять разудаленькій,
Стоить самъ Павловъ казакъ.
Онъ стоить, разудаленькій,
Стоить, самъ не тряхнется,

А русы его вудерюшки,
Кудри не шелохнутя.
Его бить не бьютъ, разудалаго,
Его крѣпко спрашиваютъ,
Изъ ума его, разудалаго,
Его все вывѣдываютъ:
„Ты скажи, скажи, разудаленькій,
Скажи правду, истину:

Не король-ли ты, иль королевичъ,

Иль ты королевскій сынъ?

Изъ иной-ли ты, изъ земляюшки,

Изъ земли грозенъ посоль?”

— „Не тебѣ меня, разудалаго,

Тебѣ меня спрашивать,

Да не мнѣ тебѣ, разудалому,

Не мнѣ тебѣ было сказывать,

А спросилъ бы меня, разудалаго,

Спросилъ православный царь,

Я сказалъ бы ему, Царю бѣлому,

Сказалъ бы правду, истину“.

(Уральскія войсковыя вѣдомости, 1886 г., № 26).

Казани въ 1812 году.

Ужь ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонущка,

Ничего не знаешь.

Не скорой-то курьеръ, во глуху-то полночь,

Курьеръ прибѣгалъ,

Съ нерадостной вѣстивьшой
Его поздравляль:
Разбили твою арміюшку, Наполеонушка,
Злые, храбрые казаченьки,
Твоихъ главныхъ думчихъ сенаторовъ
Въ полонь взяли,
Твоего родимаго племянничка, Наполеонушка,
Его изрубилъ.
Какъ восплакнуль же нашъ Наполеонушка
Горькими слезами,
Во слезахъ, во горючихъ, слово вымолвить:
— „Не жаль мнѣ, не жаль
Своего роднаго племянничка,
Жаль мнѣ сенаторовъ!“
Какъ вскричалъ-то, возгарапуль
Своимъ громкимъ голосомъ:
— „Писаря-ли вы мои, писари,
Мои молодые,
Напишите вы Царю грамоту
Поскорѣ,
Мы пошлемъ же въ Царю
Генералушку посмѣлѣ!“¹⁾
(Сообщилъ А. Г. Назаровъ).

30.

Изъ-за лѣсу было, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ-то было, горъ высокихъ,
Не бѣлая заря занималася,
Не красно солнце выкатилося,

¹⁾ Въ отечественной войнѣ отъ Уральскаго казачьяго войска участвовало пять конныхъ полковъ: № 3-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Михайлова, № 4-й — подполковника Назарова, № 5-й — полковника Буренина, № 6-й — подполковника Бородина и № 7-й — полковника Шапова. Всѣ эти полки, за исключеніемъ № 7-го полка, участвовали при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ Россіи и находились за границей.

Не двѣ арміюшки соѣзжались:
Перва армія отъ Царя бѣлаго,
Втора армія — славна Франція.
Въ авангардѣ пошли полки казачьи,
Во казачьемъ полку несчастье случилось,
Сраженьице у нихъ прилучилося:
Изъ подъ кустика, куста ракитова,
Не лютая-то змѣя выползала,
Свинцовая пуля тутъ вылетала,
Упадала она во казачій полвъ.
Никого-то въ полку не поранила,
Убивала пулечка во полку уряднича,
Ферисанушку, сына Григорьича,
По фамиліи сына Мансцова;
Упадалъ онъ коню на черну гриву,
Со черной гривы — на мать-сыру-землю.
Ужъ онъ друзьямъ, братьямъ наказывалъ:
— „Ужъ вы, гой еси, братья-товарищи!
Вы коли будете на святой Руси,
На родномъ нашемъ Уралѣ-рѣвѣ,
То скажите тамъ родному батюшкѣ
Низкой поклонъ,
Родной матушкѣ — челобитьице,
Молодой женѣ — своя волюшка.
Остаюсь я здѣсь на чужой странѣ,
На чужой странѣ, все во Франціи.
(Сборникъ пѣсенъ Сахарова, ч. IV, 1839 г., стр. 295—297).

31.

На зарѣ-то было на зоренькѣ,
На зарѣ-то было, все на утренней,
На восходѣ солнца краснаго.
То не вѣтры поднимались,
Не сине море всколыхалоса,
Не фузеюшка въ полѣ грянула,
Не лютая змѣя въ полѣ свиснула,

Просвиснула пулечка свинчатая;
Она падала, да не на землю,
Не на землю, пуля, не на воду:
Она падала во казачій полкъ,
На урочную на головушку,
Что на перваго есаулушку!
Попадала она промежь бровей,
Промежь ясныхъ очей.
Упадалъ есаулушка коню на черну гриву:
— „Охъ вы, братцы мои, вы товарищи!
Поднимите меня на ворона-коня,
Отвезите меня во палатушку,
Положите меня на сухо сѣно!
А вому придется вамъ быть на Уралѣ-рѣвѣ,
Поклонитесь ему, Горыновичу,
Отцу, матери, молодой женѣ;
Передайте ей, чтобъ не убивалася,
Въ свое платье убиралася
И не оставляла отца, мать моихъ“ ¹⁾.

32.

На горѣ-то было, братцы, на высокой,
Тамъ стоялъ французскій Бонапартушка.
Онъ стоять-то стоялъ, зорко всматривался,
И въ подозрную трубу все высматривалъ.
Онъ смотрѣлъ на свою на армеюшку,
Какъ армеюшка его порастеряна
И вся малыми частями поразсѣяна,
По горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ.
Расвидалъ, растерялъ эту армію
Нашъ російскій Царь Александрюшка.
Какъ отъ Рейна до Парижа до столичнаго
Провожать ходилъ французовъ съ угощеньцемъ,

¹⁾ Пѣсня эта относится къ службѣ Уральскихъ казаковъ въ отечественную войну.

Со ружейнымъ огнемъ, огнемъ пушечнымъ.
Провиантъ и фуражъ съ собой не взять было
И въ запасѣ казны тоже не было.
Напередъ-то легли лсы соболю,
Казаки, братцы, все уральскіе.
На фуражировочку уральцы часто ѣздили,
Ромъ съ шампанскимъ виномъ пили въ волюшеу;
На закуску къ вину брали, гнали они
Отъ французовъ скотъ въ свои лагери,
А въ продувтакъ совсѣмъ не нуждался.
Какъ взошли въ Парижъ, во французскій градъ,
Распустили они царскіи знамечки,
Весь Парижъ городъ подъ квартирушки
Войска русскіе тотчасъ заняли.

(Записана со словъ 80-лѣтняго казака Требушинскаго посели, Аванія
Иванова Хохладера).

33.

Смерть Александра Благословеннаго.

Не вечерняя-ли у насъ, братцы, зоренька, зоря спотухала,
Что не полуночная-ли у насъ, братцы, звѣздынька, звѣзда
возсіяла:
Какъ во первыхъ просвѣтила эта звѣздынька Москву съ
Петербургомъ,
Во вторыхъ, просвѣтила эта звѣздынька царскія полатушки.
Во полатушкахъ лежитъ Царь нашъ, батюшка,
Православный Царь, Александръ Павловичъ¹⁾, лежитъ онъ
вспомираеть.
Передъ нимъ-то стоитъ сама Государыня, Елизавета
Алексѣевна;
Стоитъ она и слезю плачетъ по родномъ нашемъ Царь-
батюшкѣ;

¹⁾ Александръ I скончался въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. При сопровожденіи тѣла его черезъ Москву находился Уральскій казачій № 2-й полкъ, которымъ тогда командовалъ Е. А. Бородинъ, состоявшій въ чинѣ подполковника.

Во слезахъ она, наша Государыня, слово молвила:
— „На кого-же ты, Царь, спозидаешь свое царство?“
Отвѣчалъ ей православный Царь, Александръ Павловичъ:
— „Спозидаю-де я свое бѣлое царство
Во первыхъ, на Царя Константина Павловича,
А во вторыхъ, на Царя Николая Павловича“.
(Сообщилъ древній казакъ Дарьинскаго поселка, В. Набугорновъ).

34.

Заунывно, братцы, въ каменной Москвѣ
Въ большой колоколъ зазвонили;
Какъ не стало, братцы, въ каменной Москвѣ
Большой, братцы, державушки,
Какъ нѣту Царя у насъ, Осударюшки¹⁾.
Съѣзжались къ нему, къ Осударюшкѣ,
Князья къ нему, генералушки,
Съѣзжались къ нему, къ Осударюшкѣ,
Попы, дьяконы, архиреюшки,
И купцы къ нему именитые.
Свозили къ нему золотú казну,
Лили ему гробницу золотую.
(Сообщилъ В. П. Мартыновъ).

35.

Походъ съ Циолковскимъ.

Какъ между желтыхъ песковъ
Дороженька пролежала не широкая.
Какъ по той-то, по той,
По этой по дороженькѣ
Никто по ней не прохаживалъ, —

¹⁾ Вмѣсто слова „осударюшки“ нѣкоторые поютъ „Петра Алексѣевича“.

Только шель-то, прошелъ
По ней полкъ казаченьковъ.
Попередъ-то полку, братцы,
Несли знамя царское,
Попередъ-то знамя, братцы,
Ъхалъ младъ полковничекъ,
По прозванью онъ былъ
Станиславушка Тимоеевичъ,
Прозваньемъ Цюлковскій.
Онъ всходилъ-то, всходилъ,
Нашъ младъ полковничекъ,
Все на горушву, на высую,
Онъ смотрѣлъ-то, смотрѣлъ,
Нашъ младъ полковничекъ,
Все во трубочку, во подзорную.
Ничего въ полѣ онъ не усмотрѣлъ,
Только увриль, увидалъ,
Нашъ младъ полковничекъ,
Одну рѣчку Эмбу¹⁾
(Сообщилъ, безъ окончанія, казакъ Фаддѣй Ивлевъ).

36.

Вариантъ къ этой пѣснѣ.

Лежала путь-дорожка
По горамъ, по доламъ,
До славной вплоть до рѣчи,
До рѣчи до Эмбы.
Никто по той дорожкѣ

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ намъ о быстромъ и лихомъ походѣ особаго отряда Уральскихъ казаковъ, въ составѣ 800 человекъ, подъ командою войскового старшины Стахея Дмитриевича Мязинова, подъ главнымъ начальствомъ полковника Цюлковскаго, въ киргизскую степь, для водворенія въ ней спокойствія. Отрядъ этотъ выступилъ съ линіи Урала 22 мая 1823 года и, сеслуживъ славную свою службу, лѣтомъ того-же года возвратился обратно на Уралъ.

Никто не проѣзжалъ,
А шель, прошелъ по тропѣ
Одинъ казачій полкъ.
А впереди, предъ ратью,
Несутъ всѣ знамена,
За знаменами ѣдетъ
Полковникъ молодецъ.
Выходите нашъ полковникъ
На гору високу,
Глядѣль, смотрѣль полковникъ
Въ подзорную трубу.
Но ничего полковникъ
Тутъ въ полѣ не видалъ,
А видѣль нашъ полковникъ
Одну рѣчку-Эмбу,
А вдоль по ней, по рѣчкѣ,
Ростеть камышъ-трава.
Со вечера та трава
Чего-то поднялась,
Къ полуночи камышикъ
Опять поприутихъ.
Вотъ такъ и нашъ полковникъ:
Съ зарею поднялся,
Лишь выглянуло солнце,
Въ походъ онъ собрался.
Попросимъ-ка, ребята,
Полковника-отца,
Попросимъ его дружно
Намъ сдѣлать здѣсь привалъ.
„Позволь, позволь, полковникъ,
Намъ здѣсь поотдохнуть;
Еще позволь, полковникъ,
Намъ вѣней покормить;
Еще позволь, полковникъ,
Намъ вѣней разсѣлать;
Казачьи наши сѣдла
Позволь здѣсь обсушить“.

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 140).

37.

Походъ на киргизъ.

Кайбала, салтанъ-разбойникъ,
Ужъ такой-то безпоякойникъ!
Въ самую зимнюю пору
Объявилъ салтанъ войну.—
Объявлялъ батырь войну
Хану-Джангиру своему.
Казакъ изъ Горь въ походъ ходили,
По дикой степи гуляли,
Старшину Кайбалу искали,
Но ордынцевъ не видали.
Подъѣзжали во мару,
Увидали Кайбалу.
Увидавши Кайбалу,
Заманили старшину,
Генераль нашъ, Бородинъ,
Отъѣзжалъ въ сторону одинъ,
Подъѣзжалъ онъ во мару,
Замаячилъ Кайбалу:
— „Ты салтанъ ли Кайбала,
Укажи намъ, гдѣ вода!“
Салтанъ съ лошадью слѣзаль,
Таку рѣчь, злодѣй, держаль:
— „Ни воды нѣтъ, ни травы,
Лишь желты одни пески.“¹⁾

(Изъ очерка „Быта уральскихъ казаковъ“ соч. Г. И. Желѣзнова, изд. 1858 г., ч. I, стр. 24—25).

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ собою походъ Уральскихъ казаковъ въ великій постъ 1829 года, подъ командою войскового атамана, генераль-маіора Давыда Мартемьяновича Бородина, изъ Горской крѣпости въ степь Букѣвской орды, противъ киргизъ внутренней орды, намѣревавшихся, подъ предводительствомъ султана этой орды Кайып-Галия Имамова, извѣстнаго какъ между казаками, такъ и между киргизами, подъ сокращеннымъ именемъ „Кайбалы“, изъ недовольствія въ хану Джан-

Изъ событія 1837 года.

Не грозна туча изъ-за облака,
Туча поднималася:
Прїѣзжалъ къ намъ, на быстрой Ураль,
Къ намъ небывалый гость,
Не бывалый гость — Царь-наслѣдничекъ.
Старики, братцы, старожилые къ нему собиралися,
Съ лицомъ радушнымъ старики, братцы, ему поклонялися:
— „Ты заставь, заставь, Царь-наслѣдничекъ,
Насъ жить по старому,
Ты повинь, повинь, Царь-наслѣдничекъ,
Насъ на быстрой рѣкѣ“ .
Не золоченая тутю трубочка,
Трубочка вострубила,
Говорилъ же тутъ наслѣдничекъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
— „Вы подите-ка, послужите за горы Кавказскія,
Усмирите-ка злую вы орду, орду не корливую,
Не корливую орду, — черкесь со лезгинами“

Походъ Перовскаго въ Хиву.

Славно, братцы, пришло время:
Мы идемъ всѣ на Хиву,
Истребимъ Хивинско племя —
Наживемъ себѣ хвалу.

гиру, перейти за Ураль, но, встрѣтившись съ ними въ степи, недалеко отъ Урала, генералъ-маіоръ Бородинъ, выѣхавъ впередъ на переговоры, склонилъ Кайычъ-Галия оставить свои затѣи, каеъ ни къ чему доброму не ведущія, кромѣ лишь напраснаго ировоипролитія и разоренія. Султанъ остановилъ движеніе киргизъ и велѣлъ разойтись по своимъ ко-чеккамъ. По случаемъ этого событія и появившесъ у казаковъ настоящая пѣсенка, въ которой они шествуютъ Кайбалу и разбойникомъ и злодѣемъ.

Нашъ Перовскій молодець,
Всѣмъ казакамъ онъ отецъ,
Царь насъ съ нимъ въ походъ послалъ
И Хиву взять приказалъ.
У насъ въ лагеряхъ веселье,
Каждый день все новоселье,
Намъ дано всего сполна
И одѣты мы тепло.
Мы черезъ Эмбу перейдемъ
И Усть-Уртъ перешагнемъ,
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы-воры.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибаги прокляты сбросимъ,
Скинемъ теплы сапоги,
Шапки теплыя доносимъ —
Будемъ бравы молодцы.
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію заьемъ;
А хивинцевъ за ихъ дѣло
Расколотимъ подлецовъ.
Какъ въ колонну всѣ сомнемся
И какъ грянемъ въ разъ „ура!“
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ отъ неволи
Своихъ братьевъ, земляковъ ¹⁾...

(„Древн. и Нов. Россія“ 1880 г., № 9).

40.

Припѣвка.

„Мы, уральскіе казаки,
Идемъ съ радостью въ походъ.
Генералъ съ нами Перовскій —

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ собою походъ двухъ уральскихъ казачьихъ полковъ (№ 4-го, подъ командою полковника Бизанова и № 5-го,

Никакихъ намъ нѣтъ заботъ:
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ;
Провіантомъ насъ проведить,
Фуражемъ насъ наградить.
Мы муницей исправны,
Всѣмъ нарядомъ снабжены.
У насъ шапки, пижы остры;
Только быть намъ вооруженнымъ,
Какъ мы, словно на ученѣ,
Разъѣзжаемъ всегда въ строй;
Командуемъ всѣмъ въ сраженѣ,
Мы идемъ въ кровавый бой.
Вотъ намъ драться не учиться,
Мы бывали на войнахъ;
Лишь бы дали намъ сразиться,
Расчирхаемъ всѣхъ ихъ въ прахъ —
И потомъ мы возвратимся
Во Уральскій городокъ“.

(Уральск. Соч. I. И. Желѣнова, т. III, 1838 г., стр. 115).

41.

Проводы миссиі въ Хиву.

(21 апрѣля 1841 года).

Пришелъ, братцы, новый годъ,
Мы идемъ всѣ во походъ.
Мы апрѣля дождались,
На походъ мы поднялись.
Утромъ, рано, чуть разсвѣтъ,
Трубачъ зорю протрубить:
Мы съ постелей поднялись,
Въ путь-дорожку собрались.

подъ командою войскового старшины Назарова), подъ общимъ начальствомъ полковника Ф. Г. Бизянова, въ зиму 1839—1840 гг., въ отрядѣ генерала Перовскаго, въ Хивинскую экспедицію.

Послы ноченьки не спали
Ихъ въ походѣ провожали.
Мы песчаные марш
Проходили и въ жары.
На утренней на зарѣ
Подходили къ Сыръ-Дарьѣ;
На Дарьѣ-рѣчкѣ стояли,
Легки лодки принасади,
Легки лодки принасади —
Посланничевъ переправляли.
Переправивши пословъ,
До хивинскихъ городовъ
Проводили, мы простились,
На родину возвратились¹⁾.

(Съ рукописи Г. И. Желѣзнова).

42.

Уральцы возводятъ Раимское укрѣпленіе.

Вотъ приходитъ славно время,
Мы идемъ всѣ на Дарью:
Истребимъ Коканско племя,
Какъ огнемъ спалимъ траву.
Тамъ у моря, при Дарьѣ,
Мы сыскали бугорокъ.
Сажень во сто, или болѣ,
Захватили уголокъ.
Повелѣнье получили,
За работу мы тотчасъ.

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ намъ походъ четырехъ уральскихъ казачьихъ сотенъ, подъ командою есаула Петра Бородина, для сопровожденія миссіи, снаряженной подъ главнымъ начальствомъ Генеральнаго Штаба подполковника Вларамберга, въ Хиву и Бухару. Отрядъ этотъ выступилъ съ Урала 21 апрѣля 1841 года и слѣдовалъ черезъ киргизскую степь къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. 29 сентября того-же года отрядъ этотъ возвратился на линію Урала.

Какъ Рамско укрѣпленье ¹⁾
Очутилося у насъ.
Славно здѣсь мы поживаемъ,
Будто въ матушчѣй Руси,
Спиртомъ горе запиваемъ,
Забываемъ труды всѣ.
Мы, уральскіе казаки,
Мы умѣемъ какъ позить:
Свинцомъ, порохомъ богаты,
Мы умѣемъ угостить...
И кобанцы всѣ толкують
Укрѣпленье наше взять —
Какъ грачами налетаютъ
И не знаютъ, какъ начать.

(Сообщилъ казакъ Потапъ Телятовъ).

43.

Изъ военныхъ событій 1853—1856 гг.

Сильна буря прошумѣла,
Встрепенулись всѣ края:
Межъ народа пролетѣла
Вѣсть, идти весной въ походъ.
Какъ по линіи уральской
Не сизой орелъ леталъ,
Онъ къ намъ вѣсточки приноситъ,
Царя бѣлаго приказъ:
„Двумъ полкамъ идти въ походъ!“
Ружья новыя, пистонны,
Шашки острыя имѣть, —
Подъ начальствомъ Горчакова
Лестно будетъ умереть.
Онъ намъ слова два-три скажетъ, —

¹⁾ Пѣсня эта сложена казаками по поводу возведенія ими въ 1847 году, близъ устья рѣки Сыръ-Дарья, Рамскаго укрѣпленія, которое, въ послѣдствіи, упразднено и вмѣсто его, выше по Сыръ-Дарьѣ, построено Казалинское укрѣпленіе.

Пашки вонъ, пойдѣмъ на смерть!
Мы французовъ не боимся,
Полетимъ туда стрѣлой,
Съ басурманомъ мы сразимся
На смерть, не на животь.
Подъ кустивомъ ракиновымъ
Казаѣ голову свлонилъ,
Вдругъ пронзила его сердце,
Свинцова пуля прошла;
Кровь бѣжитъ изъ этой раны
На источникъ на песокъ.
Солетайтесь вороны
Изъ дремучихъ лѣсовъ,
Растрезайте мое тѣло,
По медкѣимъ по частямъ,
Растаскайте мои кости
По ракиновымъ кустьямъ.
Вы положте мои кости
По ракиновымъ кустьямъ,
Вы засыпте мои кости
Тѣмъ источникомъ пескомъ¹⁾.

(Записано со словъ казака Бородинскаго поселка Савелія Рябова).

44.

Иканскій бой²⁾.

(Въ первоначальномъ видѣ).

Въ степи шировой, подъ Иканомъ,
Насъ окружилъ кобанецъ злой

¹⁾ Пѣсня эта относится къ Крымской войнѣ 1853—1856 гг., въ которой отъ Уральскаго войска участвовало два полка: № 1-й полкъ—подъ начальствомъ полковника П. Б. Хоронжина и № 2-й полкъ—подъ начальствомъ подполковника К. М. Чурѣва. Оба эти полка выступили съ Урала въ декабрѣ мѣсяцѣ 1853 г. и находились въ началѣ войны на Дунаѣ, а потомъ перешли форсированнымъ маршемъ въ Крымъ, гдѣ и оставались до окончанія войны, участвуя во многихъ стычкахъ противъ непріятеля.

²⁾ Пѣсня эта считается сотенною пѣснею 4-й сотни № 2-го Уральскаго казачьяго полка.

И трое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы отступали... Онъ за нами
Толпами тысячными шёлъ,
И путь нашъ устилая тѣлами,
И кровь струилъ на сѣзанный доль.
Мы шли впередъ... Свистѣли пули,
И ядра рвали насъ въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули —
Все шли впередъ... Мы — казаки.
Мы шли впередъ; рады радѣли;
Геройски умиралъ вазаль;
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли,
И, какъ траву, косилъ насъ вракъ.
И три морозныхъ дня, три ночи,
Три ночи, долгія, какъ годъ,
Въ крови и не смывая очи,
Мы шли, севомъ тучи пуль, впередъ...
Вокругъ валялись наши братья,
Кованецъ кожу съ нихъ сдиравъ,
И басурманское проклятье
Во слѣдъ намъ съ пулей посылавъ...
Свинцомъ пробитые, лежали
Герои наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстями въ лицо своимъ врагамъ;
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
И тутъ не дрогнули мы... Смѣло
Всѣ ждали смерть, какъ казаки.
И, снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу ее вязавъ,
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежачимъ воевалъ...
Но вотъ, въ степной дали свергнули
Родные, русскіе штыки, —
И всѣ отграднѣе вздохнули,
Перекрестились казаки...

Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
И всё они у супостата, —
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И, слѣдомъ этимъ отступая,
Врагъ трупы мертвые терзаль...
Но, наши головы собирая, —
Своихъ онъ больше насбиралъ...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иваномъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли и въ ней,
Для мира, вѣчнаго покоя,
Зарыли всѣхъ богатырей...
И марь насыпали надъ ними —
Пусть вѣки-вѣчныя (стоитъ,
И громко съ вѣтрами степными
О нашей славѣ говорить:
Пусть говоритъ, какъ подъ Иваномъ
Насъ обружилъ кобанецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой¹⁾).

(Составилъ А. П. Хорошкинъ).

¹⁾ Въ началѣ декабря 1864 года, комендантъ города Туркестана, полковникъ Жемчужниковъ, былъ извѣщенъ о направленіи къ этому городу значительныхъ непріятельскихъ скопищъ, съ цѣлью овладѣть вновь Туркестаномъ. Желая проверить достоверность этихъ свѣдѣній и, въ случаѣ подтвержденія ихъ, разузнать, по возможности, расположение коканцевъ, полковникъ Жемчужниковъ приказалъ есаулу (нынѣ генераль-маіору) Сѣрову двинуться для этого, съ отдельной Уральскою сотнею, входившею въ составъ гарнизона города Туркестана, по направленію къ селенію Иванъ (въ 20 верстахъ отъ Туркестана) на рыхляхъ. Въ рекогносцировку эту назначены были исключительно лишь тѣ урядники и казаки, лошади которыхъ отличались быстротою бѣга; такихъ казаковъ оказалось всего только 98 человекъ. Кромѣ того, этой сотнѣ былъ переданъ, на случай нападенія непріятеля, одинъ горный одино-рогъ при четырехъ артиллеристахъ. Есаулъ Сѣровъ выступилъ, по ука-

45.

Иканскій бой.

(Въ исправленномъ видѣ).

Въ степи широкой, подѣ Иканомъ,
Насъ окружилъ коканецъ злой,
И двое сутокъ съ басурманомъ
У насъ кипѣлъ кровавый бой.
Мы залегли... Свистѣли пули
И ядра рвали все въ куски,
Но мы и глазомъ не моргнули —
Стояли мы... Мы — казаки...

занію, 4 декабря и ночью того-же числа подошелъ къ селенію Иканъ, гдѣ, находившійся тутъ двѣнадцати-тысячный отрядъ коканцевъ, подѣ предводительствомъ тогдашняго правителя Коканскаго ханства Алимкула, окружилъ со всѣхъ сторонъ отрядъ есаула Сѣрова, который успѣлъ, однако, отступить на заранее замѣченную позицію. Казаки спѣшилися; изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ и изъ верблюдовъ и лошадей устроили наскоро брустверъ, дабы, прикрываясь за нимъ отъ нападавшихъ со всѣхъ сторонъ коканцевъ, посылать, въ свою очередь, и имъ свои свинцовыя конфеты. Выстрѣлы казаковъ были настолько удачны, что коканцы, намѣревавшіеся было вѣсколько разъ штурмовать казаковъ, принуждены были строить мантилеты и подвозить арбы, подѣ прикрытіемъ которыхъ стали подходить къ расположенію сотни. 4, 5 и 6 декабря казаки бились съ неизмѣримо превосходившею ихъ силою, и только тогда, когда большая часть храбрецовъ пала въ неравномъ бою, а горный единорогъ, вслѣдствіе порчи, оказался негоднымъ къ употребленію, есаулъ Сѣровъ, видя, что и всѣ остальные изранены, рѣшилъ отступать. Не взирая на безчисленныя нападенія непріятельскихъ массъ, казаки храбро отражали эти нападенія своими выстрѣлами и, пройдя нѣсколько верстъ среди окружавшихъ ихъ непріятельскихъ полчищъ, пробились наконецъ чрезъ нихъ для того, чтобы соединиться съ высланнымъ изъ Туркестана на помощь отрядомъ. Изъ 108 человекъ, бывшихъ въ сотнѣ, 56 человекъ заплатили жизнью за свой геройскій подвигъ, а 43 — тяжело изранены. Послѣдствіемъ такой геройской битвы было то, что Алимкулъ не дерзнулъ уже больше нападать со своими полчищами на гарнизонъ Туркестана и постыдно отступилъ отъ него, не достигнувъ предположенной цѣли. За этотъ славный подвигъ есаулъ Сѣровъ Всемилостивѣйше произведенъ въ чинъ войскового старшины и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени, а всѣмъ про-

И смерть носилась, мы рѣдѣли;
Геройски все стоялъ казакъ;
Про плѣнъ мы слышать не хотѣли
(А этого желалъ нашъ врагъ).
Держались мы два дѣя, двѣ ночи,
Двѣ ночи, долгія, какъ годъ,
Въ крови и не смыкая очи.
Затѣмъ мы ринулись впередъ...
Вокругъ валились наши братья,
Кованецъ кожу съ нихъ сдиралъ
И басурманское проеляте
Во слѣдъ намъ съ пулей посылалъ...
Свинцомъ пробитые, лежали
Герои наши здѣсь и тамъ,
И снѣгъ съ презрѣніемъ бросали
Горстями въ лицо своимъ врагамъ;
И обезглавленное тѣло
Рубилъ врагъ въ мелкіе куски...
Но мы не дрогнули... и смѣло
Всѣ ждали смерть, — какъ казаки.
И снявши голову героя,
Злодѣй къ сѣдлу еѣ вязалъ,
Чтобъ похвалиться послѣ боя,
Какъ онъ съ лежащимъ воевалъ...
Но вотъ, въ степной дали свергнули

чимъ казакамъ, оставшимся въ живыхъ, пожалованы знаки отличія
военнаго ордена и кромѣ того выдано еще въ награду по 3 руб. Спустя
20 лѣтъ послѣ этого знаменитаго Иканскаго боя, по ходатайству быв-
шаго наказнаго атамана Уральскаго казачьяго войска, генералъ-лейте-
нанта князя Голицына, въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволе-
нія къ подвигамъ, мужеству и храбрости означенной сотни въ этомъ
дѣлѣ и для увѣковѣченія блестящаго дѣла этого въ памяти Уральскихъ
казаковъ, въ концѣ 1884 года, 4-й сотнѣ Уральскаго казачьяго № 2-го
полка Высочайше пожалованы знаки отличія на головные уборы съ
надписью: „За дѣло подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года“. Въ
настоящее время на полѣ битвы поставленъ памятникъ изъ жженого
кирпича, обнесенный оградомъ изъ 8 орудій, соединенныхъ тормазными
артиллерійскими цѣпами и затѣмъ вокругъ этого памятника разведены
садики.

Родные, русскіе штыки
И всё отрадное вздохнули,
Перекрестились казаки...
Потомъ взглянули братъ на брата,
И грустно стало: — многихъ нѣтъ...
И всё они у супостата,
И къ нимъ ведетъ кровавый слѣдъ...
И, слѣдомъ этимъ отступая,
Врагъ трупы мерзлые терзаль...
Но, наши головы собирая,
Своихъ онъ больше насбираль...
И мертвыхъ длиннымъ караваномъ
(Намъ послѣ сказывали такъ),
Покончивъ бойню подъ Иваномъ,
Повезъ въ подарокъ хану врагъ...
А мы, собравъ тѣла героевъ,
Могилу вырыли, и въ ней,
Для мира, вѣчнаго покоя,
Зарыли всѣхъ богатырей...
И маръ насыпали надъ ними —
Пусть вѣки-вѣчныя стоятъ,
И громко съ вѣтрами степными,
О нашей славы говорить.
Пусть говорить, какъ подъ Иваномъ
Насъ окружилъ кованецъ злой,
И какъ мы бились съ басурманомъ
За славу родины святой.

(Изъ брошюры „Иванскій бой 4, 5 и 6 декабря 1864 года“. М. П. Хорошхина. Спб., 1884 г.).

46.

Иванскимъ героямъ.

(Пѣсня эта поется на мотивъ: „Куда ты ведешь насъ — не видно не зги!“ — Жизнь за Царя).

Хвала вамъ, уральцы, герои Ивана!
Вы славу умножили предковъ своихъ,
Давно побѣдившихъ врага-басурмана

За быстрымъ Ураломъ, въ пустынныхъ степяхъ.
И сколько же мужества, нравственной силы,
Къ престолу, къ отчизнѣ высокой любви
Оказано вами на краѣ могилы,
При видѣ товарищей, павшихъ въ крови!
Вашъ маленькій лагерь былъ въ полѣ обложенъ,
Какъ островъ волнами морскими кругомъ;
И путь къ отступленію былъ загороженъ;
Стократно сильнѣйшимъ, свирѣпымъ врагомъ.
Безъ сна и безъ пищи, три дня отражали
Вы дикихъ кованцевъ стрѣльбу и напоръ;
Напрасно вамъ сдаться они предлагали —
Съ презрѣнемъ отвергли вы ихъ договоръ.
Предъ явною смертью вы духомъ не пали.
Начальникъ сказалъ вамъ: „умремъ, или уйдемъ!“
„Умремъ всѣ, но съ честью!“ вы дружно вскричали
И ринулись смѣло впередъ, на проломъ.
На мигъ непріятель пришелъ въ изумленье,
Геройскою дерзостью былъ пораженъ;
Но тотчасъ кованцы крикну въ изступленье,
Сплотились, стѣснили со всѣхъ васъ сторонъ.
Возможно ль представить ужаснѣй картину?
Въ упоръ въ васъ стрѣляли и сбить не могли...
Вы кровью смочили степную равнину;
Дорогой кровавой верстѣ восемь прошли.
Герои всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно, —
Никто, умирая, изъ васъ не стоналъ,
И раненый, только еще не смертельно,
До раны смертельной отважно стоялъ.
Одежду всю верхнюю вы побросали —
Такъ жарко вамъ было подъ градомъ свинца;
Убитыхъ товарищей ружья ломали,
Сражаясь упорно съ врагомъ до конца...
Хвала вамъ, Иканцы, и честь вамъ по праву!
Вы правы предъ долгомъ и русскимъ царемъ,
И знамени войска доставивши славу,
Вы многое дали потомкамъ взаемъ.

(Н. Ф. Савичевъ).

47.

Уральцы въ походѣ у Адаевцевъ.

(Событіе 1870 года).

Въ Мангшлакѣ былъ начальникъ —
Подполковникъ былъ Рукинъ.
Издавна тамъ дѣло длилось,
Скоро высланъ въ фортъ приказъ.
Царь что скажетъ, будетъ вѣрно
И исполнится какъ разъ:
Той бумаги содержанье:
На киргизъ взложить налогъ.
Несмотря на то, полковникъ
Шлетъ посланника въ орду,
Чтобы бии въ фортъ съѣзжались
Къ марту пятому числу.
— „Переведи имъ, переводчикъ:
Ставку буду дѣлать я
И борьба будетъ отлична —
Всѣхъ шаями передарю“.
Соѣзжалось биевъ много
И случилось тутъ какъ разъ:
Тутъ полковникъ былъ прилежень,
Руку каждому давалъ.
Онъ зашелъ промежъ кибитокъ,
Такъ Маяеву ¹⁾ сказалъ:
— „Приведи верблюдовъ двадцать,
Я хочу въ походъ идти!“
Онъ взглянулъ глазомъ не мило
И дрожась ему сказалъ:
— „Хорошо-съ, будутъ готовы;
Какъ прикажете привести?“
— „Ко пятнадцатому марту
Чтобъ готовы были здѣсь!“

¹⁾ Заурядъ-хорунжій Бій Бай-Магометъ Маяевъ, — управляющій
верхней дистанціей Адаевского рода киргизъ, кочующихъ въ Усть-Уртѣ

Шлетъ другой приказъ по форту:
Выбрать сорокъ казаковъ,—
У всѣхъ ружья нарѣзныя,
Чтобъ готовились въ походъ,
Взявъ на мѣсяцъ провіанта
И завьючивъ верблюдовъ.
Въ воскресенье, послѣ обѣда,
Передъ выходомъ въ походъ,
Какъ молебень отслужили,
Перекрестились, да пошли.
Передъ дворомъ остановились
И построились фронтомъ;
Тутъ Рукинъ, полковникъ, вышелъ: —
— „Здорово, братцы!“ намъ сказалъ;
— „Мы идемъ въ походъ на мѣсяцъ,
Съ Богомъ, братцы“, — онъ сказалъ
И скомандовалъ „направо“, —
Командиръ нашъ¹⁾ напередъ.
Тутъ мы грянули всѣ пѣсню
И смотрѣлъ на насъ народъ;
А въ отрядѣ былъ вожака—
Здѣсь знакома ему степь.
Онъ повелъ отрядъ изъ форта
Прямо въ горы „Сарташи“²⁾);
Въ Сартапахъ мы почевали,
Рано встали на зарѣ,
Живо вьючили верблюдовъ,
И отправились впередъ.
Вдругъ киргизъ Адайска рода
Выбѣгаилъ къ намъ въ отрядъ,
Передалъ такую рѣчь:
— „Собралась орда въ горахъ!“
Ихъ, поганцевъ, было много,
Ровно чернаго грача.
Они съ крикомъ налетали,

¹⁾ Хорунжий Ливинъ.

²⁾ Урочище близъ Каспійскаго моря.

Выстрѣль сдѣлали, въ отрядъ.
Нашъ Багайдинъ ¹⁾, славный воинъ,
Выбѣгалъ къ нимъ напередъ.
Онъ надѣялся на храбрость,
Побѣдить хотѣлъ врага.
Вдругъ несчастье съ нимъ случилось:
Не ударило ружье!
А киргизъ было такъ много,
Дальше идти было нельзя;
Тутъ отрядъ былъ остановленъ,
Какъ убили молодца.
Его тѣло схоронили
Въ той же дикой сторонѣ.

Память вѣчная Уральцамъ,
Гдѣ тѣла ихъ лежатъ:
Тѣла тлѣются героевъ
Въ той далекой сторонѣ.
И Рукинъ ихъ, подполковникъ
Положилъ среди степей ²⁾.

(Сообщилъ В. А. Чурѣвъ, изъ Сарайчиковской станицы).

48.

Походъ Кауфмана въ Хиву.

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ,—
И предъ дикими ордами
Ужъ не первый разъ стоимъ.

¹⁾ Урядникъ.

²⁾ Пѣсня эта есть чисто казачьяго творчества, въ которой казаки воспѣваютъ походъ своихъ станичниковъ-уральцевъ на Мангишлакъ въ 1870 году. Весною этого года, для конвоированія Мангишлакского пристава, подполковника Рукина, его помощника, есаула А. Ф. Логинова, и управляющаго верхней дистанціей Адаевского рода киргизъ, заурядъ-хорунжаго Маяева, при поѣздкѣ ихъ въ степь для ввода въ дѣйствіе новаго положенія между киргизами, было назначено, изъ состава гарнизона форта Александровскаго, тридцать-восемь казаковъ и два уряд-

Вотъ велѣлъ намъ Царь Великій
На Хиву идти въ походъ,
И раздались всюду влики:
За Царя! за Русь! — впередъ!
Черезъ горы въ непогоду,
Припѣваючи прошли...
Слава русскому народу! —
Дѣти русской мы земли!
И прошли мы степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ...
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Вьетъ съ бархана на барханъ...
Тамъ и птица не летаетъ,
Лишь песокъ летитъ столбомъ...
А теперь весь миръ ужъ знаетъ,
Что намъ степи ничо чемъ.
Слава намъ! Хивинецъ дикій
Свою голову склонилъ.
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ то довершилъ!...
И прислалъ онъ намъ „спасибо“
И медали далъ войскамъ:
На край свѣта мы пошли бы
За таковую милость къ намъ.
Шель Бековичъ въ оны годы

ника, подъ начальствомъ хорунжаго Ливкина. Выступивъ изъ форта 15 марта, Рукинъ направился съ отрядомъ мимо полуострова Бузачи на заливъ Карагачъ и Александръ-Бай, но 23 марта, въ горахъ Саратыши, отрядъ былъ внезапно окруженъ большимъ скопищемъ киргизъ Адаевского рода. Казаки остановились, спѣшились и въ такомъ положеніи находились три дня, т.-е. до 25 марта, дѣлая перестрѣлку съ осаждавшими ихъ киргизами. Потерявъ въ этой перестрѣлкѣ трехъ человекъ убитыми и нѣсколько ранеными, 25 марта, въ половинѣ дня, по настойчивому приказанію подполковника Рукина, казаки сложили оружіе въ кучу (см. „Уральскія вѣдомости“ 1870 года №№ 8 и 37); киргизы набросились на измученныхъ трехъ-дневнымъ боемъ казаковъ, задавили ихъ, такъ сказать, своею силою; сначала они взяли оружіе, а потомъ, забравъ казаковъ въ плѣнъ, подѣлили ихъ между собою. Виновикъ этого постыднаго дѣла, Рукинъ, застрѣлился тутъ-же, на мѣстѣ, изъ револьвера.

И Перовскій ратоваль:
Но пропали ихъ походы,
И давно ихъ слѣдъ пропаль...
Только нашъ походъ суровый
Будуть помнить, будутъ чтить,
Но вѣдь намъ совсѣмъ не ново
Царю бѣлому служить!..¹⁾

(А. П. Хорошкинъ).

49.

На взятіе Хивы.

Ночи темны, тучи грозны,
По поднебесью идутъ.
Идутъ, идутъ казаченьи,
Идутъ они тихимъ маршемъ,
И межъ собою говорятъ:
— „Хотя трудно намъ, ребята,
Подъ хивинцами стоять, —
Труднѣй того намъ, казакамъ,
Подъ пушечки подбѣгать.
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали въ разъ: „Ура!“
Ура, ура! городъ взяли,
Затряслися стѣны-валь.
Вы злые, лютые хивинцы!
Покоритесь вы намъ.

¹⁾ Въ Хивинской экспедиціи 1873 года, въ составѣ Туркестанскаго отряда, были двѣ отдѣльныя Уральскія казачьи сотни подъ №№ 1-й и 3-й, подъ начальствомъ войскового старшины Криденера и есаула Хлѣбникова, которыхъ, за отличіе въ этомъ походѣ противъ турменъ и хивинцевъ, награждены особымъ знакомъ на головномъ уборѣ, съ надписью: „за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года“. Высокую награду эту, изображенную лентой на папахѣ, носятъ въ настоящее время всѣ чины 1-й и 3-й сотенъ, находящихся въ составѣ Уральского казачьяго № 2-го полка.

Если-жь вы намъ не коритесь, —
Пропадете, какъ трава!
Идетъ съ нами мать-Россія,
Всѣмъ сударствамъ голова!“¹⁾

(„Уральцы“, соч. И. И. Желѣзнова, изд. 1888 г., т. I, стр. 34).

50.

На Михайловъ день,
Собираются
Во единый кругъ
Казаки-братцы.
Они празднуютъ
Праздникъ войска,
Съ утра раннева
Вплоть до вечера.
Среди круга стоитъ
Знамя царское,
Войсково знамя,
Георгиевское.
Казаки, братцы,
Старожилые,
Передъ нимъ стоять,
Богу молятся.
Ужь ты значечко,
Знамя царское:
Ты—награда намъ
Осударева.
Заработали мы
Тебя, значечко,

¹⁾ Пѣсня эта, какъ видно, передѣлана казаками изъ старой солдатской пѣсни Суворовскихъ временъ, составленной при взятіи Варшавы, а потому казачьяго творчества въ ней весьма немного. Въ хивинской экспедиціи 1873 года, въ составѣ Оренбургскаго отряда, состояло три отдѣльныя сотни Уральскаго казачьяго войска, подъ №№ 1, 2 и 3, подъ начальствомъ есауловъ: А. Л. Гуляева, С. Е. Толстова и Л. Г. Логинова. Изъ нихъ двѣ первыя сотни участвовали во всѣхъ дѣлахъ Оренбургскаго отряда, бывшаго въ Хивинской экспедиціи, а послѣдняя, т.-е. 3-я — только въ дѣлѣ подъ городомъ Кунградомъ.

Не плугомъ, не сохой,
Не лопатою:
Заработали мы
Это значечко
Шашкой вострою
И винтовкою.
Вмѣсто пота, лилась
Кровь горячая
Удалыхъ казаковъ,
Добрыхъ молодецвъ.
Развѣвайся-жь теперь,
Знамя царское,
И напомни ты намъ
Наши доблести.
За Царь и за Русь
Мы помолимся,
А въ честь праздника
Выпьемъ водочки ¹⁾.
(В. Чалусовъ).

¹⁾ Михайловъ день — 8 ноября, есть историческій войсковой праздникъ Уральскаго войска. Послѣ пожалованія въ 1884 году войскового Георгіевскаго знамени, казаки ежегодно чтятъ этотъ историческій день своимъ празднествомъ.

ОТДѢЛЪ IV.

ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

1.

По степямъ-то, степямъ все раздольнымъ ¹⁾
 Пролегала тутъ путь-дороженька не широкая,
 Далекимъ-то она пошла, конца-краю нѣтъ.
 Никто по этой дороженькѣ не прохаживаль,
 Никто слѣдь-пути не провладываль.
 Только шель-прошелъ одинъ сивый, рѣзвый конь,
 На боку-то онъ пронесъ сѣделице казацкое,
 Полуженыя его стремяница по копытамъ бьютъ,
 Ременные поводьца коню ноги путають;
 За конемъ-то шель разудаленькій, добрый молодець,
 Добрый молодець, удалой казакъ.
 Онъ не пьянъ-то шель, но шатаился,
 За ковыль-травку запинался ²⁾,
 Горючими слезми, разудаленькій, заливался.
 Онъ вскричалъ, взгарьнулъ своимъ голосомъ:
 — „Ты постой, не бѣги, сивый-рѣзвый конь,
 Ужъ мнѣ моченьки нѣтъ за тобой идти:
 Одолѣли меня, добра молодца, кровавы раны,
 Разломило мои могучи плечи нести знамя царское“...

(Сообщилъ, безъ окончанія, казакъ Григорій Семіончевъ).

¹⁾ Нѣкоторые казаки поютъ эту пѣсню и такъ: „По лѣсамъ-то, лѣсамъ, все по лѣсикамъ по дремучимъ“.

²⁾ Слова эти замѣняются слѣдующими: „За кусты, прутья запинался“.

2.

Ахъ, долина моя, ты долинушка,
Ты широкое мое раздольице!
Какъ не пѣшь-то я по тебѣ хожу
И сѣделице за плечами ношу.
Цвѣтно платье въ торока вяжу,
А добра коня въ поводу веду
За тоненькій поводъ шелковый,
За ту узду, за тесьмянную,
За то кольцо, за серебряно.
Хозяинъ-то рѣчь возговорить:
— „Что, рѣзвый конь,
Не весель стоишь,
Повѣсилъ ты свою буйную голову?
Аль я на тебѣ тяжелъ сажу?
Аль тяжела моя сбруя ратная?
Аль остро копье булатное?“
Конь хозяину рѣчь возговорить:
— „Ты, хозяинъ мой, мой ласковый!
Не тяжелъ ты на мнѣ сидишь,
Не тяжела твоя сбруя ратная,—
Тяжелы мнѣ дальни переходушки,
Безводица, коню, безкормица.
А мнѣ, коню, идти по неволюшкѣ,
А тебѣ, добру молодцу, по охотушкѣ;
Тяжела мнѣ служба Чуманова,
Чуманова, сына Урманова.“

3.

Какъ не сонъ-то клонить
Мою буйную головушку,
Не сонъ, не дремота валить:
То валить-то мою головушку
Печаль, да кручинушка;
Какъ съ того-то боня, боня иноходаго

И съ того-то сѣдла,
Сѣдла, добра молодца, черкаскаго,
И со тѣхъ-то струмень, струмень булатныхъ.
Рѣзвый конь-то его, добра молодца,
Былъ заносливый,
А уздечка коня, добра молодца,
Узда была тесьмянная,
Удила-то у ней были серебряны;
Вдругъ уздечка-то его тесьмянная разрывалася,
Серебряное-то его колечко распаялося, —
И занесъ-то его сивый, рѣзвый конь
Ко батюшкѣ Черну-морю.
А по Черну-морю растеть камышь-травынька,
Все камышь-трава растеть,
И листочки у ней пообрѣзаны...

.
(Сообщилъ, безъ окончанія, С. А. Плуткинъ).

4.

Вариантъ.

Какъ не сонъ-то клонить
Мою буйную головушку,
Не сонъ, не дрема валить
Со того коня добра молодца,
Съ коня иноходаго;
Со того-ли сѣдла меня, добра молодца,
Со сѣдла черкаскаго;
Со того-ли стремя
Меня, добра молодца,
Со стремя булатнаго.
Вдругъ несчастьеце
Надъ добрымъ молодцемъ,
Несчастье случилось:
Какъ желѣзное его колечко,
Кольцо распаялося,
Не тесьмянная его уздечка,

Узда разрывалася.
У меня-же, вотъ, у добра молодца,
Конь заносливый:
Заносиль-то меня, добра молодца,
Во дивую степь, къ непріятелю.
(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

5.

Какъ за рѣчкою, за Кубанкою,
Тамъ казакъ гуляль, добрый молодець;
Своего коня спасаль,
Ковыль-травку рваль,
На огонь ее клалъ —
Клалъ, раскладываль;
Свои раны перевязываль.
— „Ужь вы, раны, мои раны,
Вы тяжелыя,
На подживь раны пошли;
Одна ранушка тяжелая,
На подживь рана нейдетъ,
Тяжелымъ-тяжела,
Ко сердечку подошла!“
Возговорилъ тутъ добрый молодець
Коню своему, коню быстрому:
— „Ужь ты, конь-ли мой, конь,
Конь, товарищъ мой!
Я съ тобою здѣсь одинъ распрощаюся:
Побѣгай-ка, мой конь,
Въ землю русскую,
Не давайся ты, конь, непріятелю,
Только дайся ты, конь,
Брату родному;
Ты скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой-же женѣ челобитьице.
И скажи-ка ей волю полную:

Хочетъ, замужь идетъ,
Хочетъ, во вдовахъ живетъ " 1).

(Сообщилъ урядникъ Лушъ Бирюковъ).

6.

Вариантъ.

Ахъ ты поле мое, поле чистое,
Ничего ты, поле, не породило!
Породило поле кустъ ракитовый.
Подъ кустомъ-то лежитъ добрый молодець,
Добрый молодець, молодой казакъ;
Молодой казакъ не убить лежитъ,
Не убить лежитъ, шибко раненный;
Въ головахъ у него—бѣль-горючь камень,
Во рукахъ у него — сабля вострая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А въ ногахъ у него стоитъ добрый конь:
— „Ужь ты, конь-ли мой, конь, ты товарищъ мой!
Побѣгай-ка ты, конь, во Россіюшку,
Не давайся ты, конь, непріятелю,
Только дайся ты, конь, брату родному;
Да скажи-ка, скажи отцу съ матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой-же женѣ челобитьице
И скажи-ка ей, что усваталъ я
Все невѣстухку — свинцову пулю,
Обвѣнчала меня сабля вострая.

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

1) Подобная пѣсня, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, существуетъ какъ у Донскихъ казаковъ (см. „Сборникъ Донскихъ казачьихъ пѣсенъ“, изд. Пивоварова 1885 г., стр. 133), такъ и у Кубанскихъ (см. „Сборникъ боевыхъ пѣсенъ“ К. Вульфа, изд. 1870 года, стр. 75), но она издавна поется и у насъ на Уралѣ, вѣроятно потому, что полки Яицкаго войска въ XVII столѣтіи непрерывно служили посмѣнно въ нивовомъ корпусѣ (по рѣкѣ Кубани) вплоть до Турецкой (Румянцевской) войны, вслѣдствіе чего нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и пѣсня эта сложена казаками тамъ.

7.

Ужъ вы, горы мои, горы высокія,
Ничего вы, горы, не породили!
Породили только бѣль-горючъ камень.
Изъ подъ камушка бѣжить быстра рѣченъка,
Какъ по рѣчкѣ плыла сѣра утица,
Плывши, она вдругъ воскрѣкнула:
— „Ужъ ты плавай, плавай, селезень, не заплавайся,
На меня, сѣру утицу, не заглядывайся“.
Какъ по правое крыло растеть часть-ракитовъ кустъ,
На кусту-то сидитъ младъ-сизой орель,
Во когтяхъ-то онъ держалъ черна ворона,
Онъ щипать-то его не щипалъ,
Крѣпко спрашивалъ:
— „Гдѣ ты, воронъ, былъ? отвѣчай-ка мнѣ“.
— „Я леталъ, воронъ, по дикой степи,
По дикой-то степи, по бухарской,
И я видѣлъ тамъ чудо дивное:
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, все казацкое;
Никто къ тѣлу тому не подступится,
Прилетали только три ласточки,
Какъ три ласточки, три касаточки.
Какъ и первая ласточка — его рѣдна матушка,
А вторая ласточка — родная его сестрынька,
Какъ и третья-то ластынька — молода его жена.
Первая ластынька плачетъ, какъ рѣка быстра течеть,
Вторая ластынька плачетъ, словно съ горъ ручьи текутъ,
Третья ластынька плачетъ, словно утрення роса:
Какъ и солнышко взойдетъ — роса высохнетъ“.

(Сообщилъ изъ Дарьинскаго поселка А. Е. Митрясовъ).

8.

Варіантъ.

Ужъ вы, горы-ли, горушки высокія,
Ничего-то вы, горы, не породили!

Спородили вы только, горушки,
Одинъ бѣль-горючъ камень.
Изъ подъ камешка бѣжить
Быстра рѣченька,
Быстра рѣченька, Эмба матушка;
Какъ по берегу растеть
Часть-ракитовъ кустъ,
На кустѣ сидитъ пестрая кукушечка,
Подъ кустомъ лежитъ добрый молодецъ,
Въ головахъ-то у него
Лежитъ шашка острая,
А въ ногахъ-то стоитъ
Его рѣзвый конь:
— „Ужь ты, конь ли мой, конь,
Конь вороненькій!
Ты бѣги-ка, конь,
Къ моей молодой женѣ,
Ты скажи-ка ей,
Что женился я въ иной странѣ,
Во иной странѣ, въ басурманской...
(Сообщилъ безъ окончанія, казавъ В. Набугорновъ).

9.

Нѣту, нѣту у молодца,
Нѣту ни товарища;
Товарищъ у молодца —
Его добрый конь,
Слуга его вѣрный —
Крѣпкій, тугой лубъ,
Посланникъ у молодца —
Калена стрѣла.
Куда стрѣлочку не пошлетъ —
И самъ за ней идетъ.
Послалъ ее добрый молодецъ
Во чисто поле;
Во чистомъ во полюшеѣ
Огонекъ горить.

Огонекъ, братцы, горить
Маль-малехонекъ,
А у этого огня
Лежить добрый молодець:
Не убитый лежить онъ —
Крѣпко раненый;
Въ головахъ у молодца
Стоить чудень крестъ,
Во рукахъ у молодца —
Шашка острая,
А въ ногахъ у молодца —
Его добрый конь.
Конь копытомъ землю бьетъ
Хозяина пробуждаетъ:
— „Встань-ка, встань хозяинъ мой,
Хозяинъ родной!
Ты садись-ка на меня — поѣдемъ домой,
Поѣдемъ домой, къ женѣ молодой.
(Сообщилъ казакъ Иванъ Максимовичъ Соболевъ).

10.

Туманы вы мои, туманушки,
Туманы вы мои разосенніе!
Не подняться ли вамъ, туманушкамъ,
Со синя-моря долой,
А намъ, разудальнымъ казаченькамъ,
Со чиста поля домой!..
Ты, печаль ли моя, кручинушка,
Зла, мучительна тоска!
Не отстать ли тебѣ, кручинушка,
Отъ ретива сердца прочь!
Какъ вечеръ-ночесь, мнѣ, добру-молодцу,
Ночка темна не спалась;
Какъ вечеръ-ночесь, мнѣ, добру молодцу,
Много видѣлось во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодець, на бухарской на сторонушкѣ,

Близъ Индерскихъ горъ, у Яикушки;
Будто я лежу, разудаленькй, на дикой степи,
А постелюшка мнѣ, добру молодцу, — ковыль-травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому, — бѣль-горючъ камень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу, — темна ночка надо мной;
Мои рѣзвы ноженъки вдоль дороженьки лежать,
Мои бѣлы ручушки врозь разложены,
Кудри мои русыя буйнымъ вѣтромъ разнесло,
Очи мои ясныя желтымъ пескомъ засыпаны,
Тѣло мое бѣлое, черны вороны клюютъ;
Сквозь костей-то моихъ, ребрышковъ,
Трава-мурава растеть,
Ретиво мое сердечушко змѣя лютая сосеть.

(Сообщилъ В. П. Мартыновъ).

11.

Какъ не ясень-то соколъ,
Сokolъ по горамъ леталь,
Молодой-то офицеръ
По полкамъ сваяль;
Молодые казаки его
Во строю стоятъ,
Во строю стоятъ,
Всѣ на коняхъ сидятъ.
Какъ одинъ-то казачекъ
Сидитъ, призадумался:
Подѣзжалъ тутъ къ нему
Младъ полковничекъ,
Началь спрашивать его,
Все выспрашивать:
— „Что ты, что ты, казачекъ,
Сидишь-призадумался?
Или жалко тебѣ
Свою казачью сторонущку,
Или жалко тебѣ
Отца съ матерью,

Или жалко тебѣ
Свою молодую жену,
Или жалко тебѣ, казакъ,
Малыхъ дѣтушекъ?⁴
Отвѣчалъ казакъ
Правду-истину:
— „Нѣтъ, мнѣ жаль только
Малыхъ дѣтушекъ...
Малыхъ дѣтушекъ, горемычныхъ,
Что остались они наги, босые,
Насидятся теперь за столомъ голодные,
Наглядятся они кусочка поданнаго“.
(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

12.

Славно, браво, казаки,
Уральскіе молодцы,
Мы всегда служить готовы
Всѣмъ начальникамъ на славу.
Командиръ нашъ, Бородинъ,
Онъ служилъ съ нами одинъ,
Командиръ онъ нашъ, отецъ,
Нашей радости творецъ.
Командиръ нашъ приказалъ
Вечеромъ въ парадъ быть
Противъ царскаго дворца,
У Александрина крыльца.
Государь нашъ выходилъ
Съ Бородинымъ онъ говорилъ.
Бородинъ тутъ не робѣлъ
Показалъ Царю примѣръ¹⁾.
Царь по фронту проходилъ,
Похвальбой насъ наградилъ;
Похвальбой насъ наградилъ,
По домамъ всѣхъ распустилъ.
(Сообщилъ казакъ Давыдъ Кучкинъ).

¹⁾ Своей службой.

13.

Вспомни, вспомни, Шамиль-бергель,
Какъ несчастный ты теперь;
Знать по дѣлу ты страдаешь
И одежды на тѣ нѣтъ.
Вмѣсто мягкихъ подушекъ
И камня тебѣ въ честь.
Что-то сдѣлалось Тавлинцамъ,
Взбунтовались межъ собой.
Генераль Клюка ¹⁾ услышалъ —
Переправу утверждалъ.
Бородинъ ²⁾, нашъ герой храбрый,
Съ полкомъ въ помощь поспѣшалъ.
Тутъ орудія гремѣли,
Ружей звукъ въ ушахъ звенѣлъ...

(Сообщилъ казакъ Бородинскаго поселка Потапъ Телятовъ).

14.

Слава русскому казаку
Съ командиромъ молодцомъ:
Мы докажемъ еупостату
Дружбу пикой и ружьемъ.
Встрепенется регивое,
Какъ забьютъ походный маршъ.
Слышно было воеванье —
Выступилъ отрядъ нашъ.
Еще слышно, за Сулакомъ
Куралесилъ тамъ Шамиль.
Онъ спознался съ разной дрянью,
Расхрабрился онъ, какъ бѣсъ.

¹⁾ Клюки-фонъ-Клугенау.

²⁾ Полковникъ Иванъ Ивановичъ Бородинъ командовалъ Уральскимъ казачьимъ № 7 полкомъ въ бытность его на Кавказѣ, въ 1841—1846 гг.

Намъ война давно знакома,
Мы вездѣ съ ней обошлись.
Ты теперь, знакомецъ новый,
Насъ въ баталіи дождись.
Мы къ Воздвиженью успѣемъ,
На Петровъ домой придемъ;
Мы Шамила-лиходѣя
Крестъ научимъ цѣловать.
А что послѣ съ нами будетъ —
Командиры знать должны.
Скажутъ, близъ казаки рубятъ;
Скажутъ, пашки жай въ ножны;
Все-то пашкой сдѣлать можно,
Всюду можно побѣждать ¹⁾.

15.

На Каспійскомъ на морѣ
Стоитъ крѣпость на горѣ:
Кругомъ камнемъ обнесена
И барбеты по стѣнамъ;
Пушки мѣдныя блестятъ,
На всѣ стороны глядятъ.
Комендантъ къ намъ подходилъ
Насъ, уральцевъ, благодарилъ.
Комендантъ у насъ веселый,
Герой храбрый, молодець,
Полковничекъ Маевскій,
Всѣмъ казакамъ онъ отецъ.
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ:
Провіантъ мы получаемъ
И довольны мы харчемъ;
Винну порцію получимъ —

¹⁾ Пѣсня эта хотя и не принадлежитъ къ произведеніямъ Уральцевъ, но тѣмъ не менѣе сильно распространена на Уралѣ, вслѣдствіе чего она и помѣщена въ настоящемъ „Сборникѣ“.

Себѣ храбрости залучимъ.
Мы живемъ здѣсь, веселимся,
Разсердимся, разъяримся,
Врагу въ руки не дадимся.
Побѣдимъ мы злыхъ враговъ
Вкругъ Каспійскихъ береговъ ¹⁾.

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

16.

Царь послалъ насъ въ степь Зицку
Заводить крѣпость Уральску.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Заводить крѣпость Уральску.
Какъ на крутой горѣ высокой,
На равнинѣ на широкой,
То-то люли, вотъ какъ люли —
На равнинѣ на широкой
Стоитъ крѣпость развесела,
Уральцами заведена.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Уральцами заведена.
Уральцами заведена,
Кругомъ дерномъ обнесена.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Кругомъ дерномъ обнесена.
Кругомъ дерномъ обнесена,
Есть барбеты на углахъ.
То-то люли, вотъ какъ люли —
Есть барбеты на углахъ.
Пушки мѣдныя блистають,
На всѣ стороны смотрятъ,
То-то люли, вотъ какъ люли —
На всѣ стороны смотрятъ
Для злодѣя-лиходѣя,
Для защиты своихъ глазъ.

¹⁾ Пѣсня эта сложена казаками, служившими съ 1833 по 1870 годъ въ фортъ Александровскомъ.

То-то люли, вотъ какъ люли—
Для защиты своихъ глазъ¹⁾.
(Сообщилъ казакъ Абрамъ Борисовъ).

17.

Друзья, въ едино соберемся!
Махнемъ мы въ дальній, трудный путь:
Умремъ со славой, иль вернемся
На свой Уралъ поотдохнуть.
За честь и родину поляжемъ
Въ рукахъ съ оружіемъ, — въ бою;
Тогда врагамъ своимъ докажемъ
Казачью храбрость мы свою.
Намъ завѣщали это дѣды, —
Идти упорно на врага,
Нести въ сердцахъ символъ побѣды...
А жизнь!... жизнь намъ не дорога!
Итакъ, въ едино соберемся,
Пройти далекій жизни путь;
Умремъ со славой, иль вернемся
На свой Уралъ мы, отдохнуть.
(А. В. Чалусовъ).

18.

Бой съ конанцами въ Копъ-суатѣ.

Ну-ка, вспомнимъ-те, ребята,
Какъ съ проклятою ордой
Межь бархановъ Копъ-суата
Быль у насъ кровавый бой!
И, признаться, какъ-то жутко
Приходилось намъ тогда:

¹⁾ Пѣсня эта составлена казаками въ 1845 году, при возведеніи Уральскаго укрѣпленія, переименованнаго впоследствии въ г. Ирғизъ.

Какъ тѣснила цѣлы сутки
Насъ поганая орда!
Но мы шашками, штыками
Отбивали ихъ напоръ:
Всѣ рѣшились лечь костями,
Чѣмъ нажить себѣ позоръ!
Дали слово... и сдержали
(Про то знаетъ крѣпко врагъ:
Какой платой погунали
Они каждый смѣлый шагъ).
Разъ двѣнадцать плотной лавой
Напиралъ онъ на нашъ строй,
И двѣнадцать разъ, на славу,
Рукопашный выгнѣлъ бой!
Словомъ, молвить, пиръ кровавый
Былъ для русскаго штыка,
И натѣшилось довольно
Ретивое казака!
Не дочлось, чать, въ ихой рати
Храбрыхъ сотня не одна.
Пусть же помнить будетъ встати
Врагъ урокъ Бородина¹⁾.
(Урядникъ А. И. Чапкаевъ).

19.

Бой съ коканцами въ 1853 году.

Какъ не тучи небо кроютъ,
Не сѣдой встаетъ туманъ;
И не буря злобно воетъ
Среди нашихъ полянъ:

¹⁾ Въ пѣснѣ этой воспѣвается знаменитое дѣло трехъ Уральскихъ казачьихъ сотенъ, подъ начальствомъ войскового старшины Ксенофонта Фокѣевича Бородина, — съ отрядомъ коканскихъ войскъ, въ 1850 году, въ песчаной мѣстности Копъ-Суатъ, при р. Сыръ-Дарьѣ, близъ крѣпости Агъ-Мечети.

То отъ дальнихъ стѣнъ Кокана
Ханъ коканскій барантой,
Черезъ пустыни Туркестана,
Къ намъ Касыма ¹⁾ плеть ордой!
Знать, забылъ штурмъ Акъ-Мечети ²⁾
И урокъ Бородина ³⁾:
Снова собралъ пропасть рати,
Снова поднялъ знамена.
Но мы, русскіе казаки,
Не отвыкли отъ побѣдъ:
Бранной славой мы богаты,
Про то знаетъ цѣлый свѣтъ!
Не привѣтливою рѣчью,
Встрѣтимъ мы своихъ враговъ, —
Но убійственной картечью,
Да щетиною штыковъ!
Намъ не долго дожидаться
Привелось къ себѣ гостей, —
Не замедилъ показаться
Касымъ съ арміей своей!
Пыль взвилась и черной тучей
Одѣваетъ небосклонъ...
И встаетъ вдругъ лѣсъ дремучій
Пикъ ихъ, значковъ и знаменъ!
Торопилися злодѣи,
Они лагерь укрѣплять:
Возводили батареи,
По насъ начали стрѣлять!
Пушки мѣдныя завывли,
Берегъ Сыра задрожалъ,
Ядра съ ревомъ землю рыли,
Свинець въ воздухѣ визжалъ!
Огаревъ ⁴⁾, полковникъ смѣлый,
Тогда не спалъ, не дремалъ:

¹⁾ Касымъ—коканскій главнокомандующій.

²⁾ Штурмъ Акъ-Мечети происходилъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1853 г.

³⁾ Жаркое дѣло въ Копъ-Суатѣ въ 1850 году.

⁴⁾ Огаревъ былъ тогда комендантомъ форта Перовскаго.

Крѣпко помнилъ свое дѣло,
Будто трусилъ и молчалъ.
Трое сутокъ пировали
Басурманы за рѣкой
И насъ дерзко вызывали
Въ рукопашный съ ними бой!
На четвертый же день, рано,
Приказъ отдалъ командиръ:
Подъ прикрытіемъ тумана
Переправиться чрезъ Сырь.
Перешли мы на курганъ ¹⁾;
Къ бою Шкушъ ²⁾ построилъ насъ,—
И проклятымъ басурманамъ
Тутъ пробилъ злой казни часъ!
На поклонъ мы имъ послали
Прежде ядеръ и гранатъ;
Вслѣдъ имъ пули засвистали
И посыпались какъ градъ!
Но оправились злодѣи
И, на первый нашъ привѣтъ,
Вмигъ, съ ближайшей батареи,
Намъ прислали свой отвѣтъ.
А межъ тѣмъ, надъ высотами,
Мигомъ рать ихъ собралась,
Зашумѣла знаменами,—
Съ гикомъ бросилась на насъ!
Всѣ ракеты имъ на встрѣчу
Бросилъ мѣтко Соколовъ ³⁾;
Харитоновъ же ⁴⁾ картечью
Осадилъ напоръ враговъ!
Долго длилась перестрѣлка,
Отдыхалъ граненный штыкъ...
„Къ чорту, глупая бездѣлка!“
Молвилъ Шкушъ, — лихой старикъ:

¹⁾ Конусообразная возвышенность.

²⁾ Маіоръ 4-го Оренбургскаго линейнаго баталіона.

³⁾ Поручикъ артиллеріи.

⁴⁾ Сотникъ Оренбургской казачьей артиллеріи.

„Ну, впередъ, въ штыки, ребята!“
Громко грянулъ барабанъ:
Осѣнясь крестомъ трикраты,
Мы пошли на басурманъ!
Молодцеи мы сразились:
Билъ одинъ десятерыхъ!
Хоть коканцы стойко бились,—
Наконецъ мы сбили ихъ!
Робко дрогнули, собаки,
Стоять больше не могли:
Замѣшались, съ поля драки
Въ безпорядкѣ побѣгли!
Послѣ сытнаго обѣда
И десертъ на славу былъ:
Не забыли дать отвѣдать
Пикъ и шашекъ врагамъ въ тылъ!
Отъ руки кто палъ татарской,
Наградить того самъ Богъ!
Намъ же крестъ—подарокъ Царскій—
Побѣдъ будущихъ залогъ!!!¹⁾.

(Урядникъ Андрей Ивановичъ Чапкаевъ).

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ собою о жаркомъ дѣлѣ маленькой частицы войскъ изъ состава гарнизона форта Перовскаго, подъ начальствомъ коменданта этого форта, полковника Огарева, противъ двѣнадцати-тысячнаго отряда коканцевъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія русскими войсками коканской крѣпости Акл-Мечети, отрядъ этотъ, подъ предводительствомъ Сужебка и Касыма, окружилъ фортъ Перовскій и держалъ гарнизонъ его въ осадѣ съ 14 по 18 декабря 1853 года. Въ ночь на 18 декабря, гарнизонъ форта выступилъ изъ крѣпости и, совершенно неожиданно для коканцевъ, атаковалъ ихъ. Тутъ-то и произошелъ кровопролитный бой, заставившій коканцевъ потерпѣть совершенное пораженіе: непріятель, оставляя въ рукахъ русскихъ весь свой лагерь, а также огнестрѣльные орудія, порохъ и большой запасъ разныхъ продовольственныхъ продуктовъ, принужденъ былъ спастись бѣгствомъ вверхъ по рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Въ дѣлѣ этомъ принимали живое участіе двѣ сотни Уральскаго войска, подъ общимъ начальствомъ есаула Михаила Гурьяновича Шапова, получившаго въ этомъ дѣлѣ двѣнадцать сабельныхъ ранъ. Сотни эти располагались такъ: на правомъ крылѣ боевой линіи помѣщалась сотня есаула Шапова, а на лѣвомъ — сотня есаула Василя Ивановича Михайлова. Участникъ этого дѣла говоритъ,

20.

Изъ Джулека выступали
Мы скакали долобой ¹⁾:
Путь-дороженьку не знали, —
Намъ попалася троца.
До аула мы добѣгали,
Розыскали тамъ слѣды, —
Вдругъ на лагерь выбѣгали
Рано утромъ на зарѣ.
Всѣ коканцы крѣпко спали
И не ждали тутъ какъ насъ.
Мы, построивъ быстро лаву,
Стремглавъ бросились на нихъ.
Безъ пощады тутъ рубили
Всѣхъ коканцевъ на поваль;
И досталось тутъ работы
Всѣмъ: коню и казаку.
Уложивши басурмановъ
Всѣхъ въ могилу крѣпко спать,
И съ побѣдою вернулись
Въ свой Джулекъ обратно мы.
(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

21.

Какъ во крѣпости Джулекѣ
Утромъ рано, на зарѣ,
Всѣ войска въ строю стояли
Во пріятной тишинѣ.
Генераль Дебу выходилъ, —
Насъ съ походомъ поздравлялъ:
Въ поле чистое, къ коканцамъ,

что Уральцы рубили непріятеля, какъ барановъ, а потомъ, когда онъ былъ разбитъ, преслѣдовали его по пятамъ на нѣсколько верстъ.

¹⁾ Тропинка.

Насъ на бой спѣшилъ скорѣй.
Мы какъ скоро доходили,
Становились тотъ же часъ.
Генераль Дебу тутъ узрѣлъ
Въ полѣ партію коканцевъ.
Приказъ отдалъ есаулу
И уральскимъ казакамъ —
Скрытно берегомъ пробраться
И ударить въ тылъ врагу.
Есауль Буренинъ (старшій)
Онъ исполнить былъ готовъ;
И съ своими казаками
Скоро въ тылъ врага попалъ.
Тутъ, построившись мы фронтомъ,
Шашки вонъ... и на врага ¹⁾!..

.
(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

22.

Пѣсня лейбъ-гвардіи Уральскаго дивизіона.

Слишкомъ мѣсяць простояй,—
Ожидали англичанъ;
И душевно все желали,
Чтобъ на берегъ вышелъ онъ.
Не дождались, и довольно
Въ Балтичъ-портѣ намъ стоятъ:
У насъ есть ужъ повелѣнье,
Чтобъ идти въ Питеръ опять.
Мы туда пойдемъ съ восторгомъ,
Только счастье у насъ въ томъ:
Съ генераломъ-отцомъ, Бергомъ,
Задать перцу морякамъ.

¹⁾ Пѣсня эта составлена казаками по случаю боя двухъ Уральскихъ казачьихъ сотенъ, въ 1853 году, на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, противъ скопища коканскихъ войскъ, подъ начальствомъ есаула Буренина І.

Ой-вы, ой-вы, англичане,
Вы французы-кунаки!
Не исполнить вамъ желанье—
Къ русскимъ на берегъ взойдти.
Гдѣ вамъ съ русскими сражаться
По приморскимъ городамъ!
Генераль вамъ Бергъ докажетъ,
Какъ съ русскими воевать.
Онъ не первый разъ докажетъ,
Что Россія — наша мать;
Генераль вамъ Бергъ докажетъ
Удалъ славныхъ казаковъ ¹⁾.

(Сообщилъ урядникъ Луппъ Бирюковъ).

23.

Командиръ съ нами былъ Сладковъ,
Онъ командовалъ полкомъ.
Хотя крѣпко былъ онъ боленъ,
Но желалъ съ нами въ походъ...
Кровь кипитъ и сердце бьется,
Слѣзы катятся изъ глазъ...
Мы повсюду съ нимъ готовы,
Куда Богъ-бы ни привелъ,
И сердечно всѣ желаемъ,
Чтобъ сразиться со врагомъ...
Черезъ Днѣпръ мы переходили,
Занимали тамъ посты...
Вдругъ не радостныя вѣсти
Разнесли у насъ въ полку!
Померъ, померъ нашъ полковникъ,
Покровитель казакамъ.
И пошли мы рыть могилу

¹⁾ Пѣсня эта относится къ Крымской войнѣ 1853—1856 годовъ, во время которой лейбъ-гвардіи Уральскій казачій дивизионъ, подъ начальствомъ полковника Меркулева, находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ берега Эстляндіи.

Командиру своему....

Изъ ружей дали мы три залпа
Въ честь командира-молодца...
Оплакавъ мѣсто погребенья,
Сказали: „вѣрно быть тому“,
И марь насыпали высокій
Мы тамъ любимцу своему¹⁾.

(Сообщилъ казакъ Фаддей Ивлевъ).

24.

Долго-ль, долго-ль намъ, безъ дѣла,
Дармоѣдами здѣсь жить?!..
Праздность, право, надоѣла,
Время-бъ, братцы, послужить.
И зачѣмъ же тумаками
Мы стоимъ почти здѣсь годъ?
Да, съ проелятыми хохлами
Жить ужь силъ не достаетъ:
Понатерпишься здѣсь муки,
Однимъ словомъ, ни за грошъ;
Или съ голоду, иль со скуки,
Какъ собака пропадешь.
Нѣтъ ни воли, нѣтъ ни ходу,
Нечѣмъ души отвести;
Что лишь вздумай, кричать: шкода!²⁾
Грозятъ ябеду³⁾ сплести.
Поросеночкомъ, иль качкой⁴⁾.

¹⁾ Въ пѣснѣ этой казаки воспѣваютъ любимаго своего командира, войскового старшину Александра Яковлевича Сладкова, находившагося во время польскаго мятежа 1863—1864 гг., со вѣрненнымъ ему № 2-мъ казачьимъ полкомъ, на западной границѣ Россіи, т.-е. въ болгарской колоніи „Комратъ“ (въ Бессарабіи, близъ Кишенева), гдѣ онъ и умеръ весною 1865 года.

²⁾ Малороссійское слово: „скандалъ“.

³⁾ Жалобу.

⁴⁾ Уткой.

Поживиться, братъ, шалишь!
Мамалыгой ¹⁾ лишь ротъ пачкай,
Да хлебай одинъ булишь ²⁾;
А веселыя фасоли ³⁾
И провлятый этотъ борщъ
На губахъ набилъ мозоли
И промылъ бока на севозъ.
Голь, въ карманѣ ни полушки;
Какъ приходишь съ расходомъ свестъ —
Выпить не на что косушки,
А не то, чтобъ въ кралямъ снести.
Нѣтъ, не къ рожѣ намъ здѣсь, даромъ,
Жить, удалымъ молодцамъ.
Вотъ бы въ туркамъ, иль ципарамъ ⁴⁾,
Иль къ проклятымъ полякамъ!
Гдѣ-бы было можно въ полѣ
Молодцамъ погарцевать,
Потузить враговъ и вволю
На ихъ счетъ повоштовать.
То есть съ польбой, иль ципаркой,
За компанство, ну какъ быть,
По старинному, за чарьей,
Годы прошлые забыть ⁵⁾.

(Урядникъ Андрей Чапкаевъ).

25.

Ну, товарищи, мы встанемъ
Всѣ въ кружокъ и про свое
Теперь, кстати, вспомняемъ
Распровлятое житье.

¹⁾ Кукурузой.

²⁾ Кашица.

³⁾ Вареные бобы.

⁴⁾ Австрійцы.

⁵⁾ Имя эта напоминаетъ собою о мирной стоянкѣ Уральскаго казачьяго № 2 полка въ 1863—1865 гг., подъ начальствомъ войскового старшины Сладкова, въ сѣлахъ Бобринѣ и Синевѣ, Херсонской губерніи.

Какъ-то намъ на Кучурганѣ
Привелось зимовать:
Жить въ поганомъ балаганѣ
И отъ холоду дрожать.
А желѣзная дорога
И проклятыхъ ссыльныхъ сбродъ ¹⁾
Ужъ куда какъ много, много
Намъ надѣлали хлопотъ.
Мы съ зарей коней сѣдлали:
День—въ развѣздѣ, а въ ночи
На линейку ²⁾ высылали
Эту сволочь стереги.
Однимъ словомъ, безъ порядка,
Помыкали каждый часъ,
Да, вдобавокъ, лихорадка
Доганала совсѣмъ насъ.
И такъ сильно между нами
Развилася эта боль,
Такъ, что цѣлыми возами
Насъ возили въ Тирасполь ³⁾.
А лошадушки постились:
День—безъ сѣна и овса;
Астрономіи учились
Ночью, глядя въ небеса.
Мудрено-ль, когда за сѣно
Интендантство всегда намъ
Уморительныя цѣны
Высылало по третямъ.
Ну, да къ чорту съ Кучурганомъ
И съ проклятымъ тамъ житьемъ:
Лучше полнымъ мы стаканомъ
Горе прошлое запьемъ! ⁴⁾.
(Урядникъ Андрей Чапцаевъ).

¹⁾ Арестантскія роты.

²⁾ Полотно желѣзной дороги.

³⁾ Узданный городъ.

⁴⁾ Пѣсня эта сообщаетъ о стояннѣ Уральскаго казачьяго № 2 полка, въ 1865 году, при устройствѣ полотна Одессо-Порганской желѣзной дороги, чрезъ долину Кучукъ-Ханъ (Кучурганъ).

Шашка:

Не грусти, моя родная,
Въ черныхъ, траурныхъ ножахъ:
Скоро, искрами сверкая,
Заиграешь ты въ рукахъ.
Тамъ, за темной синей далью,
Есть старинные враги;
Не скучай же ты печалью,
Жди, надѣйся и терпи!
И когда, мгновенно, грянетъ
Грохотъ пушки боевой, —
Православный Царь возстанетъ
Гнѣвомъ праведнымъ, грозой.
Послужи ему, родная,
И по вражьимъ головамъ
Ты скачи, крутясь, сверкая,
Въ честь прошедшимъ временамъ.
За Царя, за Русь, за вѣру
Силой вѣрной послужи
И, по старому примѣру,
Дерзкихъ грозно накажи.
Серебромъ тогда и златомъ
Я украсу рукоять;
И, красуясь ты златомъ,
Будешь ярко такъ сверкать!
А теперь пока, родная,
Спи, покойся, отдыхай!
И, о будущемъ мечтая,
Славной брани ожидай! ¹⁾

¹⁾ Пѣсня эта, не будучи прозвѣдѣніемъ Уральцевъ, весьма сильно распространена между ними и всегда поется во всякой задушевной компаніи, а въ особенности въ строевыхъ частяхъ, вслѣдствіе чего и помѣщается въ настоящей „Сборникъ“.

Винтовка.

Ты, винтовка, другъ мой вѣрный,
Кто служить съ тобой не радъ!
И тобой гордится смѣло
Царя русскаго казаекъ.
Ты наружностью красива,
Насъ прославила собой,
Ты намъ славу подарила
Превосходною стрѣльбой.
Наведу я твою мушку
Въ отдаленный бѣлый щитъ:
Пуля съ визгомъ отскочила;
Смотрять: кругъ уже пробить.
Дамъ я выстрѣль, другой, третій —
Дѣло къ лучшему идетъ:
Офицеръ сейчасъ отмѣтитъ
И домой меня пошлетъ.
Взявъ винтовку, шагомъ вѣрнымъ
Путь въ палату я держалъ;
Усь курчавый, глазъ чернявый,—
Самъ съ собою разсуждалъ:
Какъ приду съ тобой на мѣсто,
Разберу, мой другъ, тебя,
И прозрачною водою
Смою чисто, до бѣла.
Не грусти-жь, моя родная,
Въ черномъ, траурномъ чехлѣ:
Завтра-жь, съ утренней зарею,
Со мной будешь на стрѣльбѣ¹⁾.

¹⁾ Пѣсня эта, также какъ и предыдущая, не есть произведение Уральцевъ, и если только попала въ настоящій „Сборникъ“, такъ это потому, что Уральцы очень ее любятъ и готовы пѣть во всякой задушевной компаніи, а въ особенности въ строевыхъ своихъ частяхъ.

**Переходъ казановъ чрезъ киргизскую степь въ Уильское
укрѣпленіе въ 1869 году.**

(Поется на мотивъ „Было дѣло подѣ Полтавой“).

Мы съ фонъ-Штемпелемъ барономъ
Переступили за Уралъ,
Транспортъ царскій наложили;
Походъ трудный намъ насталь.
И, завьючивши верблюдовъ
Мѣшками крупъ и сухарей,
Мы пошли пугать киргизовъ
Точно дикіихъ звѣрей!
Мы киргизовъ не боимся,
Въ бой на нихъ идемъ всегда;
Если-жъ съ ними мы сразимся,
То ужъ, вѣрно, имъ бѣда!
Труды, холодъ, непогоду
Переносимъ, хоть съ трудомъ
Пьемъ соленую мы воду...
Шалить солнце, какъ огнемъ!
До костей-то насъ промочить
Сильный дождикъ съ облаковъ;
Ураганъ пескомъ заносить
Насъ, удалыхъ казаковъ!
Царю, отечеству мы служимъ,
Исполняемъ святой долгъ...
Въ лѣто цѣлое исходимъ
Степь мы вдоль и поперекъ.
Куда ни взглянешь, все курганы
(Дикая степь бѣдна водой),
Повсюду лишь холмы песчаны
Съ какою-нибудь на нихъ абой¹⁾.
Шли мы, братцы, на Уиль,

¹⁾ Могилы.

Сколько было нашихъ силъ:
Вдругъ летятъ барангачи
На насъ, какъ туча саранчи!
Окруживъ живой волной,
Не пускали за водой
Насъ въ володцамъ... съ горяча
Мы рубили ихъ съ плеча!
День да ночь мы тутъ не спали
И въ киргизовъ мы стрѣляли —
И вололись и дрались...
До володцевъ добрались!
(Записана со словъ урядника Кудряшева).

29.

Во хивинской во долинь,
Гдѣ течетъ рѣчка Дарья, —
По хивинскимъ предѣламъ
Намъ пришлось пройти теперь.
Греми слава трубой,
Мы дралися за Дарьей,
По садамъ вашимъ хивинскимъ
Разнеслось слово объ насъ!
Тамъ давно путь проложенный
По безводнымъ полямъ;
И гдѣ предки наши были,
Вы теперь прошли тамъ.
Греми слава трубой и проч.
Генераль нашъ фонъ-Кауфманъ,
Онъ явился за Дарьей,
По пескамъ тамъ, по сыпучимъ,
Проводилъ онъ русский строй.
Греми слава трубой и проч.
Казакъ тамъ спустился
Съ непріятельскихъ барханъ;
Артиллерія палила,
Очищая путь впередъ.
Греми слава трубой и проч.

Лѣса дымомъ покрывались
Отъ пылающихъ свирдовъ;
И хивинцы всё липались
Въ копны сложенныхъ хлѣбовъ.

Греми слава трубой и проч.
За Кунградомъ — чащи лѣса
Наполнены татарвой;
Завязался бой жестокий
Съ непокорною ордой.

Греми слава трубой и проч.
Ура! кинулись уральцы,
Не бояся пухъ дождя:
Подалися чалмоносцы,
Убѣжали въ даль лѣсовъ.

Греми слава трубой и проч.
Шашекъ лезвія крутыя
Притупились отъ штыковъ ¹⁾;
И наѣздники лихіе
Сквозь валялись безъ головъ.

Греми слава трубой и проч.
По пустому и безъ толку
Ханъ хивинцевъ вооружилъ;
А самъ, видя неустойку,
Отъ нихъ лыжи наостриль.

Греми слава трубой и проч.
Сколько времени бунтуютъ?!
Добрались мы до нихъ —
И хивинцы волкомъ были
И вляли бековъ своихъ.

Греми слава трубой и проч.
Вдругъ толпою и пѣшками
Прямо бросились къ Хивѣ;

¹⁾ Три Уральскія казачьи сотни, участвовавшія въ хивинскомъ походѣ въ 1873 году, въ составѣ Оренбургскаго отряда, были вооружены семи-линейными (драгунскими) ружьями, со штыками. Въ конномъ строю штыки отмыкались и вкладывались въ особыя ножны, прикрѣпленныя къ шашкѣ на пояскомъ ремнѣ.

Бѣгутъ съ бритыми башками
Всѣ хивинскіе муллы.

Греми слава трубой и проч.
Стойте! Хотите мириться?
Мы вамъ мѣсто отведемъ:
И на Эмбѣ поселиться
На арканахъ поведемъ!

Греми слава трубой и проч.
Всѣ хивинцы согласились:
Имъ страшна голодна степь.
А мы славою поврылись,
Стали громко пѣсни пѣть.

Греми слава трубой и проч.¹⁾

(Сообщилъ урядникъ Стахѣй Подлипалинъ).

30.

Уральцы въ турецкой войнѣ 1877—1878 гг.

Въ битвахъ крѣпко закаленны
И лихіе моряки,
Своимъ жребіемъ довольны
Мы, уральцы-казаки.
На Уралѣ мы родились.
Свыклись въ веслахъ управлять,
А на Каспіи учились
По его волнамъ гулять.
Намъ не первый разъ, ребята,
На Дунай-рѣкѣ бывать;
Ея быстрое теченье

¹⁾ Пѣсня эта есть подражаніе пѣснѣ, помѣщенной въ „Сборникѣ русскихъ боевыхъ пѣсней“, К. Вульфа, изд. 1870 года, стр. 3, начинающейся словами:

„Ахметъ-горское ущелье,
Гдѣ течетъ рѣчка Лаба“ и проч.

Въ шаткихъ лодкахъ переплывать ¹⁾.
Турки грозные хотѣли
Путь къ Балканамъ преградить:
Крѣпко бились, не давали.
Дунай быстрый переплыть.
Но въ расчетахъ прогадали
Мусульмане-дураки:
Они этого не знали,
Что плывутъ къ нимъ казаки.
Нашъ челнокъ простой работы,
Не крылатая ладья:
Проплываемъ безъ заботы
Мы въ немъ рѣки и моря.
Такъ къ подножію Балкана,
Черезъ широкій путь рѣки,
Предъ глазами басурмана
Переплыли казаки.
А потомъ и на Балканахъ
Намъ пришлось побывать,
Гдѣ сражались басурманы
И теряли свою рать.
Вспомнимъ схватку въ Казанлыкѣ,
Гдѣ дрался нашъ командиръ;
Гдѣ его отъ вражьей пики
Спасти вахмистръ ускорилъ ²⁾.
А подъ Шипкой, стройно, лавой

¹⁾ По рассказамъ Уральскихъ офицеровъ и казаковъ, бывавшихъ въ С.-Петербургѣ, во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, тамъ помѣщается большая картина, изображающая лихую переправу Уральскихъ казаковъ черезъ Дунай въ войну 1877—1878 гг.

²⁾ Въ жаркомъ дѣлѣ подъ Казанлыкомъ, командиръ Уральской сотни, войсковой старшина Е. Я. Кириловъ, какимъ-то образомъ очутился одинъ, безъ лошади, между турецкими черкессами, которые изрубили-бы его въ куски, еслибы судьба не подслала ему на помощь вахмистра его сотни, Раннева; урядникъ этотъ, верхомъ на лошади, проскакивая мимо Кирилова, закричалъ ему: „Ваше Высокоблагородіе, хватайтесь за стремя!“ Кириловъ быстро ухватился за стремя лошади Раннева и былъ вынесенъ ею въ карьеръ изъ непріятельскихъ рядовъ.

Мы врубилась въ вражій станъ:
Туть геройскою отвагой
Пораженъ былъ Сулейманъ.
Подвигъ былъ, ребята, славенъ,
Стычка грозная была.
Храбро бился нашъ Любавинъ ¹⁾,
Впереди кричалъ „ура!“
Но не всѣхъ тамъ насъ спасала
Пуля грозная враговъ,
И, злодѣйка, поражала,
Не жалѣя, казаковъ.
Таеъ свою, родную, доблесть
Занесли мы въ край Балканъ.
Не забудеть нашу стойкость
Турокъ, дерзкій басурманъ ²⁾.

(В. А. Чалусовъ).

31.

Битва при Геокъ-Тепе въ 1881 году.

(Поется на мотивъ: „Въ степи широкой, подъ Иканомъ“).

Невольно помнятся походы
Въ степной, текинскій оазисъ;
Пустыни мрачной переходы,
Гдѣ мы съ текинцами дрались.
Отрядъ нашъ шель, изъ Самарканда,

¹⁾ Сотникъ Г. П. Любавинъ, старшій субалтернъ-офицеръ Уральской сотни, находившейся въ дѣйствующей арміи, какъ одинъ изъ храбрыхъ офицеровъ, очутился въ рядахъ турокъ, гдѣ, обороняясь нѣсколько времени шашкою отъ окружавшихъ его турецкихъ червезъ, продержался до прибытія къ нему на выручку казаковъ этой сотни (см. романъ „Гроза“ Немировича-Данченко).

²⁾ За отличіе въ этой войнѣ, сотнѣ Кирилова пожалованы значки на головной уборъ, изображающіе ленту, съ надписью: „За Турецкую войну 1877—1878 гг.“. Высокую награду эту въ настоящее время носятъ всѣ чины 1-й сотни Уральского казачьяго № 1-го полка.

Въ безводный путь, на Учъ-Учакъ¹⁾);
Теряль грозу отъ урагана²⁾,
Барханы видяль каждый шагъ.
Между пустынь необозримыхъ
Течеть рѣка Аму-Дарья:
Въ своихъ водахъ, лугахъ, долинахъ,
Отряду роздыхъ воздала.
Ея прозрачну, быстру воду
Не долго пить пришлось въ рѣкѣ:
По ней мы первы взяли броду,
Направивъ путь къ Ахаль-Теке.
Отъ Шахъ-Сенема до Арта-Кюю³⁾,
Отъ Арта-Кюю до Игды,
Своею поступью лихою
Мы шли версты триста безъ воды.
Итакъ, безводный путь, пустынный,
Въ степи отрядъ не задержалъ.
Предсталъ предъ нами холмъ текинскій⁴⁾);
Собой онъ крѣпость украсалъ.
Почти что съ мѣсяць мы возились
Съ врагомъ надменнымъ, гордымъ, злымъ:
И день, и ночь въ траншеяхъ рылись,
Пущали пули, ядра къ нимъ.
Но какъ измѣрить ровъ глубокой
И какъ подъ стѣну подползти?
Со стѣнки крѣпости высокой
Глаза текинцамъ отвести?
На этотъ подвигъ не безстрашный
Нашлись двое храбрецовъ:⁵⁾

¹⁾ Учъ-Учакъ — Бухарская крѣпость на правомъ берегу рѣки Аму-Дарьи.

²⁾ По переходѣ песковъ Адамъ-Кирилгана, отрядъ нѣкоторое время находился подъ сильнымъ песчанымъ ураганомъ.

³⁾ Переходы отъ Аму-Дарьи въ Текинскій оазисъ.

⁴⁾ Холмъ текинскій находится среди крѣпости Геокъ-Тепе. При штурмѣ этой крѣпости, текинцы побѣжали защищать этотъ холмъ, чтобы умереть на немъ, какъ на священной твердыни.

⁵⁾ Съ ними былъ еще третій смѣльчакъ — унтеръ-офицеръ 13 Туркестанскаго линейнаго баталіона — Константиновъ.

Кунаковсковъ — нашъ сотникъ славный —
И съ нимъ казакъ былъ Тетиковъ ¹⁾.
Снаряды сильны заложили,
Когда пришлось все распознать;
Войсками крѣпость обложили,
Чтобъ ловко было штурмовать.
Земля подъ нами затряслася,
Ударилъ дружно барабанъ:
Твердыня крѣпости взвилася,
Собой давила мусульманъ.
„Ура!“ мы дружно закричали,
И хоръ къ атакѣ заигралъ:
Колонны съ гимномъ побѣжали,
Тѣснились, лѣзли на обвалъ.
Въ рядахъ колоннъ непобѣдимыхъ
Уральскихъ сотня казаковъ,
Имѣя храбрыхъ командировъ,
Пошла на приступъ черезъ ровъ.
Въ главѣ Кунаковсковъ со взводомъ,
Вбѣжавшій первымъ на обвалъ.
Лихой нашъ сотникъ слылъ героемъ;
(Убить, бѣдняга, на повалъ).
На крѣпость быстро мы вбѣжали...
Геройски велъ насъ Бородинъ.
Тутъ наши пашки заблестали:
„Руби!“ кричалъ намъ командиръ.
Текинцы дрогнули предъ нами, —
Бѣгли къ священному холму;
И мы своими знаменами
Смѣнили ихнюю луну.
Изъ сотни нашей съ честью пали
Числомъ съ двѣнадцать храбрецовъ;
И путь къ побѣдамъ показали,
Идя въ могилу праотцовъ.
Мы тамъ героевъ схоронили,

¹⁾ Житель Бородинской станицы, убитъ 12 января, при штурмѣ Георгъ-Теле.

Спустивъ тѣла въ траншейный валъ.
Прощаясь съ ними, говорили:
„Вамъ не вернуться на Уралъ“¹⁾.
(В. А. Чалусовъ).

32.

Не туманъ съ моря поднялся,
Три дня сряду дождикъ лиль.
Генераль Скобелевъ собирался
Въ Ахаль-Теве воевать.
День и ночь мы шли въ походѣ
По пескамъ и по пустынѣ.
Притуманились у всѣхъ глаза;
Генераль Скобелевъ подбѣзжалъ,
Слово ласково сказалъ:
— „Вы здорово, мои братцы,
Вы здорово, казаки;
Не робѣйте вы, Уралы,
Вся Азія знаетъ насъ:
Знають турки и бухарцы,
И хивинцы-дурави...
Пусть узнають и тебинцы
Какъ остры пашки у васъ!“
Всѣ „ура“ мы прокричали
И шли смѣло все впередъ.
Всѣ пески мы въ непогоду,
Припѣваючи, прошли.
Тамъ, гдѣ птицы не летаютъ,
Проходили тѣ мѣста;

¹⁾ 12 января 1881 года, при штурмѣ крѣпости Геокъ-Тепе, изъ состава Уральскаго казачьяго № 2 полка участвовала одна 5-я сотня, подъ начальствомъ войскового старшины Г. О. Бородина. За отличіе въ дѣлѣ, сотнѣ этой пожалованы значки на головной уборѣ, съ надписью: „За штурмъ крѣпости Геокъ-Тепе 12 января 1881 года“. Въ настоящее время значки эти носятъ всѣ чины 1-й сотни Уральскаго казачьяго № 3-го полка.

Тамъ песокъ, какъ море плещеть,
Вьеть съ бархана на барханъ...
Тепе ядрами покрыли,
Захватили всѣ мѣста.
Генераль Скобелевъ далъ свободу
Трое сутокъ въ Геокъ-Тепе погулять.
Мы гуляли три денечка,
Про то знаютъ небеса;
Заплакали текинскія жены,
Зарыдала вся невѣрная орда.
Какъ походъ нашъ сей суровый
Будутъ помнить долго всѣ.
Вотъ и царь прислалъ „спасибо“
И медаль на память всѣмъ.
Долго помнить будемъ Каспій,
Какъ Гуляевъ насъ водилъ;
И какъ шапшами рубились
На стѣнахъ Геокъ-Тепе.

(Сообщилъ участникъ боя при Геокъ-Тепе, урядникъ Федоръ Бѣляевъ).

33.

Число настало роковое —
Проститься съ родиной велать...
И вотъ, забилось ретивое:
„Прощай“ родные говорятъ.
Пора настала разставаться,
Покинуть кровъ — отцовскій домъ...
И поцѣлуемъ помѣняться,
Стать на колѣни предъ отцемъ.
Отецъ, покрытый сѣдиною,
Молитву теплую творить;
И, зная службу боевую,
Старикъ тутъ сыну говоритъ:
— „Простись съ дѣтьми, съ женой младою,
Простись, быть можетъ, навсегда;
Простись съ старушкою больною:

Богъ-вѣсть увидишься когда".
И вотъ, минута наступила:
Паромъ у берега стоитъ;
Тутъ грусть, тоска всѣхъ охватила.
„Садись!“ начальникъ говоритъ.
И сѣли, братцы, перекрестившись,
Помчались по Уралу внизъ,
Съ своей роднею распростившись,
Въ страну безводія „киргизъ“.
На берегу же слышны стоны,
Рыданья женъ и матерей;
Всѣ члены горестію полны...
Забуть любимыхъ сыновей!..¹⁾

(„Казачій Вѣстникъ“ 1886 года, № 40).

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ намъ проводы изъ Уральска въ Хиву казаковъ № 3-го уральскаго полка. Полкъ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ двинутъ въ Аму-Дарьинскій край 25 апрѣля 1885 года

ОТДѢЛЪ V.

УДАЛЫЯ ПѢСНИ.

1.

Хороша наша станица, только улица грязна,
Хороши наши ребята, только славушка худа.

Это правда, это правда, это правда все была!
Только славушка худа, не пускаютъ никуда:
Величаютъ насъ ворами, да разбойниками.

Это правда, это правда, это правда все была!
Мы не воры, мы не плуты, не разбойники,
Мы уральскіе казаки-рыболовщички.

Это правда, это правда, это правда все была!
Ужь мы рыбушку ловили по сухимъ берегамъ,
По сухимъ берегамъ,—по амбарамъ, по клѣтямъ.

Это правда, это правда, это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ казакамъ.
Выбираилъ насъ хозяинъ, что ни лучшихъ молодцовъ.

Это правда, это правда, это правда все была!
Посылайлъ насъ хозяинъ по базару все гулять.
По базару мы гуляли, невода мы закупали.

Это правда, это правда, это правда все была!
Ужь такіе невода, что ременны повода.
Запускали невода подъ богатые дома.

Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы тамъ щуекъ, изъ которыхъ шубы шьютъ,
Наловили мы бѣлушенекъ — калачикомъ рожки.

Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы севрюженекъ — подвязаны хвосты.
У дѣдушки Петра мы поймали осетра,

Это правда, это правда, это правда все была!

Ужь такого осетра, что гнѣдого жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.

Это правда, это правда, это правда все была!
Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.

Это правда, это правда, это правда все была!
Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно,
Только денежкамъ не водъ.

Мы' въ парашнички наймемся —
Намъ пойдетъ большой доходъ.

Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ пойдетъ доходъ калашный —
Только брюхо распускай.
Отойдетъ доходъ калашный —
Только спину подставляй.

Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ завалить разъ пятнадцать,
Такъ запляшешь казачка.
Заревешь, словно теленокъ,
Пуще спассеаго дьячка.

Это правда, это правда, это правда все была!
Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетью,
Съ молодецкою хваткой пожимается плечьями.

Это правда, это правда, это правда все была!
Хоша били насъ всѣхъ больно, гуляли за-то довольно.
Хоша спинушка бита, дѣвченычка нажита.

Это правда, это правда, это правда все была! ¹⁾
(Изъ очерка „Бытъ уральскихъ казаковъ“, соч. I. И. Желѣнова, 1858 г.
ч. I, стр. 56—57).

2.

Казынька.

Казынька-казачекъ,
Казакъ миленькій дружокъ...

¹⁾ Эта пѣсня поется подъ аккомпаниментъ балаалайки. Она не есть произведение Уральцевъ, а занесена ими на Яикъ изъ Москвы, гдѣ они находились на службѣ съ 1818 по 1862 годъ.

Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила,
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки...
Дѣлай!!!¹⁾. . . .

(Изъ очерка: „Быть уральскихъ казаковъ“, соч. І. И. Желѣзнова, ч. І,
стр. 55, изд. 1858 г.).

3.

Полянка²⁾.

(Поется на мотивъ: „Барынька“).

Полянка, полянка,
Дѣвченка моя,
Да и гдѣ же ты, поляночка, погуливала?!..
Не видать, не слыхать,
Да ничуть про нее!
Взговорила, взволновалась поляночка во селѣ.
Заразъ очутилась
У дѣвушки на дворѣ.
Всѣ дѣвушки глядятъ, всѣ молодушки смотрятъ;
Не дивуйтесь-ка, сестрицы,
На мое веселье:
Не одна я пришла, со милымъ дружкоймъ;
Со миленькимъ дружочкомъ,
Все забавничкомъ.
Вы запойте-ка, сестрицы, вы запойте казачка,
Того казачка,
Все забавничка.
Казакъ, казачекъ, казакъ миленькій дружокъ, —

¹⁾ Подъ эту пѣсню, поющуюся всегда при игрѣ на бандурѣ, казачата отплясываютъ „казачка“.

²⁾ Искаженное слово „паненка“.

Ему скачуть, ему пляшуть
И его веселятъ.
Прощай, милая коханца, прощай, лапушка моя:
Бду въ дальніе края,
Покидаю я тебя;
Прощай, мой свѣтъ, мнѣ милѣе тебя нѣтъ!..
Раздушечка-казагъ,
Поживи у меня,
У меня въ терему, съ моей дочерью:
— „Разукинъ сынъ, казагъ,
Со двора тебя сгоню!“
— „Я и самъ сойду — три бѣды сведу:
Какъ первую бѣду —
Пару коней уведу;
А вторую бѣду — твою дочь увезу;
А третью бѣду —
Самое тѣ увезу!“

(„Уральскія войсковыя вѣдомости, № 5-й, 1871 г.).

4.

Общая казачья.

Посѣю лебеду на берегу (2),
Свою крупную рассадушку,
Мою крупную, зеленую!
Пригорѣла лебеда безъ воды (2),
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная, зеленая!
Пошлю казака по воду (2),
Ни воды нѣтъ, ни казаченьки,
Ни воды нѣтъ, ни молодчика!
Кабы мнѣ, молодой, ворона коня (2),
Я бы вольная казачка была,
Я бы вѣрная уральская!
Сказала, плясала по лугамъ (2),
По зеленымъ дубровушкамъ,

По зеленымъ, душистымъ.
Со уральскимъ, молодымъ казакомъ (2),
Съ разудалымъ, добрымъ молодцемъ,
Съ разудалымъ молодчикомъ!

(Сообщилъ В. А. Чурьевъ).

5.

Какъ во новѣшнемъ во годѣ
Мы служили во походѣ.
Марья моя, вольный свѣтъ,
Мнѣ милѣе тебя нѣтъ!
Мы служили въ чистомъ полѣ,
Во великомъ, большомъ горѣ.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Притомились наши кони,
Мы ложились спать на сѣно.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Мы служили... наги, босы,
Позабыли всё фарфосы¹⁾.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Мы забыли мать, отца,
Нашей службѣ нѣтъ конца.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Позабыли женъ, дѣтей
И про нихъ намъ нѣтъ вѣстей.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Какъ приходитъ конецъ лѣту,
Намъ съ Урала вѣстей нѣту.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Однѣ вѣсти перепали,
У всѣхъ у насъ кони стали,
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Какъ мы начали тужить,
Что намъ горько пѣшимъ быть.
Марья моя, вольный свѣтъ и проч.

¹⁾ Т. е. „форпосты“.

Какъ Чулакъ-Султанъ мотокъ,
Аржанухинъ намъ помогъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Пріѣзжали въ намъ въ отрядъ,
Онъ поставилъ насъ всѣхъ въ рядъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Онъ поставилъ насъ всѣхъ въ рядъ,
Не дочелся сорокъ пять.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Не дочелся сорокъ пять,
Воротилъ отрядъ назадъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Воротитесь на Илекъ,
На Буранный на форпость.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
На Буранный на форпость,
Я спешу-де съ васъ допросъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Какъ отрядный вашъ ни глупъ,
Онъ пуцаилъ насъ не вдругъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Онъ пуцалъ по одному,
Не сказывалъ никому.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Подъ нимъ лошадь солова,
Пуста его голова.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Казакъ то распознали,
Всеё правду рассказали;

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Всеё правду показали,
Сиговатова связали.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Сиговатовъ-то казакъ
Больше всѣхъ онъ насъ и знать.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Потому онъ больше знать,
А онъ служить за-урядъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
А онъ служить за-урядъ,
Съ казаковъ деньги собирать.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Онъ денежки получать,
Казаковъ всѣхъ научать.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Кто хочетъ быть на рѣкѣ¹⁾,
Неси денежки въ ружь.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Сиговатовъ, казакъ-плутъ,
Онъ подвелъ насъ всѣхъ подъ кнутъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.
Мы получимъ себѣ кнутъ,
А онъ вѣчно будетъ плутъ.

Марья моя, вольный свѣтъ и проч.²⁾
(Съ рукописи I. И. Жегѣзова).

6.

Ахъ ты, хмѣлюшка, хмѣлекъ, что не развивался?
Гдѣ казакъ спалъ-ночевалъ, что не разувался?
Ночевалъ казакъ-казакъ у красной дѣвчѣнки.
„Жалобится дѣвченокча, что ты поздно ходишь,
Что ты, казакъ, поздно ходишь, дороженьку ломишь“.
— „Нехай ее жалобится, красная дѣвица“;
„Меня любить круглолицу, красную дѣвицу“.
— „Бросай, казакъ, ружье чистить, приходи до мене!“
„Я бы радъ приходилъ, боюсь человека:
Онъ поймаетъ, станеть бить, сбавить мово вѣка“.
— „Приходи ко мнѣ, казакъ, въ субботу на шабашъ.
А я свою старика пошлю по калину:
„Ступай, стара борода, калину ломати,

¹⁾ На Уралѣ.

²⁾ Пѣсня эта напоминаетъ о службѣ отдѣльных отрядовъ уральскихъ казаковъ въ киргизской степи, въ конвоѣ султана-правителя западной части орды.

А я свою казака прииму до хаты;
Прииму его до хаты, стану цѣловати“.
Цѣловала-миловала, за столикъ сажала.
Сидитъ казакъ за столомъ, горѣлочку ломить,
Молодая дѣвченокъ бѣлы руки моетъ;
Сидитъ казакъ за столомъ, усы завиваетъ,
Молодую дѣвченокъ въ сердцу прижимаетъ ¹⁾).

7.

Туркестанъ мы обложили
И Давлету предложили,
Чтобы онъ сдался! (2)
Но Давлетъ-мурза упрямый,
Онъ клялся передъ кораномъ
За свое стоять! (2)
Не хотѣлось имъ съ Хазретомъ
Разставаться нонче лѣтомъ:
Это ихъ святой! (2) ²⁾.
(Сообщилъ, безъ окончанія И. А. Бородинъ).

8.

Въ Туркестанѣ мы засѣли,
Изъ-за стѣнъ его глядѣли —
Нѣтъ ли гдѣ бою. (2)
На дворѣ зима стояла,

¹⁾ Пѣсня эта, не будучи произведеніемъ уральцевъ, очень распространена на Уралѣ. Казаки сильно любятъ ее и во всякой задушевной веселой компаніи, напримѣръ, на свадьбѣ, непременно поставятъ ее на ряду съ другими доморощенными пѣснями. Она занесена ими на Уралъ изъ Малороссіи, гдѣ они служили прежде.

²⁾ Пѣсня эта сложена про вятіе русскими войсками, въ 1864 году, кованскаго города Туркестана. Въ эту войну казаки участвовали подъ общимъ начальствомъ полковника Н. А. Веревкина, бывшаго впоследствии наказнымъ атаманомъ Уральского войска.

(Декабря было начало)
И свѣжій морозъ! (2)
Дали знать сюда Иганцы,
Что идутъ войска кобанцевъ —
Просто счету нѣтъ. (2)
Вдругъ приказано Строву
Засѣдлатъ коней готовыхъ,
На рысяхъ идти! (2),
Казаки его лихѣ
Взяли ружья нарѣзные,
Живо собрались! (2)
Дали намъ одну пушчѣнку,
Припрягли къ ней лошаде́нку —
На рысяхъ пошли! (2)
Наступилъ вечеръ, смеркалось,
И ночь темная спускалась;
Казаки летятъ! (2)
Подбѣгали близъ Ивана,
И въ дали, какъ будто въ станѣ,
Мелькнули огни. (2)
А чтобъ лучше все узнать,
Было сказано послать
Вожака впередъ. (2)
Но онъ только что отбѣхалъ,
Какъ разъѣздъ коканскій встрѣтилъ
И скорѣй назадъ! (2)
Сотня наша отступала,
А кобанцы окружали —
Просто счету нѣтъ! (2)
Но кому считать охота?
Казаки стали въ пѣхоту,
Сбатовавъ коней! (2)
Казаки были не трусы,
Покрутили себѣ усы
И всё на чеку! (2) ¹⁾
Но со всѣхъ сторонъ кобанцы

¹⁾ „На чеку“, значить „на-готовѣ“.

Близко лѣзутъ къ намъ, поганцы,
Кинулись въ упоръ! (2)
Закатили въ нихъ картечью:
Посшибали башки съ плечъ —
На поддачу пуль! (2)
Закричали, заревѣли,
И опять было налетѣли,
Да скусили грибъ! (2)
Видятъ жутко, салмофды;
Имъ хотѣлося побѣды,
Но не удалось! (2)
Отступили, отвалили,
Три орудья притащили —
И давай качать! (2)
Сильно ядра землю рвали,
Никого не задѣвали,
Только лошадей! (2)
Расторопный сынъ Урала —
Онъ подѣлалъ самъ завалы
Себѣ изъ мѣшковъ! (2)
Онъ сидитъ, мѣтко стрѣляетъ
И тайкомъ пули пускаетъ
Одну за другой. (2)
Жаль, колеса единорога
Поразсыпались немного;
Это не бѣда! (2)
Изъ подъ ящика съ зарядомъ
Живо сняли двое разомъ,
Начали вязать! (2)
Хоть колеса не вращались,
За-то наши натерпѣлись
На спинахъ таскать. (2)
Утромъ пятого молчали,
Зря заряды не теряли
И все берегли. (2)
Лишь кованцы не зѣвали,
Все стрѣляли, да стрѣляли
Въ поле, дураки. (2)

Время въ вечеру влонилось
И вдали пальба открылась:
Выручка намъ шла! (2)
Встрепенулись казаченьки.
И хотѣли, молодченьки,
Къ пушкамъ, на „ура“. (2)
Но пальба вдали вдругъ рѣже;
И пропала вся надежда:
Знать тому такъ быть! (2).
И пока такъ разсуждали,
Вдругъ коканца увидали
Съ запиской въ рукавъ! (2)
Пишетъ нашимъ Алимкуль,
Что „я вашихъ всѣхъ отдулъ
И прогналъ назадъ. (2)
Лучше сдайтесь, ребята,
Будетъ честно, будетъ свято,
Не обижу васъ; (2)
Вѣру вы мою примите
И скорѣй ко мнѣ идите,
А то горе вамъ“! (2)
Но въ отрядѣ не пугались,
Только думали; старались
Регента ¹⁾ свалить. (2)
Алимкула не свалили,
А коня подъ нимъ подбили,
Славный конь такой! (2).
Видятъ — плохо, не поддались,
Салмоѣды догадались,
И ну, лѣсъ возить! (2)
Они вздумали подкатомъ
Подойти поближе къ хватамъ —
Стали плестъ туры! (2)
Тутъ Сѣровъ сказалъ отряду,
Что получить тотъ награду,
Кто дастъ вѣсть своимъ. (2)

¹⁾ Алимкуль былъ регентомъ Коканскаго ханства.

Чтобы выручку послали
И зря сотню не теряли —
Такихъ молодцовъ! (2)
Два охотника явились,
Въ праву сторону пустились,
Съ ними былъ Ахметъ ¹⁾. (2)
Посказали удалые,
А козаны сторжевые
Кинулись на нихъ. (2)
Наши живо повернули...
Жаль, что такъ они наткнулись,
Дали знать въ отрядъ! (2)
Но въ отрядъ не дремали:
Тутъ же снова ихъ послали
Лѣвой стороной! (2)
А пальба не прекращалась
И гранаты выпускались,
Да все въ лошадей! (2)
Пули сыпались, какъ градомъ,
На позицію отряда,
Но Богъ все хранилъ! (2)
Наступилъ день Николая;
Наша сотня удалая
Вела переговоры! (2)
Дай-во время поубавимъ
И балясовъ поприбавимъ,
Можетъ проведемъ! (2)
А козаны догадались
И тотчасъ же постарались
Мантелеты въ ходъ! (2)
Подвятили ихъ къ отряду, —
Толкачевъ-казака, зарядомъ,
Въ пухъ разбилъ одинъ! (2)
Самъ навелъ единорогъ онъ
И картечью, дивно много
Повалилъ сарбазъ! (2)

¹⁾ Киргизъ-вожака.

И со всѣхъ сторонъ отряда
Близко падали гранаты;
И пошла писать! (2)
Страшно пули тутъ свистали,
Все въ отрядѣ поражали, —
Держаться нельзя! (2)
Въ пушку ершика впустили,
Думать попусту не стали,
Кинулись впроломъ! (2)
Тридцать шесть легло на мѣстѣ,
Остальные дружно, вмѣстѣ,
Стали отступать! (2)
Кои ранены падали,
Ихъ товарищи держали,
Подъ руки вели! (2)
Тутъ убиты оставались,
Отъ нихъ ружья отбирались,
Ломались въ куски! (2)
А коканцы налетали,
И кричали, и стрѣляли,
Думали, собьютъ! (2)
Много хватовъ и джигитовъ
На скаку кидали пивы,
Свои кистени! (2)
Казаки все подбирали
И назадъ опять бросали,
Или пулю въ лобъ! (2)
Восемь верстъ наши герои
Возвращались они съ боя
Подъ вражьемъ огнемъ! (2)
Да, не мало тѣхъ героевъ
Полегло на чистомъ полѣ
Отъ коканскихъ пуль! (2)
Ихъ рубили, ихъ терзали,
Даже головы снимали,
Увозя съ собой! (2)
Много наши потеряли,
Но и сами дали память

За родныхъ друзей! (2)
Не забудутъ салмоѣды,
Что имъ стоила побѣда
Такихъ молодцовъ! (2)
Но и тѣ, которые пали,
Къ нимъ горстями снѣгъ кидали,
Живы не дались! (2)
Честь и слава вамъ, Уралы!
Да не мало и бывало
Такихъ славныхъ дѣлъ! (2)
Храбро бились, умирали,
Хотя много потеряли,
Но Царь наградилъ! ¹⁾ (2)

(Л. С. Алексѣевъ).

9.

Вариантъ.

За горами, за долами,
Межъ коканскими садами, —
Битва тутъ была! (2)
День, до вечера, мы бились,
Всѣ гранаты изстрѣляли —
Для насъ ничего. (2)
Какъ шестого декабря,
Съ половины было дня,
Коканецъ кричалъ: (2)
— „Ужь вы сдайтесь, ребята!
Будетъ чисто, будетъ свято,
Не обижу васъ! (2)
Вѣру вы мою примите
И скорѣй ко мнѣ идите,
А то горе вамъ! (2)

¹⁾ Подробности боя описаны въ выносѣ къ 44 пѣснѣ историческаго содержанія, подъ заглавiемъ „Иванскій бой“.

Если вы мнѣ не сдадитесь, —
Сію минуту прекратитесь:
Смерти васъ предамъ“! (2)
Сѣровъ сказалъ намъ слово,
Хоть не скоро, да здорово,
Храбрый нашъ герой! (2)
Мы поставимъ батарею,
Грудью кинемъ мы за нею, —
Дорожку пробьемъ! (2)
Путь-дороженьку пробьемъ,
Всею кровью обольемъ,
Къ нему не пойдёмъ! (2)
Злодѣй бросилъ всѣ законы,
Выставлялъ впередъ колонны
Съ крестнымъ огнемъ! (2)
Ужъ онъ жегъ насъ и палилъ,
Много ранъ онъ подарилъ, —
Для насъ ничего! (2)
Несмотря на эти раны,
Мы патроны въ зубы брали, —
Ружья заряжать! (2)
У насъ пороху не стало
И патроновъ не достало —
Нечѣмъ было взять! (2)
Тридцать шесть легло на мѣстѣ,
Остальные дружно, вмѣстѣ,
Стали отступать! (2)
Тутъ убиты оставались,
Отъ нихъ ружья отбирались,
Ломались въ куски. (2)
Кои ранены падали,
Ихъ товарищи держали,
Подъ руки вели! (2)
Грустно было разставаться,
Намъ съ друзьями распрощаться,
Коихъ у насъ нѣтъ! (2)
Вотъ, спасибо вамъ, уральцы,

Посшибали свои пальцы,
Живы не дались! (2)

(Сообщилъ В. А. Чурѣвъ).

10.

Бой на Ирджарѣ.

На Дарѣ мы долго жили
Скукою томя народъ;
Въ утѣшенъе мы твердили,
Что идти скоро въ походъ.
Не завидна наша доля,
Есть начальства съ нами воля:
Пускай какъ хотятъ! (2)
Окопавшись мы въ Чиназѣ
И ждемъ въ гости къ себѣ эмира:
Думали, придетъ какъ разъ,
Да попроситъ миръ, миръ у насъ!
Былъ бы онъ тогда счастливъ,
Но онъ слишкомъ горделивъ,
Плѣшива башка! (2)
За отбитыхъ барановъ
Онъ хотѣлъ намъ отомстить:
Перебить, какъ таракановъ,
Потомъ плову ¹⁾ наварить!
Посмотримъ, что за пловъ?
Какъ онъ вкусенъ и здоровъ
Изъ насъ, русаковъ?! (2)
Разнеслись по всѣмъ тутъ вѣсти,
Что и эмиръ не вдалежъ:
Съ нетерпѣнья ждетъ насъ въ гости,
Остановяся на Сыръ-рѣкѣ.

¹⁾ Пловъ—любимое и лакомое кушанье коканцевъ и бухарцевъ. Онъ готовится изъ рису и жирной баранины, изрѣзанной въ мелкіе куски; приправой къ нему служатъ морковь и кишмишъ.

Мы не чванные въ томъ
И тотчасъ къ нему поидемъ,
Только принимай! (2)
Генераль нашъ, Романовскій,
Одинъ изъ лучшихъ молодцовъ,¹⁾
Нагрузилъ паркомъ „Перовскій“¹⁾,
Взялъ три тыщи удалцовъ.
Дружно пѣсенки запѣли,
Живо за нимъ полетѣли —
Съ радостью впередъ! (2)
На другой день главный бекъ,
Съ сорока тысячами бухарцевъ,
Встрѣтилъ насъ онъ „Джамбирекомъ“²⁾,
Поразставилъ ихъ близъ шансовъ.
Видимъ, братъ, ты молодець,
Что-то будетъ подь конецъ, —
Тамъ увидимъ мы! (2)
Генераль нашъ, Романовскій,
Несмотря на ихъ весь сбродъ,
Онъ какъ истый, чистый русскій,
И все двигался впередъ!
Не поробимъ мы, начнемъ,
Путь картечами пробьемъ
И поидемъ впередъ!³⁾ (2)

(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

¹⁾ Пароходъ Аральской флотиліи.

²⁾ Орудіе.

³⁾ Пѣсню эту воспоминается знаменитое пораженіе русскими войсками, 9 мая 1866 года, сорока-тысячной арміи коканцевъ и бухарцевъ, предводимыхъ бухарскимъ эмиромъ. Начальникъ русскихъ войскъ, генераль-маіоръ Романовскій, встрѣтилъ непріятельскую армію на урочищѣ Ирджаръ, близъ крѣпости Джизака, разбилъ ее и забралъ весь непріятельскій лагерь съ палатками, оружіемъ и большимъ запасомъ продовольствія. Участвовавшія въ этомъ дѣлѣ три отдѣльныя Уральскія казачьи сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Чертогорова, Голунова и Подикарпова, по выбитіи непріятели съ позиціи, гнали его до самыхъ Джизакскихъ горъ.

Вариантъ.

Распроблятый, злой бухарець,
Хотѣлъ крѣпость нашу взять!
 Ай-люли, люли, люли,
 Хотѣлъ крѣпость нашу взять!
Русски подняли штыви; —
Они маршъ! какъ дураки.
 Ай-люли, люли, люли,
 Они маршъ! какъ дураки.
Мы ихъ гнали по тропинѣмъ
До високаго мару.
 Ай-люли, люли, люли,
 До високаго мару!
На мару паша стоитъ,
Самъ про русскихъ говоритъ:
 Ай-люли, люли, люли,
 Самъ про русскихъ говоритъ!
„Посмотрите, басурманы,
На уральскихъ казаковъ“.
 Ай-люли, люли, люли,
 На уральскихъ казаковъ!
Оглянулись назадъ,
Русски шашками грозятъ!
 Ай-люли, люли, люли,
 Русски шашками грозятъ.
Ваши мѣдные кунганы
По Дарьѣ все раскидали.
 Ай-люли, люли, люли,
 По Дарьѣ все раскидали!
Ваши шелковы халаты
По себѣ все разобрали!
 Ай-люли, люли, люли,
 По себѣ все разобрали!
А бухарскіе паши

Всѣ заплакали, пошли!
Ай-люли, люли, люли,
Всѣ заплакали, пошли!
Наги, босы, побѣжали,
Израненныхъ покидали.
Ай-люли, люли, люли,
Израненныхъ покидали!
(Сообщилъ казакъ Абрамъ Борисовъ).

12.

Снобелевская.

Наше дѣло съ вѣмъ подрасться,
Съ неприятелемъ всегда!
Мы не будемъ дожидаться,
Когда онъ придетъ сюда.
Мы сами къ нему пойдемъ
И въ прахъ его разобьемъ...
Разбили въ полѣ лагерь,
Гдѣ намъ скажутъ отдыхать;
Свою храбрость вспомняемъ, —
Русь святую прославлять.
Ночи темны, тучи грозны
По-поднебесью идутъ;
Наши храбрые казаки
Подъ Анджанъ ¹⁾ городъ идутъ.
Идутъ они слѣшнымъ маршемъ,
Межь собою говорятъ:
— „Намъ не трудно взять Анджанъ
И кипчаковъ покорить:
Генералъ Снобелевъ съ нами,
Намъ и смерть съ нимъ не страшна;
Онъ отецъ нашимъ казакамъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ.

¹⁾ Городъ Андижанъ, Ферганской области.

Царь и орденъ ему далъ,
Чтобъ Коканъ-городъ забралъ!
— „Покажи свое искусство,
Ты привыченъ воевать!“
— „Я надѣюся на Бога
И на храбрость на свою,
За отечество — Россію —
Не щажу я жизнь свою“.
Забіякою пускался;
Подъ Анджаномъ рано всталъ,
Онъ разставилъ силу войска
Вокругъ города его;
Силу войска подкрѣплялъ,
Хану письмоцо послалъ;
Ханъ письмо то прочиталъ,
Русскимъ грозно отвѣчалъ:
„Приходи ко мнѣ на штурму
Съ тобой будемъ воевать:
У кого штыки вострѣе,
Тому городомъ владать“ ...
Засвистали, заблестали
Наши русскіе штыки;
А коканцы испугались, —
Разбѣжались, дураки.
Всѣ пожитки разбросали,
Вонъ изъ города ушли.
Вонъ изъ города пошли,
Во пески они зашли.
Во пескахъ-то мѣста нѣтъ —
Казаки за ними въ слѣдъ:
Казакъ рубить, стрѣлокъ бѣть,
Пуля ходу не даетъ¹⁾.

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

¹⁾ Пѣсня эта напоминаетъ намъ о Коканской экспедиціи 1875—1876 гт., подъ главнымъ начальствомъ генерала М. Д. Скобелева. Въ экспедиціи этой участвовали три Уральскія сотни: № 2-я сотня — изъ состава № 2-го Уральскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ есаула

Походъ на Алай.

Въ славномъ городѣ Коканѣ
Всѣ войска въ строю стоятъ;
Генераль, Скобелевъ храбрый,
Какъ орелъ въ полѣ леталъ.
Генераль Скобелевъ вздумалъ
На Алаяхъ побывать:
Въ скоромъ времени въ Коканѣ
Сталъ приказъ разсылать...
Всѣмъ войскамъ было извѣстно
И начальникамъ частей,
Что идти на Алайску гору
И на снѣжный, крутой скатъ.
Сборный пунктъ войскамъ назначенъ
Былъ на рѣчкѣ, крѣпость У...
Злы коканцы въ горахъ снѣжныхъ
Давно въ гости къ себѣ ждуть.
Мы пойдемъ съ восторгомъ въ горы
Съ командиромъ молодцомъ,
Съ есауломъ Шелдяковымъ,
Какъ съ роднымъ нашимъ отцомъ.
Славный ротмистръ Закомельскій
Все въ порядоѣ приводилъ,
Самъ на снѣжну Алай-гору
Онъ пѣшечкомъ восходилъ.
Провіантъ, фуражъ съ крупю
Мы таскали на себѣ:

В. И. Жигалина и №№ 1 и 2 отдѣльныя сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Шелудякова и Кузьмина; двѣ эти послѣднія сотни были экстренно командированы изъ войска въ 1875 году. За особое отличіе, при взятіи крѣпости Махрама, сотнѣ Жигалина Высочайше пожалованы на головке уборы анаки, съ надписью: „За отличіе въ дѣлѣ 22 августа 1875 года“; послѣднія же двѣ сотни, какъ прибывшія въ Коканѣ въ концѣ военныхъ дѣйствій, не участвовали въ дѣлахъ.

Много коней перебили
Подъ Алайскимъ хребтомъ ¹⁾).

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

14.

Не ясень соколы леталъ
По наснѣжнымъ горамъ:
Нашъ Скобелевъ разѣзжалъ,
Онъ съ уральцами гулялъ.
Славно, bravo, вотъ люли,
Онъ съ уральцами гулялъ!
Турокъ онъ тутъ разбивалъ,
(Эту сволочь не щадилъ...)
Кто же вѣрно такъ служилъ,
Того щедро наградилъ.
Славно, bravo, вотъ люли,
Того щедро наградилъ!
Намъ завалы, намъ Балваны —
Они намъ не высоки:
Развернемся по казацки —
Это намъ все пустяки.
Славно, bravo, вотъ люли,
Это намъ все пустяки!
Казаки идутъ на пашки,
А солдаты — на штыки;
Генералъ Скобелевъ съ нами,
Мы пойдемъ съ нимъ на прямки!
Славно, bravo, вотъ люли,
Мы пойдемъ съ нимъ на прямки!
Разобьемъ мы эту сволочь,

¹⁾ Пѣсня эта составлена по поводу похода, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1876 г., двухъ Уральскихъ казачьихъ сотенъ (№ 1-я сотня подъ командою есаула А. Я. Шелудякова и № 2-я сотня подъ начальствомъ есаула П. М. Кучкина) и одной роты пѣхоты, подъ общимъ начальствомъ ротмистра Закомельскаго, на Алайскія горы, расположенныя въ Ферганской области, для истребленія разбойничьихъ кипчакскихъ шаевъ.

Распроклятую орду,
Какъ француза подъ Московю
Во двѣнадцатомъ году.

Славно, браво, вотъ люли,
Во двѣнадцатомъ году!

(Сообщилъ А. И. Быковъ).

15.

Въ восемьдесятъ пятомъ году
Во уральскомъ городу
Славно, браво, вотъ люли,
Во уральскомъ городу!

Стоялъ мирно третій полкъ;
О походѣ шель лишь толкъ.

Славно, браво, вотъ люли,
О походѣ шель лишь толкъ.

Марта пятаго числа

Телеграмма къ намъ пришла:
Славно, браво, вотъ люли
Телеграмма къ намъ пришла!

Что уральскій третій полкъ
Выступить весной въ походъ.
Славно, браво, вотъ люли,
Выступить весной въ походъ!

А наказный атаманъ

Былъ Шиповъ нашъ, генераль.
Славно, браво, вотъ люли,
Былъ Шиповъ нашъ, генераль!

Онъ на смотръ къ намъ пріѣзжалъ,
Насъ съ походомъ поздравлялъ.

Славно, браво, вотъ люли,
Насъ съ походомъ поздравлялъ!

Командиръ же нашъ, Жигалинъ,
Черезъ Уралъ насъ переправилъ.

Славно, браво, вотъ люли,
Черезъ Уралъ насъ переправилъ!

Жены плавали, рыдали,
Слезы горьки вытирали.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Слезы горьки вытирали!
Онѣ плакали, прощались
И съ мужьями разставались.
 Славно, браво, вотъ люли,
 И съ мужьями разставались!
За подстепными дворами
Становились лагерями.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Становились лагерями!
А съ подстепнаго поднялись
И съ Ураломъ распрощались.
 Славно, браво, вотъ люли,
 И съ Ураломъ распрощались!
Барбашеву ¹⁾ лишь прошли,
Степью голою пошли.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Степью голою пошли!
Продолжали дальній путь...
И случилось у насъ тутъ:
 Славно, браво, вотъ люли,
 И случилось у насъ тутъ!
Захватило одного
Тутъ несчастьеце одно.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Тутъ несчастьеце его!
Захворалъ онъ такой болью,
Помереть долженъ неволью:
 Славно, браво, вотъ люли,
 Помереть долженъ неволью.
Нельзя было ѣсть и пить —
И не могъ онъ больше жить.
 Славно, браво, вотъ люли,
 И не могъ онъ больше жить!

¹⁾ Степная рѣчка, впадающая въ Уралъ.

На бивакъ мы своротили,
Казака тутъ схоронили.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Казака тутъ схоронили!
Дальше путь мы продолжали,
Ни о чемъ не горевали.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Ни о чемъ не горевали!
До Уила мы дошли,
Тутъ товарищей нашли.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Тутъ товарищей нашли!
Насъ товарищи встрѣчали,
Хлѣбомъ, водкой угощали.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Хлѣбомъ, водкой угощали!
Съ жажды водочки попили,
Тоску, горе мы забыли.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Тоску, горе мы забыли!
До Темиру же дошли,
Ничего тутъ не нашли,
 Славно, браво, вотъ люли,
 Ничего тутъ не нашли!
Кромѣ водочки родной;
Выпивали по одной.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Выпивали по одной!
А съ Темиру какъ пошли,
Много горя мы нашли.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Много горя мы нашли.
Мы о томъ больше скучали,
Что киргизовъ не встрѣчали.
 Славно, браво, вотъ люли,
 Что киргизовъ не встрѣчали!
Однѣ каменны Устюры ¹⁾,

¹⁾ Плоскогорье Усть-Уртъ.

Совершенныя-то дуры.

Славно, bravo, вотъ люли,
Совершенныя-то дуры!

И ни корму, ни воды,
Хоть куда хочешь иди.

Славно, bravo, вотъ люли,
Хоть куда хочешь иди!

Трудно было лошадямъ,
Доставалось же и намъ.

Славно, bravo, вотъ люли,
Доставалось же и намъ!

Какъ воды мы добывали,
Колодези вырывали.

Славно, bravo, вотъ люли,
Колодези вырывали!

Трудно было намъ ходить,
Лошадей своихъ поить.

Славно, bravo, вотъ люли,
Лошадей своихъ поить!

Съ горы въ морю мы сходили,
Въ поводу коней сводили;

Славно, bravo, вотъ люли,
Въ поводу коней сводили!

А на гору поднимались,
За хвосты мы ихъ держались.

Славно, bravo, вотъ люли,
За хвосты мы ихъ держались!

Съ горъ Усть-Урта мы спустились,
Въ Джаны-Кала ¹⁾ очутились.

Славно, bravo, вотъ люли,
Въ Джаны-Кала очутились!

И хоть трудно мы дошли,
Церемоніаломъ разъ прошли.

Славно, bravo, вотъ люли,
Церемоніаломъ разъ прошли.

(Урядникъ Гр. Яшковъ).

¹⁾ Хивинская крѣпость, нынѣ заброшенная.

Продолженіе 15-й пѣсни.

Утромъ встали, полетѣли,
Громко пѣсенки запѣли,
 Съ радостью впередъ! (2)
А на станцію пришли,
Конямъ корму не нашли:
 Негдѣ было взять! (2)
Долго корму поджидали,
У насъ лошади заржали,
 Намъ сдѣлалось жаль! (2)
Тутъ работа закипѣла
И камышикъ пошелъ въ дѣло:
 Стали жать камышъ! (2)
И пока камышъ мы жали,
У насъ лошади дрожали,
 Корму дожидаясь! (2)
Камышемъ мы накормили
Лошадей, и напоили,
 И ложились спать! (2)
Утромъ обозъ отправляли
И Усть-Уртъ мы проклинали;
 Долго мы имъ шли! (2)
Намъ Устюры надоѣли:
Сухари, овесъ поѣли —
 Негдѣ было взять! (2)
Тутъ слабыми заявлялись,
На верблюдахъ отправлялись
 Съ обозомъ они! (2)
Много было тутъ людей;
Шли они безъ лошадей
 Всегда впередъ! (2)
И зато пѣшечкомъ перли,
Что спины конямъ постерли.
 Сами отъ себя! (2)

У насъ не было работы,
Кромѣ той только заботы —
 Дольше бы поспать! (2)
И не знали мы того —
Спины портимъ отчего...
 Грязны потники! (2)
 И за то пѣшкомъ мы шли,
Что коней не берегли,
 Бросаясь за сномъ! (2)
А когда въ походѣ быть,
Нужно чаще потниѣ мыть,
 Да всегда сушить! (2)
Какъ заботу ту возьмемъ,
Пѣшкомъ никто не пойдѣмъ,
 А всегда верхомъ!.. (2)
Въ Кунградъ-Калу ¹⁾ мы пришли,
Туть всего въ намъ привезли:
 Что хочешь, бери! (2)
И урюкъ ²⁾ намъ и чуреки ³⁾;
Скоро сдѣлали прорѣхи —
 Остались ни съ чѣмъ! (2)
Трое сутокъ мы дневали,
Вдоволь корму задавали
 Своимъ лошадямъ! (2)
Слабokonные справлялись, —
На каюкахъ ⁴⁾ отпраплялись
 Лямкой по Дарьѣ! (2)
Туть и мы скоро собрались
И во слѣдъ за ними мчались
 Вдоль Аму-Дарьѣ! (2)
Куня-Ургенчъ мы прошли,
Къ переправѣ подошли
 Черезъ Аму-Дарью! (2)

¹⁾ Кала—городъ, крѣпость.

²⁾ Урюкъ—абрикосъ.

³⁾ Чурекъ—лепешка.

⁴⁾ Каюкъ—лодка.

На Аму сутки стояли
И въ подарокъ получали
Отъ хана — быковъ! (2)
И чуреки съ кипмишемъ,
И влеверъ-то съ ячменемъ
Ханъ хивинскій слалъ! (2)
Маса вдоволь мы варили
И за то благодарили
Хана и властей! (2)
Вдругъ полученъ былъ приказъ:
Перейти Дарью намъ вплавъ
На лихихъ коняхъ! (2)
Лошадей мы разсѣдали
И Аму переплывали —
То было въ розливъ! (2)
Первымъ переплылъ Савосинъ;
Не достоинъ ли онъ, спросимъ,
Награды за то? (2)
За лихую переправу
Могъ разсчитывать по-праву
Подавшій примѣръ! (2)
И за удалъ Титъ за эту
Получилъ, къ второму лѣту,
Отъ полка часы! (2)
Съ переправы вверхъ пошли,
Своро въ Шахъ-Аббазъ¹⁾ пришли,
Гдѣ встрѣчали насъ! (2)
Тутъ встрѣчали насъ, вояковъ,
Оренбургскій полкъ казаковъ
И хоръ трубачей! (2)
Музыка ихняя играла,
Веселила насъ не мало
И шла впереди! (2)
Полки оба тутъ смѣшали
И всѣ пѣсни распѣвали.

¹⁾ Шахъ-Аббазъ-Али — первая станція отъ Петро-Александровска въ укрѣпленію Нукусъ.

Раздавался гулъ! (2)
На станцію приходили,
Для насъ плову наварили
И еще кой-что!.. (2)
Вдоволь водки поднесли
И къ котламъ насъ подвели,
Чтобы ёсть пилавъ! (2)
Мы, выпимши, веселились
И другъ съ другомъ подружились;
Начали плясать!.. (2)
Крѣпость была не далеко ¹⁾, —
Завтра же дойдемъ легко,
Не объ чемъ тужить! (2)
Мы въ крѣпости подъѣзжали —
Насъ солдатики встрѣчали,
Дѣлали намъ честь! (2)
Славные были солдаты,
Удалые все ребята
И всѣ молодцы! (2)
Принимали насъ по братски...
Пѣсни пѣли же по хватски...
И плясали всѣ! (2)
Тутъ къ столамъ насъ подвели,
Въ ведрахъ водки принесли —
Угощали насъ! (2)
Когда выпили мы водки,
Промочили себѣ глотки,
Разговоръ пошелъ! (2)
Разговоръ вели лихой:
Весь народъ былъ молодой, —
Одинъ въ одному! (2)
А какъ кончили мы той ²⁾,
Приказано идти въ строй,
И сѣсть на коней! (2)
Отъ солдатской мы горѣлки

¹⁾ Укрѣпленіе Петро-Александровское.

²⁾ Праздникъ.

Пошли въ свои джуламейки,
То-есть на бивакъ! (2)
Жили лѣто на бивакѣ...
Послѣ-жь сдѣлали бараки
Мы изъ камышу! (2)
Въ нихъ мы осень проводили
И никуда не ходили
До самой зимы! (2)
Зимой въ крѣпость уходили,
Тамъ солдатокъ полюбили,
Дружбу завели! ¹⁾ (2)
(Урядникъ Г. Яшковъ).

¹⁾ Какъ эта, такъ и предшествовавшая пѣсня, составлены по поводу похода Уральскаго казачьяго № 3 полка, въ 1885 году, изъ Уральска въ Петро-Александровское укрѣпленіе.

ОТДѢЛЪ VI.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Отецъ съ сыномъ на сѣнокося стога металь,
А мила доченька имъ ѣсть понесла.

— „Ужь ты, доченька, поди, поверши намъ зеленый стогъ“.

Стояла-то она на зеленомъ стогу,
Вершила-то она зеленъ-стогъ.

— „Что это, батенька, въ полѣ затуманилось,
Затуманилося въ полѣ, запылилося?“

Все людей везуть скованныхъ и связанныхъ,
Связанныхъ все арканами волосяными“.

— „Ужь ты, доченька, слазь-ка съ зелена стога,
Пойдемте, спрячемтесь во зеленъ-вамышь“.

— „Ужь я, батюшка, пересмотрю, перегляжу:
Что это за людей везуть?“

А отецъ съ сыномъ въ вамышь ушли.

Ужь подбѣгаиль же младъ татарченинь,

Говориль же онъ красной дѣвушкѣ:

— „Ужь ты, дѣвушка, слазь-ка съ зелена стога!“

Бросалась дѣвушка на всѣ на четыре сторонушки,

Опускала она свои ясны очи на сыру землю,

Опускала она свои рученьки на бѣлую грудь.

Ужь давалъ же ей младъ татарченинь кроваву руку,

Ужь сымаль же онъ ее съ зелена стога,

Сажайль онъ ее на свою добра коня,

На добра коня, на иноходаго.

Повезъ-то ее во свою земелюшку, въ азіатскую,

Вводиль же ее въ свои высовія хоромушки;

— „Ужь ты будь же мнѣ, дѣвушка, хозяйшвой,
А я тебѣ, дѣвушка, буду хозяиномъ“.

Отдавалъ же онъ ей съ себя шелковъ поясъ,
Отдавалъ же ей свои золоты влючи,
И препоручалъ дѣвушкѣ свои золоты погребцы:

— „Ужь ты, дѣвушка, моя хозяйшка,
Ходи-ка ты въ мои любимы погребцы“.

Не задолго, не заворотко, угодила въ нимъ въ полонъ
Ея родимая, милая матушка.

Сажала она ее ногами дитя качать,
Руками же велѣла куделю пряхъ,
Глазами же велѣла гусей пасти.

Дитя качая, говорить родима матушка:

— „Ужь ты, по русски, — младъ боярскій сынъ,
А по татарскому — младъ татарченинъ:

Ужь твой-то батюшка — мой зятюшка;

А твоя-то мать — мнѣ дочь родна,

А самъ ты мнѣ — внученокъ!“

Говорить тутъ доченька таковы слова:

— „Ужь ты, маменька моя, рѣдная!

Кабы знала я, кабы вѣдала,

Не заставила-бъ тебя дитя качать,

Не заставила-бъ тебя куделю пряхъ,

Не заставила-бъ тебя гусей пасти!“

Тутъ сажала она ее за дубовый столъ,

Становила передъ ней яства сахарныя.

Яства сахарныя и пошла медвяныя.

И стала матушка уговаривать доченьку:

— „Пойдемъ-ка, доченька, убѣжимъ домой“.

Говорить ей доченька таковы слова:

— „Нѣтъ, матушка, обзавелась я малыми дѣточками“.

И говорить мать доченькѣ таковы слова:

— „Ужь не стану я, доченька, жить у васъ;

Отпустите меня въ свой домъ!“

Ужь сажалъ ее зятюшка на варяго коня,

На варяго коня, на иноходаго,

Надѣляилъ ее золотой казной;

Отправляяль ее во свою землю,
Проводили её они съ своего двора.

(„Уральцы“, соч. I. И. Жегънова).

2.

Какъ не бѣлые снѣжки
Въ полѣ забѣлѣлися;
Какъ не аленькіе цвѣты
Въ полѣ зазелелися:
Зазелелася у старинушки
Въ лицѣ бѣломъ румяница;
Забѣлѣлася у старинушки
Бѣлая его бородушка
Со его ли буйною головушкой.
Какъ со вечера старикашенькѣ
Приказъ отданъ былъ;
Какъ въ полу-то ночи старикашенька
Собираться сталь,
Какъ восходилъ-то старикашенька
На конюшенъ дворъ:
Онъ беретъ съ вьюка тесману узду.
Поводъ шелковый.
Какъ восходилъ старикашенька
Во конюшеньку:
Онъ обратоваль своего коня,
Коня не ловленаго;
Онъ подводилъ его во красну-крыльцу,
Онъ привязываль его въ дубову-столбу,
За колечко серебряное;
Онъ навидываль на своего коня
Потнички бѣлы, бумажныя,
А на нихъ сѣдлице черкасское;
Онъ подтягиваль двѣнадцать подпругъ
Не для красоты, а для крѣпости.
Какъ восходилъ-то старикашенька въ нову горенку,
Поклонялся-то старый казакъ отцу-матери:

— „Благословите-ка меня, отецъ съ матерью,
Гулять въ поле чистое...

(Сообщилъ Е. Я. Никитинъ).

3.

Не бѣленька березынька въ землѣ клонится,
Не ковыль-трава въ чистомъ полѣ зашаталася:
Зашатаилса, загуляилса добрый молодець,
Въ одной тоненькой, кармазинной ¹⁾ во черкешечкѣ;
У черкешечки рукавички назадъ затенуты
И серебряной булабочкой они притенуты.
За плечами несетъ онъ ружьеце, турку цѣльную,
Турку цѣльную, все ружьеце, снасть турецкую.
Въ правой рукѣ онъ несетъ присошечекъ тоненькѣй-гор-
доленкѣй;
Онъ присошечкомъ, добрый молодець, подпиралса,
Горючими слезами, разудаленькѣй, заливалса.
Какъ надъ нимъ, надъ молодчикомъ, несчастье случилося:
Поднималса вдругъ погодушка, съ горъ хурта-вьюга,
Заносила у добра молодца путь-дороженьку
И сбивала-то добра молодца со дороженьки,
Прибывала-то добра молодца ко городу;
Къ тому ко городу, въ незнакомому,
Къ незнакомому ко городу, ко Яницеому.

(Съ рукописи І. И. Жегѣзова).

4.

Ужъ конь ты нашъ сѣрый,
Конь сѣро-пѣгій!
Не покинь ты млада-вьюноша,
Сына мово милова.

¹⁾ „Кармазинъ“—слово арабское „кырмизи“, или „еримизи“—тѣмъ темно-краснаго цвѣта. У малороссіянъ „кармазинъ“ означаетъ красное сукно.

Не дай ты взять верху надъ собой
Коню басурманна.

Выведи мово сына
На родимую сторонку.

Отпладу же я тебѣ
За то сторидею:

Подбюю тебя
На серебряны подковки;

Сплету я тебѣ
Уздечку шелковую;

Поброю тебя
Попоной ковровою;

Уберу я тебѣ гриву
Въ ленты алыя.

Будешь ты у насъ стоять
Въ стойлицѣ ясеневомъ;

Будешь ты у насъ ѣсть
Бѣлоарую пшеничку;

Будешь пить
Воду ключевую,

А не то сыту медвяную.

Голубчикъ сѣренькій,

Сѣро-пѣгенькій!

Не покинь мово вьюноша

Въ ордѣ басурманской.

(„Уральцы“, соч. I. Желѣзнова, т. III, 1888 г., стр. 96).

5.

Казакъ сѣзжаетъ со квартирушки.

Ты, долина-ли, ты-ль, моя долинушка,

Долина-ль ты моя широкая!

Ничего ты, моя долинушка,

Не породила:

Породила ты, моя долинушка,

Одну бѣлую березыньку!..

Какъ на этой на березынькѣ
Гнѣздо было соколиное.
Разореное было это тепло-гнѣздышко,
Оно понапрасну!
Солеталъ совожь ясный
Со того тепла гнѣздышка, —
Распрощался молодой казакъ
Со квартирушкой.
Ужь онъ плакаль и съѣзжалъ,
Таки рѣчи говорилъ:
— „Я стояль на тебѣ, ты моя квартирушка,
Ровно три годочка;
Показалися мнѣ эти три годочка
Ровно за три за часочка“.
Со всеми-то онъ распростился,
Удалой казаченька,
Съ одной душой красной-дѣвицей не простился, —
Назадъ взворотился!..

(Сообщилъ В. П. Мартыновъ).

6.

Уральскій казакъ.

Настала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Быль долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: „Будь вѣрна!“
— „Вѣрна до могилы!“ сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разиль супостата копьемъ и мечемъ.
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди:
Свидѣтели — раны и всѣ на груди...
Окончивши битву, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.

Уже достигает Урала береговъ,
И видит на встрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
— „Повѣдай, родитель, повѣдай ты мнѣ
О матери родной, о милой женѣ?“
Старикъ отвѣчаетъ: „здоровая семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
За то отъ печали иссохла она!
Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости и ты, сынъ мой, мы просимъ объ ней“.
Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ;
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ:
Упала на грудь его мать въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ земнымъ...
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой...
Глава покатила въ жены молодой;
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленіе онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни... и казнь получилъ...

(Соч. С. Т. Аксакова, 1836 г., т. IV, стр. 188).

7.

На краю Руси обширной,
Вдоль уральскихъ береговъ,
Поживаетъ тихо, мирно,
Войско кровныхъ казаковъ.
Знаютъ всѣ икру Урала
И уральскихъ осетровъ,
Только знаютъ очень мало
Про уральскихъ казаковъ.
Жаль, что нѣтъ насъ тысячь сорокъ,

Тѣмъ не хуже мы донцовъ.
„Золотникъ хотъ малъ, да дорогъ“, —
Поговорка стариковъ.
Наши пращуръ и дѣды,
До время еще Петра,
Были на поляхъ побѣды,
Страшно было ихъ „ура!“
Поляковъ неугомонныхъ
Колотили мы не разъ,
И французъ-то, безпардонный,
Не видалъ добра отъ насъ.
Мы рубили безъ пощады
Независимыхъ черкесъ,
И не знали ретирады
Ни въ ущелье и ни въ лѣсъ.
Жаль, что въ полѣ, на просторѣ,
Средь безчисленныхъ полковъ,
Не видна, какъ капля въ морѣ,
Горсть уральскихъ казаковъ ¹⁾.
И мѣшаетъ нашей славы
Лишь количество одно,
А по качеству, мы вправѣ
Славу заслужить давно.
И бѣда-ли, что насъ мало!
Было меньше насъ и что-жъ? —
Вѣдь Хива отъ насъ страдала;
Кто же скажетъ: „это ложь“?
Могъ и нашъ Нечай отважный,
Какъ съ татарами Ермакъ,
Справиться съ Хивой. И важный
Онъ ужъ сдѣлалъ въ цѣли шагъ.
Мало насъ, но часть границы
Мы для Руси отвели;
Не однѣ свои станицы

¹⁾ Въ послѣднюю Турецкую войну 1877—1878 гг. въ пятьсотъ-тысячной дѣйствующей русской арміи участвовала только одна, совершенно отдѣльная, Уральская казачья сотня.

Отъ киргизъ мы стерегли.
Отъ набѣговъ, разореній
Мы спасали цѣлый край.
Для сосѣдственныхъ селеній
И теперь за нами рай.
И завѣтною чертою
Мы назначили Яикъ,
Хоть за то у насъ съ ордою
Споръ былъ тяжекъ и великъ.
Хоть два вѣка тучей черной
Злые хищники вились,
Мы родной Уралъ упорно
Отстояли отъ киргизъ.
Много крови, безпокойства
Стоилъ быстрый нашъ Уралъ;
Но казакъ такого свойства:
Мило то, что съ бою взялъ.
Трудно было намъ возиться,
Но за то теперь кайсакъ
И названія боится:
Страшенъ имъ „Джайкъ-казакъ“.
Много было дней несчастныхъ,
Поразскажутъ старики:
И въ плѣну и въ рукопашныхъ,
Схваткахъ гибли казаки:
Знать, нигдѣ еще не пишутъ
О дѣяньяхъ казаковъ;
Обо всемъ, что наши слышать
Изъ разсказовъ стариковъ.

(Н. Ф. Савичевъ).

8.

Никто! Уральскіе казаки
Родную землю стерегутъ!
Не боятся въ схваткахъ драки —
Всегда со славою помрутъ.

Помрутъ за родину святую,
Чтобъ въ ней имъ былъ милѣй покой!..
Покинуть домъ, семью родную,
Покинуть и Уралъ родной.
Покинувъ домъ, семью родную,
Летятъ на бой, къ своимъ врагамъ,
Спасая родину святую,
Усладу дать своимъ сердцамъ.
Уральцы вѣдь непобѣдимы,
Россія знаетъ ихъ вполне.
Знать, Божьимъ промысломъ водимы,
Непобѣдимы и въ огнѣ?
Знаетъ ихъ и Царь державный,
Ихъ знаютъ и въ чужой землѣ;
Они свершили подвигъ славный
Подъ Иваномъ въ декабрѣ.
Не страшень бой былъ Алимкула,
Не лестны деньги ихъ, ковры...
Разбивъ ихъ сабли и аулы,
Пришедъ въ предѣлы Бухары,
Они и тамъ главу эмира,
Склонивъ къ ногамъ Руси Царя,
Чтобъ зналъ, насколько его сила
Могуча, сильна и щедра.
Чтобъ зналъ съ уральскими сынами
День и ночь Царя покровъ,
Грудь ихъ украсить онъ крестами
И снарядить, какъ жениховъ.
Покончивъ битву, возвратятся
На батюшку-Уралъ родной
Съ семьей, родными повидаться
И тутъ вкусить блаженъ покой.
И живутъ тамъ, какъ владѣльцы:
Въ осень плаваютъ; — весной
Часть изъ нихъ и земледѣльцы:
Въ полѣ ходятъ за сохой.

(Сообщилъ А. Д. Логашевъ).

Казань ¹⁾).

Сынъ Урала, сынъ отважный,
Въ полуночной тишинѣ,
Сквозь туманъ и сумракъ влажный
Тихо ѣдетъ на конѣ.
Ѣдетъ онъ и распѣваетъ
Пѣсни дѣдовъ, боевыя:
Удальство ихъ прославляетъ,
Сѣчи, схваты кровавыя.
Наконецъ, умолекъ и томно
Пѣснь любовную запѣлъ.
Въ ней онъ пылко, мило, скромно
Нѣжной страстию горѣлъ.
Съ сею пѣсней звучной, нѣжной,
Чащу лѣса проѣзжалъ,
Восходя на холмъ прибрежный,
На вершину диеихъ скалъ.
Сталь спускаться, — вдругъ кайсаки
(Тутъ сидѣли у огней)
Точно бросились, собаки,
На осѣдланныхъ коней.
И стрѣлою полетѣли
Вслѣдъ за скачущимъ врагомъ,
Засвистали, заревѣли
Страшнѣй, чѣмъ пустынный громъ.
Вотъ ужъ близко, настигаютъ
Молодого казака;
Шашки, чеканы ²⁾ свергаютъ
Во тьмѣ ночной изъ далека.

¹⁾ „Казакъ“—слово монгольское, состоящее, собственно, изъ двухъ словъ: „ко“ — значитъ броня, латы, защита и „захъ“ — межа, граница, рубежъ. Отсюда „ко-захъ“—защитникъ границы.

²⁾ „Чеканъ“—топоръ, насаженный на длинную деревянную ручку.

Конь, товарищ неизмѣнный,
Тутъ уральцу измѣнилъ:
Быстрымъ бѣгомъ утомленный,
Вовсе выбился изъ силъ.

(Василій Чалусовъ).

10.

Казачка.

Кто вечернею порою
За водой бѣжитъ къ рѣкѣ,
Съ распущенною косою,
Съ коромысломъ на рукѣ?
Ясно вижу взоръ уралки:
Брови лоснятся дугой,
На груди неугомонной
Кудри стелятся волной.
Станъ роскошный къ упоенью
За собой манить во слѣдъ.
Вотъ мелькнулъ — и въ отдаленъи
Скрылся шелковый бешметъ.
Раздалася огневая
Пѣсня звонко, подъ горой,
Пѣсня звучная, родная,
Пѣсня родины святой.
Это ты, моя землячка!
Узнаю твои черты,
Черноокая казачка,
Дѣва нѣжной красоты!
Сколько думъ ты пробудила,
Сколько ихъ блеснуло вновь?
Грусть въ душѣ заговорила,
Въ сердцѣ вспыхнула любовь.
Силой чаръ твоихъ чудесныхъ
Севозъ нависшихъ черныхъ тучъ
Мнѣ блеснулъ надеждъ прелестныхъ

Утомительный ихъ лучъ.
Дай же мнѣ налюбоваться
Вдоволь, дѣва, на тебя!
Грустно будетъ разставаться
Мнѣ съ тобой, краса моя!
Люди добрые, возьмите
Отъ меня назадъ свое!
Согласитесь, отпустите
Въ одиночество мое.
Въ бурномъ, радостномъ весельи,
Дайте сердцу отдохнуть;
Послѣ свѣтлаго похмѣлья,
На родимомъ на весельи
Въ поцѣлующъ отдохнуть.

(Василій Чалусовъ).

11.

Казаки свой умъ имѣютъ,
Жизнь прекрасную ведутъ:
Пикой, шашкою владѣютъ,
И горѣлку славно пьютъ!
Со врагомъ казакъ сразится, —
Побѣдитъ врага заразъ;
Если-жъ вздумаетъ напиться, —
То напьется на заказъ!..
Для киргиза-лиходѣя
У него готовъ арзанъ; —
Для горѣлки-чудодѣя
У него готовъ стаканъ.
Съ пикой, шашкою и водкой
Онъ умѣетъ въ дружбѣ жить;
И съ молоденькой красоткой
Онъ умѣетъ пошалить.
Есть враги, — съ врагами бьется,
И враговъ онъ вмигъ побьетъ;
Есть вино, — онъ вмигъ напьется,

Тотчасъ пѣсни запоеть!..
Казаки свой умъ имѣють,
Жизнь прекрасную ведутъ:
Пивой, шапкою владѣють,
И горѣлу славно пьютъ!

(Сообщилъ урядникъ Александръ Истоминонъ).

12.

Какъ шли двое невольниковъ
Изъ неволи,
Изъ той орды, изъ проклятой,
Изъ хивинской;
Пришли они во быстрой рѣкѣ,
Ко Уралу.
На ту пору Ураль-рѣка
Возмутилась;
Съ пескомъ она, да съ желтенькимъ
Посмѣшалась;
Ледкомъ она, да тоненькимъ
Сомывалась;
Снѣжкомъ она, да бѣленькимъ
Покрывалась.
Одинъ изъ нихъ пустился въ путь
Черезъ рѣку;
Онъ правой своей ножкой въ снѣгъ
Становился,
И только-что успѣлъ онъ въ ледъ
Упереться, —
Какъ бѣленькій снѣжочекъ вдругъ
Распахнулся,
А тоненькій ледочикъ верусть
Обломился:
Удалый, добрый молодець сталь
Тонути.
Товарищу онъ взгаренуль тутъ
Благимъ матомъ:

— „Ты, гой-еси, товарищъ-другъ,
Братъ названный!
Не дай ты мнѣ въ мои годы
Жалко сгинуть:
Бѣги, да протяни скорѣй
Праву руку!..“
— „И радъ бы я тебѣ
Протянути, —
Да ручка-то теперь моя
Коротенька,
А быстра Ураль-рѣчущка,
Глубоконька!..“

(Отечественныя Записки, 1848 г., № 8, стр. 141).

13.

„Ой ты, батюшка, нашъ наказный атаманушка,
Давыдъ, сынъ Мартемьяновичъ! ¹⁾
Посмотри-ка, что тамъ на морѣ,
Да на морѣ, на Каспійскомъ-то?
Не бѣлымъ тамъ забѣлѣлося,
Не чернымъ тамъ зачернѣлося,
Зачернѣлись на синемъ морѣ
Все астраханскія тамъ лодочки:
Воровскіе рыболовщицы
Въ наши воды забираючись,
Нашу рыбу вылавливаютъ.
И отъ воровскихъ, тайныхъ вылововъ
Нашъ Ураль-рѣка сталъ пустехонекъ.
Помоги ты намъ, атаманушка!
Заступись за насъ, родной батюшка,
Не вели ходить злымъ разбойникамъ,
Не вели ловить нашу рыбушку!“

¹⁾ Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ былъ два раза наказнымъ атаманомъ Уральского казачьяго войска: съ 1798 по 1823 годъ и съ 1827 по 1829 годъ.

— „Ой, вы, братцы мои, вы казаченьки!
Что-жь вы, други мои, попужались?
Аль не знаете, какъ стеречь вора?
Эй, вы, Гурьевцы, лихи молодцы!
Вы садитесь-ка въ легки лодочки,
Да возьмите-ка вы веселицы,
Догоните-ка астраханскихъ рыболовщичковъ, —
Накажите-ка ихъ вы по своему,
По морскому, по казацкому“.

(Казачій Сборникъ, 1887 г., № 1, стр. 69).

14.

Погоня казаковъ за киргизами.

Въ сѣнокосную пору
Собиралъ Мимбай толпу.
Вотъ онъ, съ собранной толпой,
Не даетъ намъ всѣмъ покой:
Перелѣзъ Уралъ въ Красномъ яру,
И надѣлалъ намъ вреду.
Калмыковскіе казаки
Во походъ за нимъ пошли;
На узняхъ его догоняли,
У насъ кони всѣ постали;
Мы секретно подѣзжали,
И Мимбая вора били.
Черезъ Кушумъ рѣчку мы плыли,
Тяжело Тангай вдохнулъ,
И Мимбая онъ столкнулъ.
Мимбай при смерти лежалъ,
Пѣшкомъ въ аулъ побѣжалъ;
Не узналъ прежнюю власть,
И еще взялъ такую же власть.
Также съ собранной толпой
Не даетъ опять покой.
Вотъ онъ нынѣшнюю зиму

Сдѣлалъ намъ такое диво:
Мимбай былъ такой неспокойникъ,
А Пролубщиковъ былъ у насъ полковникъ,
Вверхъ за Каршу заѣзжалъ,
И онъ воръ, Мимбай, на него началъ;
Такъ Мимбай тутъ поступилъ,
Его саблей изрубилъ.
Калмыковская команда
Верхнимъ форпостомъ шла,
Скоро на-скоро собралась,
Во походъ за нимъ пошла;
Во походъ за нимъ пошла,
На Борбултъ-рѣчкѣ его нашла;
Какъ сайдакъ съ него снимала,
Рѣзвы ноги заковала,
Въ Калмыкову представляла.
Гдѣ Мимбай не воровалъ,
А Калмыковскихъ не миновалъ.
Канцелярскіе суды
Произвели Тангаева въ чины.

(Изъ Пѣсенника Сахарова, ч. IV, 1839 г., стр. 262—265).

15.

Проводы казака на службу.

Какъ одинъ-то, одинъ,
У отца, у матери,
Все одинъ-единный сынъ:
Какъ его-то берутъ, разудаленькаго,
Берутъ въ службу царскую,
По указу берутъ его, разудаленькаго,
Берутъ государеву.
Какъ со вечера доброму молодцу,
Ему приѣзъ отданъ былъ;
Съ полуночи-то, душа, добрый молодець,
Онъ собираться сталъ;

На бѣлой-то зарѣ, душа, добрый молодецъ,
А онъ сталъ коня сѣдлатъ;
На восходѣ-то солнца краснаго
Сталъ онъ со двора сѣзжать.
Провожаютъ его, разудалаго,
Его всѣ — отецъ и мать,
Провожаетъ его, разудалаго,
Его молода жена;
Провожаютъ его, разудалаго,
Его весь родъ и племень.
Позади идетъ его горюшенька,
Его молода жена.
Молодецъ-то жену уговаривалъ:
— „Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Впереди-то у насъ все огни горятъ,
Огни горятъ неугасныя“.
— „Ужъ ты, миленькій, сердечный другъ,
Не уговаривай меня, не обманывай, —
Это горитъ-то и пылаетъ
У тебя, у молодца, ретиво сердце“.
— „Воротися, жена, воротися, душа,
Воротися, лебедь бѣлая:
Позади-то у насъ вода поляя“.
— „Ужъ ты, миленькій, сердечный другъ.
Не уговаривай меня, не обманывай, —
Это изъ твоихъ очей, молодецкихъ,
Слезы катятся, какъ рѣка льются“.
(Сообщилъ Н. Ф. Савичевъ).

16.

Поѣхалъ далеко казакъ, на чужбину,
На борзомъ конѣ, ворономъ;
Родныя онъ степи на долго покинулъ,
Покинулъ отцовскій онъ домъ.
Напрасно казачка его молодая,

Напрасно на сѣверъ глядить:
Все ждетъ, поджидая съ полночнаго края,
Когда къ ней казакъ прилетитъ!
Ахъ, тамъ, за горами, гдѣ вьюги-мятели,
Гдѣ страшны морозы трещать,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели, —
Тамъ кости казака лежать.
Казакъ и просилъ и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ;
И пусть на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольныя пташки, сидя на калинѣ,
Порой прощобечуть онѣ
Мнѣ, бѣдному, вѣсти въ холодной могилѣ
О милой, родной сторонѣ ¹⁾.

17.

Съ надеждой вѣрною, съ чужбины,
Кручину въ сердцѣ затая,
Скакалъ казакъ черезъ долины,
На родныя свои поля.
Скакалъ и конь его надежный,
Поворенъ слѣху сѣдока;
Уже и степь сыртовъ Урала
Очамъ виднѣлась казака;
И все онъ мчится вглубь, стрѣлою,
Къ своему родному очагу.
Вотъ близко берегъ, конь ногами
Ужъ по песку родному шель;
Вздохнулъ, встряхнулъ и лугами
Онъ снова всадника несетъ.

¹⁾ Пѣсня эта занесена на Уралъ изъ Малороссіи старослуживыми тамъ казаками; она въ сильномъ ходу между Уральскими казаками и не выбрасывается почти никогда изъ репертуара ихъ пѣсень, даже при самой незначительной веселой компаніи, а потому и помѣщена въ настоящей „Сборникъ“.

Туманъ влудится надъ Ураломъ,
Казакъ молча прилежъ къ лужѣ;
Впередъ онъ сердце шлетъ съ мечтами, —
Блеститъ колечко на рукѣ.
Кольцо урала подарила,
Когда казакъ пошелъ въ походъ.
Клялась ему и говорила:
— „Твоя я буду черезъ годъ!“
Вотъ годъ прошелъ; казакъ стрѣлою
Къ форпосту родному спѣшитъ.
Онъ видитъ избы за курганомъ;
Вздригнуло сердце, онъ молчитъ...
Не вѣрь, казакъ, мечтѣ, обману,
Сверши, сверши пути конецъ,
Иль воротись ты къ атаману:
Неволить дѣву злой отецъ.
Твою казачку ужъ другому,
Неволей, замужъ выдаютъ.
Коня ты гонишь по-пустому,
Не здѣсь родимый твой пріютъ.
Плыви, казакъ, назадъ чрезъ воды,
Забудь казачку и форпостъ.
Въ чужомъ краю не знай свободы!
Умри, склоняся на сѣдло!

(Сообщилъ урядникъ Иванъ Горшковъ).

18.

Солнце закатилось за темныя лѣса,
Въ полѣ у насъ пріумолюло,
Соловушки не поютъ.
Подъ деревцомъ было вѣтвистымъ,
Тамъ хижина стоитъ,
Во этой во хижинѣ хозяйюшка вдова,
Вдова наша хозяйюшка, казачія жена.
Внезапно постучались къ ней
Два казака у окна:

Одинъ казакъ ужь зрѣлыхъ лѣтъ,
Другой казакъ — какъ бѣлый снѣгъ.
— „Любезная наша хозяйюшка,
Пусти насъ ночевать!“
— „Я бы рада васъ пустила,
Мнѣ не чѣмъ васъ принять!“
— „Любезная наша хозяйюшка,
Намъ не надо ничего:
Съ походу мы приустали,
Желаемъ отдохнуть“.
Взошли они во хижину,
Садилась по мѣстамъ.
Любезная наша хозяйюшка
Прижалась въ уголокъ;
Прижалась она и залилася
Горючими слезми.
— „Спроси-ка ты, Ванюша,
По комъ она груститъ?“
— „Любезная наша хозяйюшка,
По комъ ты слезы льешь?“
— „Пятнадцать лѣтъ тому,
Случилась война.
И вотъ пятнадцать лѣтъ,
Какъ проводила я
И мужа, и сына своего;
Теперь же увидала
Я мужа и сына своего“.

(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

19.

Солетались соволы со стороны,
Сѣли-пали у вдовыньки на дворѣ;
Крылышками широкъ дворикъ размели,
Голосьями они вдовыньку будили:
— „Встань, проснись ты, вдовынька молода;
Всѣ казаки изъ похода ужь идутъ,

Твоего мужа въ колясочкѣ везуть,
Ворона коня за шелковъ поводъ ведутъ.
На лошадушнѣ сѣделице лежитъ,
На сѣделицѣ рубашечка виситъ;
Рубашечка алой кровью облита...
А ты, молода, на вѣвъ бѣдная вдова,
А малыя дѣтви на вѣвъ-вѣчный сироты".
(Сообщилъ казакъ Григорій Семіоничевъ).

20.

Во полѣ, полѣ чистымъ,
Стояло тутъ деревцо,
Тонко, высоко;
Подъ этимъ деревцомъ
Травынька росла.
Травынька, муравынька,
Листомъ широка.
На этой на травынькѣ
Цвѣты разцвѣли,
На этихъ на цвѣтивахъ
Разставленъ шатерьъ,
Во этомъ во шатерикѣ
Разостланъ коверъ,
На этомъ на коврикѣ
Столики стоятъ,
А на тѣхъ на столикахъ
Скатерти лежатъ,
На этихъ на скатертяхъ
Пойлице стоитъ.
У того у столика
Два стула стоятъ,
На этихъ на стуликахъ
Два братца сидятъ,
Два братцы родные,
Родимыхъ-родныхъ.
Большой-то меньшому

Ту рѣчь говорилъ:
— „Братецъ ты мой, братецъ,
Родимый, родной!
Единая насъ матушка,
Братецъ, родила,
Не научивши уму-разуму,
Въ службу пустила;
Чужа, дальняя сторонушка
Безъ вѣтру сушить,
Безъ вѣтру, безъ вихря,
Безъ краснаго солнышка;
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журуютъ.

(Сообщилъ С. А. Ливвинъ).

21.

Первымъ полемъ мальчикъ шелъ,
Вторымъ полемъ коня вель,
А третьимъ полемъ зеленъ дубъ стоитъ.
Въ зеленомъ дубу — золотое кольцо.
Привяжу я коня къ золотому кольцу,
Прикажу свою коня я красной дѣвицѣ,
Красной дѣвушкѣ, душѣ Настенькѣ,
Я самъ разставлю, добрый молодецъ,
Полотнянъ-бѣлый шатеръ,
Разстелю я въ шатерѣ бѣлый войлочекъ,
Лягу, лягу, молодецъ, съ дѣвушкой я, — высплюсь.
Всталъ, проснулся, молодецъ, на бѣлой зарѣ:
Нѣту, нѣту у молодца, ни коня и ни сѣдла,
Ни коня нѣтъ, ни сѣдла, ни дѣвушки, ни шатра.
Пойду, взойду, молодецъ, на высокій на курганъ,
Посмотрю я, молодецъ, на всѣ четыре стороны:
Какъ въ правой сторонѣ не пылъ-то пылить,
Въ зеленыхъ-то лугахъ турою плѣнь дѣлится:
Впереди ведутъ коня-то воронова,
На конѣ сидитъ красна дѣвушка,

Красна дѣвушка, душа Настенька.
Доставалась Настенька турку храброму.
(Съ рукописи І. И. Желѣзнова, сообщенной Н. А. Бородинымъ).

22.

Вдова рыдаетъ по своимъ хоромамъ.

Какъ по лугу, по лужочку,
Лужку было зеленому:
Ходила тутъ, гуляла
Вдова-казачка молодая;
Она плавала-рыдала,
Сама слезно причитала:
— „Хоромы-ли, вы, мои хоромушки,
Не высокіе мои теремы!
Что же вы, мои хоромушки,
Не покрытые стоите?
Или вамъ, мои хоромушки,
Хозяина нѣту?“
— „Да, хозяинъ во отлучкѣ,
На чужой дальней сторонкѣ.
(Сообщилъ казакъ Иванъ Соболевъ).

23.

Не бѣлая березка съ березынькой свивалась,
Не вудрявая къ землѣ приклонялась;
Не сизой-то голубь съ голубкой слетались:
Молодой-то парень съ дѣвушкой свывались.
Совывались-то они ровно три годочка —
Разставались-то они только три часочка.
Совываньице у нихъ было тайно,
Разставаньице у нихъ было явно:
— „Я поѣду, душенька, во путь, во дорожку;
На чужую, дальнюю, на сторонку.

Если скучно тебѣ будетъ, пиши ко мнѣ письма“.

— „Я писать-то, мой миленькій, не умѣю,

А писарей просить, дѣвушка, не смѣю“.

(„Уральцы“, I. И. Желѣзнова, 1858 г., ч. II, стр. 55).

24.

Вечеръ ко мнѣ, дѣвущѣ,
Соловушка прилеталъ,
Соловушка прилеталъ —
Молодецъ въ гости пришелъ.
Звалъ онъ, манилъ дѣвущку,
Уговаривалъ съ собой:
— „Поѣдемъ-ка, дѣвушка,
Во чисто поле гулять;
Во чисто поле гулять, —
Во зеленые луга.
Заѣдемъ мы, дѣвушка,
На высокій на курганъ.
Еще возьмемъ, дѣвушка,
Полотнянъ-бѣлый шатеръ;
Разставимъ же, дѣвушка,
Полотнянъ, бѣлый шатеръ,
Во шатрѣ поставимъ
Мелко-точенну кровать,
На кровать положимъ мы
Перинушку пухову,
Подушечки парчевы“.
— „Ложись, ложись, молодецъ,
Дай въ головеѣ поискать;
Въ головушкѣ поищу,
Русы кудри расчешу“.
Стала дѣвушка искать,
Сталъ молодецъ засыпать.
Уснулъ, уснулъ, молодецъ,
У дѣвущки на рукѣ,
У дѣвущѣ на рукѣ —

На кисейномъ рукавѣ.
Всталъ, проснулся молодецъ, —
Ни дѣвушки, ни воя,
Нѣтъ ни бѣлаго шатра.
Заставила дѣвушка
Въ полѣ пѣшему ходить;
Въ полѣ пѣшему ходить,
Поджавъ рученьки, бродить.
Добро же тѣ, дѣвушка,
Самъ насмѣшку отсмѣю;
Самъ насмѣшку отсмѣю,
Русу косу оторву.

(„Уральское казачье войско“. Рабинина, 1866 г., стр. 396).

25.

Нѣтъ несчастнѣй
Молодца меня,
Всѣ веселости позакрылися
Отъ молодца отъ меня.
Всѣ бѣды, напасти повстрѣчались
Съ молодцемъ, со мной!
Я пойду съ горя въ чисто поле
Схожу,
Я разсѣю грусть-тоску
По вешнимъ ее по цвѣтамъ;
Я нарву, да нарву тѣхъ лазоревыхъ,
Алыхъ цвѣтовъ;
Я пойду на рынокъ,
Выйду на базаръ,
Продамъ тѣ лазоревы,
Алые цвѣты;
Я куплю, куплю воску яраго
Бѣлу свѣчу;
Я поставлю ее,
Зажгу у батюшки въ терему:
Ты гори-ка-ть, гори,

Рублевая, бѣла свѣча!
Ты умри-ва-ть, умри
У касатыньки судьба!
Я возьму, да возьму
Касатыньку свою за себя.
Все давнымъ-давно было
Извѣстно,
Кто цвѣточки алы
Въ полѣ разсадилъ;
Давно ко милой въ гости,
Давно я не ходилъ.

26.

Какъ во пятый было годъ
Заточень былъ нашъ городъ;
Какъ Бизяновъ генераль
По станицамъ пробѣгалъ;
По станицамъ пробѣгалъ,
Стариковъ всѣхъ собиралъ
И братьями называлъ:
— „Старики, братцы, уральцы,
Однокровецъ вѣдь я вашъ,
Есть родня моя средь васъ...
Отъ Царя присланъ указъ,
Въ годъ учить дѣтей три разъ“.
Старики-же отвѣчали,
Громкимъ голосомъ кричали:
— „Не желамъ принять ученья,
Лучше пойдёмъ на мученье“.
Тутъ Бизяновъ генераль,
Разсерженный, пробѣгалъ;
Во станицу пробѣгалъ,
Стариковъ онъ всѣхъ собралъ,
Солдатами т-таковалъ
И въ Уральской провожалъ;
Тамъ по камерамъ сажалъ.

Изъ камеровъ выводили
И къ подпискѣ подводили:
— „Не желамъ мы подписаться,
Всѣ готовы заковаться!“
Вотъ Бизяновъ генераль
Заковать ихъ приказалъ,
По этапу провожалъ.
Пошли они, зашумѣли
И желѣзомъ загремѣли:
„Вы простите, родны, насъ,
Не пишитесь здѣсь безъ насъ,
Потеряете всѣхъ насъ...
Ты прости городъ Уральскъ
И Уралъ быстра-рѣка!..

.
(Записана со словъ казака Круглоозерной станицы III — ва).

ОТДѢЛЪ VII.

СТИХОТВОРЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

1.

Ураль.

Рѣка воинственнаго края,
Любезной родины моей!
Ураль, — рѣка моя родная, —
Ты мнѣ всѣхъ русскихъ рѣкъ милѣй!
Я на берегахъ твоихъ рождень,
Питомецъ твой, горжусь тобой.
Я грудью матери вспоенъ
И чистою твоей водой;
Кто-жь воду пьеть твою, Ураль,
Тотъ смѣль, отваженъ и удалъ.
Всѣ рѣки славныя воспѣты:
Нева и Днѣпръ, и Донъ, и Волга;
Но лирой звонкою поэты
Тебя не славили, и долго
Ты ждалъ поэта своего;
И наконецъ дождался ты,
Ураль, привѣта моего:
И я, невѣдомый пѣвецъ
На громкомъ поприщѣ искусства,
Хочу я въ даръ тебѣ принести
Мои восторженныя чувства,
Воздать тебѣ хвалу и честь.
Не живописными берегами,
Не плодоносными полями

Ты, быстрый мой Ураль, течешь:
Ты съ виду дикъ и нехорошъ
Въ сравненїи съ славными рѣками,
И больше степью и песками
Течешь ты въ дикой красотѣ;
На голубомъ твоємъ хребтѣ
Не плаваютъ суда съ товаромъ;
Но стариками, знать, не даромъ
Тебѣ названіе дано:
„Яикъ, серебряная крышка
И золотое твое дно“.
И, по словамъ ихъ, ты — кубышка,
На днѣ которой сложена
Казаковъ общая казна.
Ты судоходною торговлей
Не занимаешь казаковъ,
За-то ты имъ полезенъ ловлей
Большихъ бѣлугъ и осетровъ.
Ты имъ, на длинные багры,
На хлѣбъ насущный посылаешь
Свои богатые дары;
Ихъ только ты одинъ питаешь
И даръ твоихъ завѣтныхъ водъ —
Твою и рыбу, и икру —
Въ презентъ уральцы каждый годъ
Отвозятъ къ царскому двору.
Но не въ обширной рыбной ловлѣ,
И не въ богатствѣ казаковъ,
Не въ промыслахъ и не въ торговлѣ,
И не въ красѣ твоихъ береговъ,
Ураль, достоинство твое:
Твое достоинство — народъ,
Который на тебѣ живетъ!..
Уральцевъ бранное житье,
Война съ сосѣдными врагами
За обладаніе тобой
И твоей лѣвой стороной,
Богатой тучными лугами;

Ихъ непрерывный бой кровавый
За населенный берегъ правый,
Ихъ служба и воинской духъ,
И рядъ отечеству заслугъ, —
Тебѣ стяжали честь и славу!..
Все, что я въ честь тебѣ сказалъ,
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Быстротекущій мой Ураль.

(Н. Ф. Савичевъ).

2.

Ураль.

Ураль, привольный и глубокий!
Ураль, бушующій волной!
Люблю я берегъ твой высокій,
И водъ твоихъ разливъ широкій,
И волнь съдыхъ крутой прибой!
И, сладкимъ чувствомъ упоенный,
Люблю смотрѣть на вскрытый ледъ,
Когда весною, раздробленной,
Онъ въ безднамъ Каспия плыветь.
И, ударяясь съ страшнымъ шумомъ
О льдину льдина, какъ гора
Вдали встаетъ изъ серебра,
И въ томъ смятеніи угрюмомъ
Плыветъ съ утра и до утра!
Люблю, когда по влагѣ зыбкой
Скользятъ уютная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля!..
Съ какою радостной улыбкой
На ней безпечный рыболовъ
Плыветъ куда-то... И готовъ
Ужъ бросить онъ въ родныя воды
Свою ячеистую сѣть,
И, на красу своей природы,

Съ любовью дѣтскою смотрѣть!
Люблю въ дали твоей я сонной
Едва замѣтный островокъ,
Гдѣ тлѣетъ поздній огонекъ,
Гдѣ рыболовъ неугомонный,
Раскинувъ неводъ на песокъ,
Ждетъ, какъ затеплится востокъ!..
Люблю смотрѣть на вереницы
Залетныхъ птицъ изъ южныхъ странъ,
Когда ихъ стройный караванъ,
Прорѣзавши сѣдой туманъ,
При блескѣ утренней денницы,
Закроетъ дальній твой лиманъ;
Или средь волнъ твоихъ зыбучихъ,
Въ громадныхъ стаяхъ, кулики
Займутъ собою островки,
И разнообразныхъ утокъ тучи, —
Твои наносные пески!
Какую чувствуетъ отраду
Моя душа, горя огнемъ,
Когда подберадусь я тайкомъ
Съ своимъ охотничьимъ ружьемъ
Къ пугливому такому стаду?!..
Ужъ сряду нѣсколько вѣговъ
Легвешь ты своихъ сыновъ
На берегахъ твоихъ привольныхъ:
Всегда лихихъ, отважныхъ, вольныхъ,
Тебя любящихъ казаковъ!
Близъ ихъ станицъ — поля родныя,
Бахчи и нивы золотыя,
Съ травой поемныя луга;
А по лугамъ видны намѣты —
Изъ сѣна стройные стога,
И разныхъ величинъ ометы...
Люблю родные берега!
На нихъ здѣсь роща вѣговая;
Тамъ груды золотыхъ песковъ
Идутъ излучисто, внимая

Плесканью шумному валовъ;
А тамъ хребты недвижной цѣпью
Семьею дружною встають...
Какихъ причудъ не встрѣтишь тутъ?!..
За нимъ же, разстилаясь степью,
Поля обширныя цвѣтуть!
По нимъ разбросаны небрежно
Коши киргизскихъ удалцовъ,
Среди ихъ дивныхъ табуновъ,
Цасомыхъ вѣрно и прилежно...
Какъ часто я между киргизъ
Любилъ сидѣть въ кибитѣхъ дымной,
Гдѣ мнѣ сосѣдъ гостепріимный
Не разъ свой подносилъ кумызъ!..
Еще въ младенческія лѣта,
Тобой плѣненный, я, Уралъ,
Запомнилъ всѣ твои примѣты
И звукамъ волнъ твоихъ внималъ!
Я счастливъ былъ, когда впервые
Я берега твои крутые
Въ умѣ не зрѣломъ начерталъ!
Ты былъ мой первый идеалъ, —
Когда я отрокомъ безпечнымъ,
Весломъ играя, по рѣкѣ,
Порой съ волненіемъ сердечнымъ,
Скользилъ на легкомъ челнокѣ;
Когда, близъ водъ твоихъ игривыхъ,
Я въ рощахъ слушалъ соловья;
Какъ много дней тогда счастливыхъ
Провелъ въ тѣни прохладной я!
Какъ я любилъ въ водахъ заветныхъ,
Бывало, съ рѣзвою толпой
Друзей веселыхъ и привѣтныхъ,
Купаться лѣтнею порой!
Но не любилъ плотовъ плывущихъ
Я на твоихъ волнахъ могучихъ:
Они, сѣрица и день, и ночь,
Плыва съ верховъ на низъ далекій,

Своей бабайкою широкой
Пугали дитицъ и гнали прочь
Любимыхъ рыбъ моихъ!.. Донныхъ
Объ удовольствяхъ своихъ
Нельзя забыть, какъ о святыхъ!..
Катись, Уралъ, мой другъ безцѣнный!
Несись въ таинственную даль!
Бушуй волною неизмѣнной
И свѣй съ души моей печаль!..

(„Казачій Вѣстникъ“ 1884 г., № 73, К. Калачевъ).

3.

Ш т а т ь ¹⁾.

(Перемѣна бешметовъ на мундиры).

— „Дѣдь, скажи, какъ бунтовали
Въ прежни годы казаки;
Что такое называли
Вреднымъ штатомъ старики?
Были вы въ старинны годы
Всѣ похожи на дѣтей:
Вамъ, подь именемъ свободы,
Жалко стало бешметей.
Чѣмъ же намъ въ мундирахъ хуже,
Ну, скажи-ка, старый другъ?
Тѣмъ ли, что теперь я туже,
Но красивѣе одѣтъ?“
И, окинувъ парня взглядомъ,
Отвѣчалъ старикъ съдой:
— „Вижу, хочешь ты нарядомъ
Щегольнуть передо мной.

¹⁾ Стихотвореніе это написано по поводу новаго положенія объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, послѣдовавшемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года.

Гдѣ ужъ намъ? мы люди стары;
Ты-же — хоть куда казати!
Хороши твои шарвары,
Только узко сдѣланъ шагъ“.

(Н. Ф. Савичевъ).

4.

Жалкое творенье,
Это я сама;
Страсть стихотворенья
Мучаетъ меня.
И не учена я,
Такъ, какъ благородны;
Всю жизнь провела я
Въ горѣ, не свободно:
Какъ была дѣвницей,
Росла сиротой,
Жила со вдовицей,
Маменькой родной.
Пряли мы и ткали
Тогда кушави;
Сватать меня стали
Скоро казани.
Сватались двое,
Пошли въ перебой!
Маменькина воля
Была надо мной.
По мыслямъ, родимой
Явился женихъ:
Смугловатъ, красивый,
Серомень, милъ и тихъ...
Потомъ я осталась
Бѣдною вдовой.
Слезно заливалась
Съ однимъ сиротой.
Три года грустила!

Радостныхъ нѣтъ дней...
Въ бракѣ второй вступила,
Прижила дѣтей.
Супругъ ужь старенець,
Порой обижаютъ;
Слишкомъ горяченецъ:
Писать запрещаютъ!
— „На что, молъ, похожа
Женщина, что пишетъ?
Для меня дороже,
Коль работы ищутъ“
За то у насъ споры
Частенько бывають;
А мнѣ тѣ укору
Душу раздражаютъ.
И мнѣ нѣтъ веселья,
Лишь грущу всегда;
Только развлеченья —
Коль пишу когда.
Съ перомъ на досугѣ
Горе я дѣлю;
Бумагѣ, ваю другу,
Все я говорю.
Слезы проливаю
Вдобавокъ чернилъ;
Временемъ скучаю:
Вольный свѣтъ не милъ!
Мнѣ-ли бы писати,
Коль мужъ запрещаетъ?
Надо-бы отстати.
Коль за то журагы¹⁾!

(Казачка М. И. Тупканова).

¹⁾ Стихотвореніе это относится къ произведеніямъ нашей землячки, Марьи Ивановны Тупкановой, проживавшей въ Январцевскомъ поселкѣ и умершей въ концѣ 1860-хъ или въ началѣ 1870-хъ годовъ.

5.

Утѣшеніе.

Русскихъ воиновъ отцы,
Не извольте горевать:
Идутъ ваши молодцы
Противъ турокъ воевать.
И вы, матери родныя,
Долго-ль слезы проливать?
На что русскіе рождены,
Чтобы дерзкихъ усмирять..
И вы, нѣжныя супруги,
Не томитесь тоской:
Возвратятся ваши други
Славно въ край свой дорогой.
Лучше съ вѣрою молитесь
За Царя и рать его,
Чаще въ Божій храмъ ходите —
Вы не бойтесь ничего.
Творецъ міра — нашъ Спаситель —
Не оставитъ никогда:
Царь нашъ будетъ побѣдитель,
Вы надѣйтесь навсегда.
Съ нами Богъ! русскихъ
Противъ насъ кто можетъ стать?
Благодать Его надъ нами,
Мы дадимъ имъ то понять¹⁾.

(Казачка М. И. Тушканова).

6.

Рыцарь.

Вѣдьма старая варила
Зелье русское въ котлѣ,

¹⁾ Стихотвореніе это составлено казачкой М. И. Тушкановой въ 1853 — 56 гг., послѣ призыва въ дѣйствующую армію двухъ Уральскихъ полковъ.

И надъ зельемъ говорила:
„Будь, что будетъ на землѣ!“

Скоро сказка говорится,
Дѣло медленно идетъ,
Но въ котлѣ моемъ варится
То, что выступить впередъ.

Изъ холопства, изъ неволи
Выдетъ доблестный чудаецъ;
И поскачетъ въ чисто поле
Русскій рыцарь — мой казаецъ.

Онъ, просѣянный сѣвозъ сито,
Прокаленный на огнѣ,
Выдетъ смѣло и открыто,
Выдетъ съ пивкой на конѣ.

Отъ спѣсиваго боярства
Убѣжить онъ въ курени,
На украиняхъ государства
Разведетъ свои огни.

Онъ повинеть, позабудетъ
Домъ и бѣдную семью...
Страшно праздновать онъ будетъ
Волку буйную свою!

Онъ что встрѣтитъ — опрокинетъ,
Какъ нагорный злой потопъ;
Царство русское раздвинетъ
И на югъ, и на востокъ.

Овладевши вольной степью,
По краямъ страны родной,
Станетъ онъ живою цѣпью
Передъ хищною ордой.

Намекнувъ Руси границы,
Самъ въ предѣлы онъ войдетъ
И усядется въ станицѣ,
И съ семьею заживетъ.

Онъ, полей привольныхъ житель,
Будетъ родину любить;
И, свободы представитель,
Волей сладкой дорожить.

Онъ, цѣны себѣ не зная,
Все-же будетъ удалцомъ
И, изъ славы умирая,
Будетъ славнымъ молодцомъ“.

(„Казачій Вѣстникъ“, 1885 г., № 99. Н. Ф. Савичевъ).

7.

Ураль и его притоки.

Въ азіятскихъ краяхъ
Пораскинулась степь;
И обширная цѣпь
Грань теряетъ въ рѣкахъ.
Эти рѣки текутъ
Перекатной струей
И, рисуясь дугой,
По Уралу идутъ.
Ихъ составъ хоть и малъ,
Но полезень собой:
Наполняетъ порой
Тотъ завѣтный Ураль.
Онъ течетъ съ быстротой,
Вытекая изъ горъ,
И стремнину провель
Широтою степной.

Лишь мутится разъ въ годъ,
Пополняясь водою
И, проворно, весной,
Гонить въ Каспій свой ледъ.

Моетъ берегъ крутой
И частенько рѣить,
Русло роетъ, катитъ
Перекатной волной.

Въ половодье, весной,
На стремящійся ледъ
Любоваться народъ
Соберется порой.

Вотъ мары и холмы
По побережью стоятъ;
Въ нихъ останки лежатъ
Давно бывшей войны.

А приволье рѣки
Завлекаетъ собой,
Прорѣзая струей
Горы, лѣсъ и пески.

Здѣсь спустился рыбакъ
Въ шатвой лодкѣ своей
И несется струей,
Какъ безстрашный морякъ.

А за нимъ, вдоль рѣки,
Смотришь, сѣти плывутъ;
И запутались тутъ
Осетры, судаки.

Часто встрѣтишь весной
На бударгахъ гребцовъ —
Тѣхъ ликихъ молодцовъ; —

Плывутъ съ сѣтью рѣкой.
(Это съ Дона сыны
Удалыхъ казаковъ;
Со Донскихъ береговъ
Здѣсь явились они).

И пріялъ ихъ Явѣ
Всей открытой душой;

Подъ военной рукой
Паль маститый старикъ.
Съ той поры тотъ Яикъ;
Какъ гнѣздо казаковъ,
Межъ своихъ береговъ
Сталъ могучъ и великъ.
Тридцать лучшихъ станицъ
Здѣсь теперь разцвѣли;
Онѣ мѣсто нашли
Безпредѣльныхъ границъ.
Межъ притоговъ его
Есть луга; озера,
А въ степи — хутора;
Изобилъе всего.
Возросли ты, Уралъ,
Тутъ лихихъ казаковъ...
И минувшихъ вѣвовъ
Сохранилъ матерьялъ.
Хоть и много невгодъ
Потерѣлъ ты, Яикъ!
Твой порывъ былъ великъ, —
Вспоминаетъ народъ.
Ты отсель удалил¹⁾
Коренныхъ казаковъ
И лишилъ ихъ павровъ,
Но опять воротил²⁾.
Кочкинъ пиръ³⁾ не забыть;
А Емелья Пугачъ⁴⁾
Не сносишь своихъ плечъ...
— Удержался же быть.

1) При введеніи новаго положенія 1874 года, многие казаки не желали принять его, за что въ 1875—1876 гг. до трехъ съ половиною тысячъ ихъ было лишено казачьяго званія и сослано въ Сибирь, въ Туркестанскій край и въ Оренбургскую губернію.

2) Въ 1881 году, по Высочайшему повелѣнію, сосланнымъ казакамъ разрѣшено было снова вернуться на Уралъ.

3) Кочкинъ пиръ былъ на Уралѣ въ 1806 году, послѣ введенія штата 1803 года.

4) Пугачевскій бунтъ 1774 года.

Но въ дѣйствующіе дни
Высылаешь ты сыновъ
Бить отчизны враговъ...
— Бились жёрко они.

Не жалѣя, булать
Онъ точилъ и пуцалъ;
И враговъ угощалъ
Отъ винтовки прикладъ.

Туркестанъ и Кавказъ,
И Варшава, и Крымъ —
Доказали мы имъ.
Турки знаютъ же насъ;

И французъ не забылъ
Бичъ — двѣнадцатый годъ;
На Березинѣ бродъ,
Гдѣ войска онъ сложилъ.

Тутъ казачьи посты
Ихъ сбивали съ пути
И мѣшали идти,
Сожигая мосты.

И кайсаки твои
Вѣдь не даромъ дались:
Долго съ ними дрались
Мы въ минувшіе дни.

И Ногай и Букой
Съ тобой жить не могли:
Они здѣсь полегли
Отъ военныхъ затѣй.

А за трудъ боевой,
Разливайся, Уралъ..

Тебѣ Царь даровалъ
Знакъ Егорья святой.

Много славныхъ страницъ
Ты себѣ начерталъ;
И враговъ отражалъ
Отъ російскихъ границъ.

Да, кровавый твой путь
Будеть вѣчно лежать,

А на немъ отдыхать
Молодецкая грудь.

Таеъ, родимый, струись,
Дорогая рѣка;
Вспоминая вѣва,
Пей, казакъ, веселись!

(В. А. Чалусовъ).

8.

Багренье.

Сыны Урала дождались
Своей работы годовой:
Корою зимнею покрылся
Яикъ-Горынычъ ихъ родной.

Настало время суетиться
И оживить казачью грудь...
Зима холодная стремится, —
Готовить легкѣй, снѣжный путь.

Приходить войско къ заключеню
И порѣшають рыбаки:
Ятови бить по назначеню,
Внизъ по теченю рѣки.

Сформировались баграчей¹⁾;
Съ зарей по утру поднялись;
Коней ретивыхъ навормили,
Къ ятови быстро понеслись.

Ураль подъ ледянымъ покровомъ,
Храня дары своимъ сынамъ,
Бѣжить, струится передъ ловомъ
И тянетъ парь по полыньямъ.

Для глазъ въ пріятномъ безпорядкѣ
Сошли на берегъ рыбаки.
На ледъ спускали тутъ лопатки,
Багры, и пѣшни и саки.

¹⁾ Рыболовы, ловящіе рыбу баграми.

Порядоѣ войскоѣ заведенный
(Туда назначенъ атаманъ),
А тамъ, гдѣ рубежъ отведенный,
Предѣломъ служить казакамъ.

Давнымъ давно у нихъ ведется:
Подать сигналомъ рыбакамъ
Туда пицаль, снарядъ везется;
Извѣстно это казакамъ.

И вотъ, орудіе поддѣто,
Спустился съ яру командиръ,
А дальше видно... у лафета
При ней назначенъ канониръ.
Замолкло. Тихо надъ рѣкою.
Рядами стали рыбаки.
Необозримой полосою
Ряды пестрѣютъ вдоль рѣки.

Раздался выстрѣлъ, побѣжали,
Стремнину заняли рѣки,
Разбили проруби въ Уралѣ,
Засуетились казаки.

Шумять, гудять, азартъ и ломка.
Вотъ зыбнулъ ледъ, пошла вода
И раздается звонко, громко:
— „Скорѣй, скорѣй, сюда, сюда!“

Въ пылу неистоваго крика
Лихой добычи казаковъ,
Со дна самой рѣки Яика
Влачатъ иеряныхъ осетровъ.

И онъ, кормилецъ, алой кровью
Покроетъ свой разбитый ледъ.
Казакъ, усталый послѣ ловли,
Свою добычу продаетъ.

А тутъ и знамки появились:
Сыны Урала водку пьютъ;
Долины пѣснью огласились...
Они „Яикушку“ поютъ.

Яикъ свой въ пѣсняхъ прославляютъ
Его владѣльцы-казаки.

Съ любовью мирной продолжаютъ
Рыбачить здѣсь, въ своей рѣкѣ.
За трудолюбіе лихое
Такъ награждаетъ казака, —
Цѣня стремленье вѣковое, —
Его любимая рѣка.

(В. А. Чалусовъ).

9.

Рѣка Уралъ.

Уралъ, рѣка моя родная,
Прекрасной родины моей!
Течешь ты быстро, дорогая,
Среди полей, среди степей.

Край прежде былъ странкою дикой
Притономъ лишь однихъ звѣрей;
Просторъ здѣсь всюду былъ великій,
Но не было жилищъ, людей.

Весной тѣнисты роци наполнялись
Ароматомъ травъ, цвѣтовъ;
И лѣтомъ звучно оглашались
Прекраснымъ пѣньемъ соловьевъ.

На днѣ самой рѣки скрывался
Милліонъ бѣлугъ, шиповъ и осетровъ.
Но край все-жъ долго дожидался
Рабочихъ руевъ и рыбаковъ.

Здѣсь на время пріютились
Народъ степной — монголы;
Въ ихъ власти долго находились
Твои лѣса, поля и доли.

Тогда отважно разѣзжали
По морю шайки казаковъ;
Они съ казачьей удалю напали
На пришлыхъ жителей Яицкихъ береговъ.

Въ Сарайчикѣ они непрошены явились;
Гдѣ-жъ было съ ними бороться дикарямъ?
Они имуществомъ и жизнью заплатились,
Уступивъ мѣсто отважнымъ казакамъ.

Потомъ они плыть вверхъ рѣшились,
И, преодолевъ множество преградъ,
Здѣсь воочию убѣдились,
Какой они отырыли кладъ.

Намъ это Божій даръ,
Самимъ себѣ они свазали.
И потомъ, кровью защищали
Ураль отъ непріязненныхъ татаръ.

Въ концѣ-концовъ, татары отступились:
Вѣдь трудно было съ казаками воевать.
Казави-жъ на мѣстѣ новомъ поселились
И стали въ страхѣ, но вольно поживать.

Потомъ здѣсь шла борьба
Съ кочевой киргизскою ордой.
Казави, не щадя крови и труда
Защищали свою свободу и покой.

Наконецъ возрасло населенье,
Казави ужъ стали все сильнѣй;
Умножились форпосты и селенья
И жизнь здѣсь пошла веселѣй.

Теперь забыты времена лихія,
Рѣдо вспоминаютъ подвиги былые;

А на мѣстахъ, гдѣ кровь лилась, —
Теперь вязель прекрасная спелась.

Теперь, безъ страха, всюду развѣзжаютъ,
Заселены ужъ всѣ свободны уголки;
И Уралъ веселой пѣснью оглашаютъ
Его законныя владѣльцы — казаки.

Теперь, въ селеньяхъ, шумны хороводы
Гуляютъ вечернею порой;
Играетъ вольно, на свободѣ,
Людь удалый, молодой.

Киргизы прежде бунтовали...
Но теперь, по-истинѣ сказать,
Они смириѣ много стали,
Хоть и не прочь лошадку своровать.

Теперь уралки смѣло за рѣкою
Съ пѣснями ягоду берутъ;
Идутъ вечернею порою
Къ станицамъ, — пѣсенки поютъ.

(„Уральскія войсковыя вѣдомости“, 1881 г., № 47, Александръ Любимовъ).

. 10.

На яру.

Вечерь; солнце на закатѣ;
Чудно, тихо все вокругъ.
Сѣлъ у яра я, на скатѣ, —
Наши, кажется, плывутъ.
Тихо ваятся бударки,
Тихо веслами гребутъ...
Мѣрной поступью уралки
Съ яра за водой идутъ...
Свищетъ коршунъ за рѣкою;

Воронъ каркаетъ въ лѣсу;
И мартышка надъ водою
Вьется, съ рыбкою въ носу.
Но вотъ, солнце закатилось;
Тухнетъ алая заря;
Хоть картина измѣнилась, —
Это лучше для меня:
Лѣсъ одѣлся чудной мглою,
По форпосту — огоньки;
Птиць не видно надъ рѣкою,
Смольели... спать ужъ знать онѣ...
Но проснулась надо мною
Звѣздъ веселая семья.
Слышны стали за рѣкою
Пѣснь и трели соловья.

(Л. С. Алексѣевъ).

11.

Къ Пасхѣ.

(Морское рыболовство).

Бушуетъ Каспій цѣлый день,
Реветь и свищетъ вѣтеръ южный;
Мельбаеетъ парусъ, словно тѣнь
И лодку мчитъ онъ съ вѣтромъ дружно.

Сидить, согнувшись, на кормѣ,
Въ овчинной шапкѣ и халатѣ,
Старикъ - уралець и, въ дремѣ,
Проводить время, будто въ хатѣ.

А лодкой править, какъ большой,
Киргизъ-работникъ, малолѣтокъ.
Отдавшись дѣлу всей душой,
Забылъ про все онъ, кромѣ сѣтокъ.

И какъ забыть ему про нихъ,
Когда не спалъ онъ съ ними ночи:
Бывало, вѣтеръ чуть притихъ,
Онъ — въ челнѣ, и рвется, что есть мочи.

Отъ сѣти къ сѣти, и багромъ
Изъ нихъ онъ рыбу выбираетъ;
А гибель подлѣ и кругомъ...
Волна, какъ щепвой, имъ играетъ.

Но цѣпко держится рыбакъ...
Тутъ третій съ ними есть — у люба,
Укрывшись сѣтью кое-какъ,
Лежитъ внученоеъ старца. Скука

Заставила ребенка спать
Подъ свистъ и гулъ морской тревоги;
А-то бы дѣду не дремать,
Сквозь сонъ разъ сто сводя итоги

Тому, что добыто трудомъ.
Икры и рыбы съ нимъ довольно, —
Не съ голыми руками въ домъ
Вернется къ пасхѣ, гдѣ привольно

Съ семействомъ праздникъ проведетъ.
А тамъ опять, собравшись съ силой,
Онъ въ море щедрое уйдетъ.
Но вотъ и берегъ тотчасъ милый,

Родной, казачій берегъ! — „шеоть“ ¹⁾
Отдай! ²⁾ кричитъ старикъ балайкѣ ³⁾.

¹⁾ Веревка, которою передвигаютъ и устанавливаютъ парусъ.

²⁾ Ослабъ, отпусти.

³⁾ У киргизъ „бала“ — мальчишъ. Уральцы передѣляли его на слово „балайка“, что значить слуга, работникъ, мальчишка.

Проснулся внукъ и, словно котъ,
Юркнулъ въ кормѣ. „Готовъ двѣ чалки, ¹⁾

Да тамъ, смотри мнѣ, не зѣвай:
Скорѣй отвязывай подъемный, ²⁾
А послѣ парусъ собирай!“
И въ мигъ все сдѣлалъ внукъ поворный.

А дѣдъ, межъ тѣмъ, стальной рукой
Владѣлъ рулемъ, игрушкой ровно.
И тутъ-же радость и покой
Ему на-встрѣчу шли проворно...

(„Казачій Вѣстникъ“, 1886 г., № 11, Н. Мергасовъ).

12.

Военная слава
Минувшихъ вѣковъ
Воскресла и встала
Въ средѣ казаковъ.

То слава казачьихъ
Походовъ лихихъ,
Увѣнчанныхъ кровью
Трудовъ боевыхъ.

Наградой за службу,
За вѣрность царямъ,
Свершился подарокъ
Урала сынамъ.

Прославлено имя
Твое, нашъ Уралъ:

¹⁾ Веревки, которыми притягиваютъ и привязываютъ къ берегу лодку.

²⁾ Канатъ, которымъ поднимаютъ и спускаютъ парусъ.

Священное знамя
Намъ Царь даровалъ!

Сейчасъ выносили
Хоругвь ту въ парадь;
Надъ ней совершили
Священный обрядъ.

Подъ музыки звуки
Начальники шли;
Въ строю кавалеры
Знамена несли.

Съ значками шли взводы
Съдыхъ стариковъ,
Испытанныхъ въ битвахъ
Лихихъ казаковъ.

И тутъ казачата —
Питомцы войны —
Такъ стройно, такъ браво
Шагали они!

Священный молебенъ
Какъ только свершили, —
Въ порядкѣ и стройно
Войска проходили.

Священное знамя
Сребристой канвой
Игриво блистало
Отъ солнца порой.

Прекрасная надпись
Хоругви святой —
Ты славная запись
За трудъ боевой.

Мы всё тутъ, уральцы,
Читали тотъ слогъ,
Родныя для сердца
Тѣ нѣсколько строкъ!

Священное знамя,
Награда трудамъ,
Былыя побѣды
Напомнило намъ.

Мы вспомнили дѣдовъ,
Былыхъ казаковъ,
Оплоть государства
И страхъ всѣхъ враговъ.

А внуки? и внуки
Все также живутъ...
Лишь много сложнѣе
Строй славный ведутъ.

Съ восторгомъ пріявши
Награду царей,
Мы вправѣ гордиться
Заслугой своей.

И въ память потомкамъ
Сей славный вѣнецъ
Да-будетъ завѣтомъ
Казачьихъ сердець!

Такъ, твердою грудью,
Любовью горя,
Мы стали подъ знамя
Роднаго Царя ¹⁾).

(В. А. Чалусовъ).

¹⁾ Стихотвореніе это написано по поводу освященія въ городѣ Уральскѣ, 22 іюня 1885 года, Высочайше пожалованнаго Уральскому войску войскового георгіевскаго знамени.

13.

Казачьи этюды.

I.

Астрахань — царство
Въ царствѣ родномъ!
Сколько богатства
Въ царствѣ твоёмъ!
Волга — царица,
Каспій — твой царь,
Стража — станица...
Вспомни-ка старь!
Прежній твой баринъ:
Дикій калмыкъ,
Наглый татаринъ
Грабить отвыкъ.
Стихъ и ордынецъ —
Ближній сосѣдъ,
Степи любимецъ,
Жадный до бѣдъ.
Воля живила
Духъ казака:
Вотъ и остыла
Злая рука.
Слава казакамъ
Волги сынамъ!
Вѣчнымъ служакамъ.
Вѣчнымъ бойцамъ.
Астрахань — царство!
Храбрый казакъ
Лучше богатства, —
Слышалъ я такъ.

II.

Всюду: гдѣ Терекъ
Грозно гремитъ;

Дона гдѣ берегъ
Плугомъ изрытъ;
Нравомъ гдѣ силенъ
Славный Уралъ;
Всѣмъ гдѣ обилень
Стражникъ Байкаль, —
Буду я стойко
Правду твердить,
Стану я громко
Волю будить.
Въ хилой избенѣ
Дѣло скажу,
Въ каждомъ ребенѣ
Искру вложу —
Искру сознаний,
Всѣмъ намъ святыхъ,
Силу познаний,
Всѣмъ намъ благихъ.
Буду доволенъ
Дѣломъ своимъ,
Буду я воленъ
Словомъ моимъ.

(„Казачій Вѣстникъ“, 1886 г., № 12, Н. Мергасовъ).

14.

Сегодня мы прощальнымъ пиромъ
Веселый видъ придать хотимъ
Разлуку съ добрымъ командиромъ...
Но грустно намъ разстаться съ нимъ.

Мы расстаемся съ сожалѣньемъ
Съ тобой, нашъ добрый Атаманъ,
Ты намъ царемъ и провидѣньемъ,
На счастье и на славу данъ.

Съ тобой разлука — для насъ бремя,
Любимецъ нашихъ ты сердцецъ!

Пусть будетъ свой отъѣздъ на время,
Скорѣй къ намъ возвратись, отецъ.

Не долгъ одинъ повиновенья
Заставилъ насъ тебя любить:
Ты самъ въ себѣ любовь, почтенье
Умѣлъ добромъ своимъ внушить.

Ты войску крѣпкою опорой
Съ стараньемъ, съ честію служилъ,
И былъ всегда ходатай скорый,
Кто помощи твоей просилъ.

Мы съ благодарностію цѣнимъ
Всѣ попеченія твои...
Въ разлукѣ съ нами не забудемъ
Тебя въ почтеньи и любви.

Въ странѣ, которою ты правилъ,
Всякъ вспомнить о тебѣ готовъ:
Ты въ память о себѣ оставилъ
Плоды ума, плоды трудовъ.

Дай Богъ, чтобъ къ намъ благополучно
Ты возвратился на Уралъ,
И жилъ бы съ нами неразлучно
И войскомъ нашимъ управлялъ¹⁾.

(Н. Ф. Савичевъ).

15.

Иканскому герою, В. Р. Сѣрову.

Хвала тебѣ, герой Икана!
Ты славу предковъ воскресилъ:

¹⁾ Стихотвореніе это написано по поводу отъѣзда въ 1844 году изъ войска наказного атамана, Матвѣя Львовича Кожевникова.

Твой славный подвигъ въ Туркестанѣ
Отчизну нашу удивилъ.

Съ тобою храбрыхъ сто уральцевъ,
За славу родины святой,

Съ десяткомъ тысячей боканцевъ
Трехдневный выдержали бой!

Теперь, въ день битвы подъ Иваномъ,
Ты среди насъ, въ семьѣ родной...

Позволь же чоенуться бокаломъ,
Сказавъ: хвала тебѣ, герой!

(И. В. М.).

(„Уральскія войсковыя вѣдомости“, 1872 г., № 50).

16.

Здравствуй, нашъ герой хивинскій,

Здравствуй, добрый атаманъ!

Ты шагнулъ по исполински

Черезъ песчаный океанъ.

Черезъ песчаный, невредимый,

Какъ степной летѣлъ орелъ;

Ты Усть-Уртъ непроходимый

Быстро съ войскомъ перешель.

Черезъ огонь, но не черезъ воду, —

Шель ты чуть не безъ воды;

Покоривъ въ степи природу,

Нападеніе орды.

Много времени не тратя,

Войска храбраго въ главѣ,

Ты и во время, и кстати,

Первый подступилъ къ Хивѣ.

Врагъ не вѣрилъ ужъ надеждѣ,

Но сразился разъ иль два;

Передъ кѣмъ же пала прежде

Недоступная Хива?

Никакихъ о томъ извѣстій

Въ нашей прессѣ вовсе нѣтъ:

Но отдать кому дань чести,
Знаемъ мы и безъ газетъ.
Здравствуй, нашъ герой хивинскій,
Нашъ уральскій атаманъ!
Ты, чрезъ подвигъ исполинскій,
Добылъ чудный талисманъ:
Талисманъ тотъ — духъ геройскій,
Преклоняющій сердца.
И намъ любо встрѣтить въ войсѣхъ
Атамана-молодца.
Честь и слава атаману,
Поворителю Хивы,
Съ бою вынесшему рану
И почтенный гласъ молвы? ¹⁾

(Н. Ф. Савичевъ).

17.

Покорителямъ Хивы.

Товарищи, герои, львы
И вы-жъ спасители Хивы!
Родные — по семьѣ казацкой,
По мысли, чувству, по закону,
И по замашкѣ заливчатсой —
Родня по быстрому Уралу!
Давно, давно мы ждали васъ,
Чтобъ, при веселой нашей встрѣчѣ,
Сказать вамъ искреннія рѣчи.
И вотъ, насталь желанный часъ,
Когда мы жмемъ другъ другу руки,
Послѣ долгой, но не горестной разлуки.
Скажу, что слѣдуетъ сказать,

¹⁾ Стихотвореніе это было посвящено бывшему наказному атаману, генералъ-лейтенанту Н. А. Веревкину, при возвращеніи его, въ 1873 году, изъ хивинской экспедиціи.

Что вы такъ вѣрно заслужили,
Что должно въ лѣтопись вписать:
Вы подвигъ славный совершили.
Да, совершили подвигъ славный,
По волѣ мудрости державной; —
Вспомянемъ: предокъ нашъ, Нечай,
Хивѣ пожертвовалъ на чай...
Но онъ стремился за добычей:
Тогда таковъ былъ нашъ обычай.
Погибли наши всѣ отъ пуля,
Изъ дѣла вышелъ одинъ нуль.
Потомъ, князь Бековичъ-Черкасскій
Въ Хивѣ былъ встрѣченъ хитрой лаской;
Повѣривъ честности ордынской,
Въ Хивѣ онъ золота искалъ;
Но, по кичливости хивинской,
Онъ тамъ, какъ Бековичъ, пропалъ.
Перовскій, въ наши времена,
Опутанъ лестію лукавой,
Свершилъ походъ съ плохою славой,
И собралъ злыя сѣмеца.
А вамъ не та досталась доля:
Черезъ вѣрныхъ слугъ и въ добрый часъ
Монаршая, святая воля,
Свершилась нынѣ черезъ васъ.
Да здравствуетъ Романовъ домъ,
А съ нимъ — Россія и уральцы!
О! съ русскимъ, доблестнымъ Царемъ,
Мы хоть кому обрубимъ пальцы!..
Смотрите, добрые друзья,
На результатъ побѣды вашей
(Мысль эта всѣхъ, а не моя):
Что можетъ быть честнѣй и краше,
Какъ подвигъ взятія Хивы,
Который совершили вы?!
Гнѣздо разбойниче вы взяли,
Гнѣздо невѣждъ, тирановъ и рабовъ...
И взамѣнъ того имъ дали

Свободы, знанія покровъ!..
А то-бъ они по прежнему коснѣли
Въ невѣжествѣ и рабствѣ, — да, —
Тамъ цѣпи рабства бы гремѣли
Во вѣкъ, до страшнаго суда.
Не дорого, что вы Россіи подарили
Земельбу въ нѣскольбо шаговъ:
Нѣтъ, вы хивинцевъ покорили,
Какъ просвѣщенія враговъ;
Вы воскресили ту страну,
Гдѣ, въ тяжкомъ рабствѣ и плѣну,
Гнелись рабы, гнелся народъ,
Гдѣ доселѣ царство тьмы
Давило волю и умы, —
И гдѣ теперъ свободы лучъ блеснулъ...
Вотъ что не тлѣеть, не продажно,
Вотъ что, товарищи, намъ важно!.. ¹⁾

(„Уральскія войсковыя вѣдомости“, 1873 г., № 42. Н. Ф. Савичевъ).

18.

То старина, то и дѣянье:
Морю Каспію на угѣшенье,
Быстрому Яику слава до моря,
Добрымъ людямъ на послушанье,
Уральскимъ казакамъ на потѣшенье.

(„Библиотека для чтенія“, 1860 г., № 2, стр. 62, Л. И. Желѣзновъ).

¹⁾ Стихотвореніе это было посвящено лично авторомъ казакамъ, возвратившимся въ октябрѣ мѣсяцѣ 1873 года изъ Хивинской экспедиціи на Уралъ.

ОТДѢЛЪ VIII.

ПѢСНИ РАЗНЫХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

Бывшаго запорожскаго казачьяго войска.

Гей летала возуленька по Украинѣ;
 Гей ронила сивы перья по долинь;
 Ой, якъ тяжко сивымъ перьямъ по долинь,—
 Еще тяжче сиротинци на чужбинѣ.
 Ходить голубъ надъ водою гукаючи,
 Своей милой голубоньки шукаючи:
 „Та чи спишь ты, сердце мое, та чи чуешь,
 Шо-жь до мене, сердце мое, не говоритъ?
 Якъ я маю, сердце мое, не говорити:
 Лежить нелюбъ на рученци, буде бити!“
 „Ой вотсунься, сердце мое, вотъ нелюба,
 Застрѣлю нелюба зъ лука, якъ голуба“.
 Ой, чи забьешь, сердце мое, чи не забьешь,
 „За все ты сердцу моему жалю завдаешь.
 „Покинь батька, покинь мати и всю родину,
 Иди зъ нами-казаками на Украину:
 На Украинѣ суха рыба и зъ шафраномъ, —
 Будешь жити за казакомъ, якъ за паномъ;
 А на Польшѣ суха рыба и зъ водою,—
 Будешь жити съ вражьимъ ляхомъ, якъ зъ бѣдою“.

(Сборникъ пѣсенъ Сахарова, 1839 года).

2.

Хорый козакъ, хорый козакъ, видай, хоче вмерти:
„Ой, идите, приведите, дивчину до смерти“.
„Ой, видай, ты, козаченьку, не въ правдѣ вмираешь,
Що ты собѣ передъ смертю дивчину желаешь!“
Умеръ козакъ, умеръ козакъ и козацка мова,
А лешився конь вороний и ясная збруя.
Ой, сошлися козаченьки до единой хаты,
Ой, сошлися козаченьки, кому коня дати.
Сотникова коня дати, гетьманови збрую,
Щобъ позволивъ поховати козака зъ стрѣльбою.
Тѣло везуть, коня ведутъ, конь головоньку клонить,
А дивчина за козакомъ бѣлы руки ломить.
Ломить ручки, ломить ручки и мизельны пальци:
„Ахъ, вже-жъ нема и не буде такого воханья!
Чошусь мене моя мати рано не сбудила,
Коли его компанія зъ мѣста выходила?
„Для того тя, моя доню, рано не сбудила, —
Любила-сь ихъ компанчика, то бы-сь не тужила.
Подивися, моя доню, въ вышнюю хватыру, —
Спускаются козаченьки зъ горы на долину...

3.

Сѣдитъ козакъ на могилѣ, тай думку думает,
На Украину поглядое, тяженько вздыхает:
А ни вѣтеръ ни віе, ни солнце не грѣе,
Ено краемъ край Дунаю трава зеленѣе.
Высока могила зъ вѣтромъ говорила:
— „Не вѣй вѣтре, буйнисенькій, щобъ-мъ не чернѣла!“
„Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла,
Що мене молодого въ чужій край занесла;
Бодай тота рыбаць не съ родила,
Що мене молодого съ милою разлучила“.
Тамъ на горѣ рѣченька, на рѣченьци кладка:

„Не покидай, мой миленькій, старенькаго батька:
Якъ батька покинешь, марненько залинешь,
Быстронькою рѣченькою на Дунай поплинешь,
И весельце сгубишь, будешь потанати,
Я у втобѣ не смогу бѣлу ручку дати!“

4.

Донскаго казачьяго войска.

Кукушечка соловушку журила, бранила:
Ты глупенькій, неразуменькій, молодой соловей!
Не вей ты, не вей гнѣздышко, не вей при дорожкѣ,
Ты свей тепло гнѣздышко, ты свей при долинеѣ,
При зеленой при травинкѣ, при мелемомъ лѣсочкѣ,
Никто твое теплое гнѣздышко, никто не разорить.
На Дону, подъ горой, стояла темна темница,
Безъ дверей, окошекъ, съ одной трубочкой съ дымовой,
Сидѣлъ тутъ посаженной разудаль-добрый-молодецъ;
Никто-то къ нему не взойдетъ, никто ни заѣдетъ,
Взошла къ нему, да заѣхала гостья дорогая,
Не гостья дорогая, матушка родная.
За что тебя, мило дитятко, въ тюрьму посадили?
Посадили меня, добра молодца, за казачью дочку.
Еще долго-ль, мое дитятко, во тюрьмѣ сидѣть тебѣ?
Сидѣть-то мнѣ, родна матушка, тридцать три годочка.
Не можно-ль тебѣ, родна матушка, заступиться?
Не можно-ль тебѣ, родна матушка, откупиться?
За выкушеу, родна матушка, ровно восемь тысячъ.
Золотой казны у насъ, дитятко, неостанетъ,
Добры кони у насъ, дитятко, притомились,
Цвѣтно платьѣ у насъ, дитятко, приносилось,
Друзья, братья, товарищи отступились.

(Сборникъ пѣсенъ Сахарова 1839 года).

5.

Платовъ тайно у французовъ.

Ты Россеея, ты Россеея,
Ты Россейская земля!
Про тебя-ли, мать Россеея,
Далеко слава прошла;
Про Бѣлаго про Царя,
Про Платова казака;
У Платова казака —
Не острижены власа
И не брита борода!
Чрезъ законъ Платовъ ступилъ,
Себѣ бороду обрилъ:
У француза въ гостяхъ былъ;
Французъ его не призналъ,
За купчика принималъ,
За бѣлыя руви бралъ,
За убранный столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Его выпить приглашалъ:
„Ужъ ты, купчикъ, мой голубчикъ,
Ты проѣзжій молодецъ!
Выпей рюмку, выпей двѣ.
Я у васъ въ Москвѣ бывалъ,
Генераловъ много зналъ,
Одного только не зналъ
Я Платова казака!
Кто-бъ Платова показалъ,
Тому-бъ много казны далъ!“
Ему Платовъ отвѣчалъ,
Что-бъ казны онъ не терялъ:
Вамъ казну на что терять?
Можно такъ его видать —
Онъ вѣдь ростомъ недоростокъ,
Ровно братецъ мой родной,

Отца-матери одной“.
У француза дочь Арина
Съ кушомъ рѣчи говорила:
„Ужь ты, купчикъ, мой голубчикъ,
Покажи мнѣ твой портретъ!“
Платовъ портретъ показалъ,
Изъ палаты вонъ бѣжалъ;
Онъ на крыльчикъ выбѣгалъ,
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
„Ужь вы, слуги, мои слуги,
Вы донскіе казаки,
Вы товарищи мои!
Вы подайте мнѣ коня,
Коня быстрого мово!“
На коня Платовъ садился,
Самъ съ насмѣшкой говорилъ:
„Ты ворона, ты ворона,
Ты французскій Бонапартъ!
Не умѣла ты, ворона,
Сокола въ когтяхъ держать!
Выѣзжай-ка ты, ворона,
Во чисто поле гулять
И съ Платовымъ воевать! ¹⁾

(Донскія нѣсни Пивоварова, 1885 года, стр. 103).

¹⁾ Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, природный казакъ войска Донского, отличался храбростью и умомъ сначала въ схваткахъ съ горцами, а затѣмъ въ войнахъ съ европейскими народами. Особенно выдался онъ впередъ между русскими полководцами въ отечественную войну, руководя отдѣльными казачьими силами. За боевые подвиги въ массѣ дѣлъ съ французами онъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство. Платовъ умеръ въ 1818 году, погребенъ близъ Новочеркасска. Въ самомъ Новочеркаскѣ воздвигнутъ ему памятникъ изъ бронзы съ надписью: „Атаману графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годъ.—Признавательные Донцы“. Въ отечественную войну 1812 года донцы выставили 35000 всадниковъ, въ рядахъ которыхъ были „убѣленные сѣдиною старики, ихъ дѣти и внуки“. За эту кампанію летучимъ казачьимъ корпусомъ атамана Платова убито болѣе тысячи офицеровъ и до сорока тысячъ нижнихъ чиновъ, отбито 15 знаменъ,

Терснаго казачьяго войска.

Полнымъ сердцемъ торжествуя,
Богу славу воздаютъ,
Предъ Царемъ-отцомъ ликуя,
Терцы весело поютъ.

Говорятъ всѣ: слава Богу!
Нынче такъ же, какъ и встарь,
Нашу бранную тревогу
Не забыть нашъ Государь
Самъ своимъ державнымъ словомъ
Онъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ, въ бою суровомъ,
Жизнь воспитывала насъ.

Гдѣ въ скалахъ, въ лѣсахъ дремучихъ
Горцы съ нами споръ вели;
Но у насъ, въ рядахъ могучихъ,
Отступленья не нашли.

Гдѣ издревле наши дѣды
Прорубалися въ горахъ,
Съ громомъ битвы и побѣды
Шли впередъ за шагомъ шагъ.
Смерть и раны презирали,
И въ свой смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали,
Чтобъ идти по ихъ слѣдамъ.

И въ Чечнѣ, и въ Дагестанѣ,
Гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалось по ранѣ
И на нашихъ удалцовъ.

364 пушки, 1166 зарядныхъ ящиковъ и, кромѣ того, представлено, для украшенія С.-Петербургскаго Казанскаго собора, болѣе 60 пудовъ серебра, отбитаго у французовъ (Русская старина 1877 года).

Вѣдь Кавказъ добыть не шутя:
Храбрый тамъ гнѣздился врагъ,
Приходилось часто жутко,
Крови стоилъ каждый шагъ.

Но забыты еровъ и пламя:
Царь насъ милостью почтилъ.
И вотъ, вѣрнымъ терцамъ знамя,
Изъ руки своей вручилъ.
Знамя царское святое,
Мы поднимемъ высоко
И, въ завѣтъ нашъ, въ ретивое,
Врѣжемъ, братцы, глубоко:
Вѣрой, правдой, достославно
Царскій тронъ оберегать,
Крестъ высоко православный
Надъ луною воздвигать.

Да склоняя взоръ свой къ терцамъ,
Какъ отецъ къ своимъ сынамъ,
Царь возрадуется сердцемъ,
Братъ спасибо скажетъ намъ.

7.

(Сунженскаго полка).

Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой:
Изъ набѣга удалого
Ѣдутъ сунженцы домой.
Много плѣна и добычи
Ими взято у враговъ,
Ихъ вождемъ былъ храбрый воинъ,
Генераль-майоръ Слѣпцовъ.
Вотъ они ужъ близъ станицы...
Ѣдутъ, свищутъ и поютъ;
Жены, старцы и дѣвицы
Всѣ на-встрѣчу къ нимъ идутъ.

Градомъ сыплются вопросы
Изъ толпы со всѣхъ сторонъ:
Живъ ли мужъ мой? мой сыночекъ?
Живъ ли братецъ мой родной?

Всѣ казаки веселятся
И спѣшать подъ кровь родной —
Среди милого семейства
Найди отдыхъ и покой;
Лишь одинъ казакъ не весель:
Онъ былъ круглый сирота, —
И чело его туманить
Грусть и горькая мечта.

Лучше-бъ палъ на бранномъ полѣ
И не ѣхалъ бы домой;
Все равно — его кончина
Не оплачется слезой.

(Сборникъ пѣсень К. Вульфа, 1870 года).

8.

Кубанскаго казачьяго войска.

Ой, на гори, гори
Да жнецы жнуть,
А по пидь горою, по пидь зеленою
Казаки идутъ.

А по переду Дорошенько
Вадэ свое вѣйско,
Вадэ запорожско —
Хорошенько!

А по середу панъ хорунжий;
Подъ нымъ коныченью,
Подъ нымъ вороненькѣй —
Сильно дужый!

А по заду Сагайдачный,
Що промѣнявъ жинку,
За тютюнъ да люльку
Необачный!

Гей, вернися, Сагайдачный,
Возми свою жинку,
Отдай мэнэ люльку
Необачный!

Мэнэ съ жинкой не возитця,
А тютюнъ да люлька
Казаеу въ дорози
Знадобытця.

Ой, кто въ лиси, витзовися!
Да выерышимъ огню,
Да запалимъ люльки —
Не журися!

(Сборникъ пѣсень К. Вульфа, 1870 года).

9.

Оренбургскаго казачьяго войска.

Какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
По утру-то рано нашъ атаманушка
Рано пробуждался,
Онъ со травыньки, со муравыньки
Росой умывался,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенчикомъ
Сухо вытирался,
Онъ московскому Чудотворчику,
Богу помолился,
Онъ на всѣ-то, на четыре, на сторонушки
Низко поклонился,
На добра-то коня нашъ атаманушка
Онъ скоро садился,
Къ своему-то полю нашъ атаманушка
Скоро подъявился.
— „Вы здорово-ли мои братцы-казаченьки
Спали-ночевали!
Какъ я-то одинъ, добрый молодецъ, спалъ

И не здоровъ всталъ.
Я ходилъ-то, гулялъ, добрый молодецъ,
По край синя-моря,
Какъ и я-то, добрый молодецъ,
Въ сине-море остуился,
Остуился въ сине-море я
За калиновъ кустъ схватился ¹⁾...
(Окончанія нѣтъ).

(Сообщилъ вахмистръ Петръ Звѣздинъ изъ Велико-Петровской станицы).

10.

Вспомнимъ, братцы, оренбурцы,
Какъ стояли подъ Тивой:
Мы разбили басурмана
Ружьемъ, пашкой и копьемъ.
А текинцы запирались
Въ большой крѣпости своей;
Наши воины старались
Выбивать оттуда ихъ.
Нашъ командующій войсками,
Храбрый Скобелевъ второй,
Скоро выступилъ онъ съ нами,
Сынъ отечества, герой.
Прошли много укрѣплений
На пути къ Геокъ-Тепе:
Вдалекѣ мы увидали
Земляной большой курганъ.
Гололобые текинцы
Днемъ носились по горамъ,
На ночлегъ же собираясь
Разъѣзжали по пескамъ.

(Сообщилъ вахмистръ Петръ Звѣздинъ).

¹⁾ Пѣсня эта, по словамъ сообщившаго ее, принадлежать къ числу старинныхъ.

11.

Сибирскаго казачьяго войска.

Утромъ рано, весной,
На редутъ вѣрстойной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый. (2)
Брякнулъ пашки кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ,
И раздулъ онъ фитиль догорѣлый. (2)
Онъ у пушки стоитъ,
Самъ на вѣрстой глядитъ,
Сквозь прозрачныя волны тумана. (2)
Вотъ мелькнулъ бѣлый флагъ
У высокихъ палатъ
Удальца-молодца атамана (2)
И съ веселымъ лицомъ,
Осѣннвшись крестомъ,
Онъ надъ мѣдною пушкой склонился: (2)
Пламя брызнуло струей,
Дымъ разлился волной
И по вѣрстой гулъ прокатился. (2)
— „Чу! съ редута палать,
Знать собираться велятъ!“
Казакъ казакамъ закричали. (2)
Пашки въ мигъ на ремень,
Папахи на бекрень
И на площадь бѣгомъ побѣжали!
— Что, ребята, палать,
Не въ виду-ль супостатъ?
Не въ походъ ли идти заставляють? (2)
Наши пашки остры,
Наши кони лихи,
Наши ружья въ мишень попадаютъ. (2)
Нашъ безрукій отецъ, —
Атаманъ молодець, —

Поведеть насъ своей головою. (2)
Съ нимъ и въ зиму — весна,
Съ нимъ и смерть намъ красна,
Казаки говорятъ межъ собою. (2)
— „Тише, стройтесь въ ряды,
Онъ поѣхалъ сюды!“
Казакамъ такъ хорунжій вѣщаетъ; (2)
Ходить взадь и впередъ,
Командирство ведетъ
И въ ряды казаковъ уставляетъ. (2)
Какъ сибирскій буранъ,
Прискакалъ атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе. (2)
Онъ на сивомъ конѣ,
Карабинъ на спинѣ,
Въ торокахъ пистолеты двойные; (2)
Киверъ съ бѣлымъ перомъ,
Грудь горитъ серебромъ,
Заваленная пашеа булатна. (2)
Онъ коня осадилъ,
Сивый усъ закрутилъ,
И сказалъ намъ: „здорово ребята!“ (2)
Завтра солнца на восходъ
Собирайтесь въ походъ
У степныхъ дикарей жечь аулы. (2)
Какъ на эту орду,
Я васъ самъ поведу,
А за мною пойдутъ есаулы! (2)
Вдругъ „ура! атаманъ!“
Разнеслось по рядамъ
И казачія кровь заиграла: (2)
Громео пашки гремятъ,
Кивера вверхъ летятъ,
И вся площадь, какъ море, завыла. (2)
Вотъ къ обѣднѣ звонять...
Казаки — мигомъ въ рядъ
И пошли въ Божью церковь молиться. (2)
Вотъ повлономъ земнымъ

Повлонился святымъ
И въ честному вѣсту приложился. (2)
На другой день, съ зарей,
Грянуль гуль вѣстовой, —
Казаки лошадей выводили. (2)
Гуль второй разнесся, —
Казаки — на сѣдло,
А за третимъ — на площадь спѣшили. (2)
Шумно строятся въ рядъ,
Громко пашки гремятъ
Развѣвалось казачіе знамя. (2)
Кони быстрые бьютъ,
Пыль копытами вьютъ,
И въ очахъ ихъ свирѣпое пламя. (2)
Вотъ раздался сигналъ:
Пономарь застучаль,
И церковны врата отворились. (2)
— „Кивера всѣ долой!“
Закричалъ удалой
Есаулъ. Кивера опустили. (2)
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И „всемирную славу“ запѣли. (2)
— „Призовемъ Бога силъ!“ —
Іерей возгласилъ —
„И святую хоругвь въ ополченье“. (2)
Онъ по ряду ходилъ,
Ополченье кропилъ
Онъ священной водой изъ купели. (2)
Какъ окончивъ обрядъ,
Возвратился назадъ,
И слезами глаза омочились. (2)
Тихо старцы пошли,
Образа унесли
И церковны врата затворились. (2)
Всѣ — какъ пламя огня;
Атаманъ — на коня
И тяжелыми брянуль ножами. (2)

Вдругъ блеснулъ, какъ стекло,
Длинный мечъ наголо;
И пошелъ молодцомъ предъ рядами. (2)
Обскакавъ казаковъ,
„Съ Богомъ дѣти!“ сказалъ.
Казаки на сѣдло поднялися... (2)
Засверкали мечи,
И орлами усачи
Какъ на пирь — на войну понеслися. (2)
(Сообщилъ Александръ Коворевъ).

12.

Забайкальскаго казачьяго войска.

А за славнымъ было, батюшкой, за Байкаломъ-моремъ,
А и вверхъ было по матеѣ, Сентъ-рѣеѣ,
Изъ верхняго острогу Селенгинскаго,
Только высылка была удалымъ молодцамъ,
Была высылка добрымъ молодцамъ,
Удалымъ молодцамъ, селенгинскимъ казакамъ;
А вторая высылка посольскимъ стрѣльцамъ:
На поддачу имъ даны были табунщики-мужики,
Табунщики-мужики, люди ясашные.
Воевода походилъ у нихъ Федоръ, молодой Дементьяновичъ,
Есауломъ походилъ у него братъ родной,
А по имени Прокофій Козеевъ молодець. —
Переправились казаки за Селенгу за рѣку,
Опускалися на улусы на мунгальскіе.
По грѣхамъ надъ улусами учинилося:
Они ѣздили за звѣрями облавами;
Они туто казаки усмѣхаются,
Раззорили всѣ улусы мунгальскіе:
Они женъ, дѣтей мунгаловъ въ полонъ взяли,
И весь шварбъ и животъ отобрали у нихъ.
Они стали казаки переправлятися
На другую сторону за Селенгу за рѣку,

Опилися кумысу — кобыльего молока.
Изъ-за того было бѣлаго камня
Какъ бы черные вороны налетывали,
Набѣгали тутъ мунгалы изъ чиста поля —
Учинился тутъ бой, драка великая:
Они женъ дѣтей мунгалоеъ отбили назадъ,
И прибили казаковъ много до смерти,
Вдвое, втрое казаковъ ихъ переранили,
Табунщики-мужики на побѣгъ ушли,
Достальныхъ казаковъ своихъ выдали.
А придутъ казаки въ Селенгинскій острогъ,
По базарамъ казаки тамъ похаживаютъ,
И все хвастаютъ казаки: „Селенгински молодцы“,
И своими широкими бердышами
Все похваляются.

(Сборникъ пѣсень Сахарова 1839 года).

13.

Амурскаго казачьяго войска.

Во Сибирской во украинѣ,
Во Дуарской сторонѣ,
Во Дуарской сторонѣ —
И на славной на Амурѣ на рѣкѣ,
На устьѣ Комары рѣки
Казаки Царя Бѣлаго
Острогъ себѣ поставили,
Ясакъ Царю собрали.
Изъ-за сабли остря
Изъ-за крови горячи казаки.
Кругъ острогу Комарскаго
Они глубокой ровъ вели,
Высокой валъ валили,
Рогатки ставили,

Челноѣ колотили,
Смолы приготовили.
По утру рано-ранешенько,
Ровно двадцать пять человекѣвъ,
Выходили молодцы,
На Амурь славну рѣку,
Неводочками шелковыми
Рыбу свѣжую ловить.
Какъ несчастьице случилось
Съ удалыми казаками тамъ:
Издадече, издадече,
Изъ чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Изъ хребта Шингалинскаго,
Изъ-за бѣлаго камня,
Изъ-за ручья глубокаго,
Выкатилося знамечко —
Большое Богдойское;
И знамя за знаменемъ идетъ;
А роты за ротами валятъ;
То идетъ Богдойскій князекъ,
Онъ съ силою поганю —
Къ острогу Комарскому.
Какъ вешняя вода
По лугамъ разливалася,
Облелѣяла сила поганая
Вокругъ острога Комарскаго.
Отрѣзали у казаковъ
Ретиво сердце со печенью:
Полонили молодцовъ,
Двадцать пять человекѣвъ,
Съ шелковыми неводочками
И съ рыбою свѣжею. —
И какъ ѣздилъ Богдойскій князь.
На своемъ добромъ конѣ,
И леталъ какъ черный воронъ
Кругъ Комарскому острогу.
И кричалъ Богдойскій князецъ

Всѣмъ, сидящимъ въ острогѣ:
„А вы сдайтесь-ка, казаки,
Изъ Комарскаго острогу!
Буду я васъ жаловать
И златомъ и серебромъ,
Да женами прелестными
И красными дѣвицами“.
Не сдалися казаки
Въ острогѣ сидючи;
Какъ кричали казаки
Своимъ громкимъ голосомъ:
„Отъѣзжай-ка, Богдойскій князецъ,
Отъ нашего сидѣнница,
Острога Комарскаго“.
А Богдойскій князецъ
Со своею поганою силою
Плотный приступъ дѣлалъ.
Казаки тутъ справились, —
За ружья хватались.
И было въ острогѣ
Три мѣдныя пушки:
Три пушечки гунули,
И ружья вдругъ грянули...
И замолчали силушки,
Три силы Богдойскія,
Три силы поганья.
Побѣжалъ Богдойскій князецъ
Со своими силами
Прочь отъ острогу,
А самъ заклиняется:
„А не дай-же Боже
На предки бывать
На славной и быстрой
Амурѣ-рѣѣ.
Тамъ крѣпость поставлена
Съ стѣнами и рвомъ,
А въ крѣпости сдѣланъ
Дворъ гостинно-каменный

**И лавки большія
Съ товарами въ нихъ.**

По справкѣ оказалось, что въ остальныхъ казачьихъ войскахъ, — Астраханскомъ и Семирѣченскомъ, — не имѣется никакихъ, относящихся до нихъ, пѣсенъ.

БРАТКІЯ СВѢДЕНІЯ

О НАЧАЛѢ

РОССІЙСКАГО КАЗАЧЕСТВА.

Любопытный вопросъ о происхожденіи на Руси перваго казачества остается до сихъ поръ необъясненнымъ. Эверсъ и Болтинъ производятъ ихъ отъ черкесовъ; Карамзинъ — отъ смѣси европейцевъ съ азіатцами; Соловьевъ называетъ ихъ выходцами изъ предѣловъ Московскаго государства; Погодинъ — отъ турокъ, татаръ и славянъ; Броневскій не сомнѣвается въ ихъ руссомъ происхожденіи; Сухоруковъ говоритъ, что казаки — пришельцы разныхъ земель.

Изъ историческаго очерка казачьихъ войскъ М. Хорошкина, 1884 года, видно, что о казакахъ впервые упоминается въ 1380 году, когда жившими въ городѣ Гребени казаками былъ поднесенъ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу, послѣ пораженія имъ полчищъ Мамай, на поляхъ Куликовскихъ, близъ верховья рѣки Дона, образъ Гребневской Божіей Матери, что значитъ въ выписѣ изъ древней лѣтописи, помѣщенной у этого образа, находящагося теперь на Лубянкѣ, въ Москвѣ. Изъ этой выписки видно, что казаки появились уже болѣе 500 лѣтъ и что тогда-же они стояли на стражѣ земли русской, отличаясь какъ своею храбростію, такъ и глубокою религіозностію. Въ послѣдующее время о казакахъ упоминается уже чаще и чаще.

Въ настоящее время семья Россійскаго казачества состоитъ изъ десяти отдѣльныхъ войскъ: Донскаго, Терскаго, Уральскаго, Кубанскаго, Оренбургскаго, Астраханскаго, Сибирскаго, Забайкальскаго, Амурскаго и Семирѣченскаго, — выставляющихъ въ военное время, на защиту своего оте-

чества, до 150,000 всадниковъ. Наистарѣйшимъ по времени образованія считается войско Донское; о появленіи въ низовьяхъ Дона Донскихъ казаковъ первыя положительныя извѣстія относятся къ половинѣ XVI вѣка, но лишь въ 1570 году Іоаннъ Грозный послалъ имъ милостивую грамоту; съ этого времени славное Донское войско и ведетъ свое старшинство.

Вторымъ должно считаться — Терское. На Терекѣ первыми появились Гребенскіе казаки, но когда они пришли туда — неизвѣстно; первыя наши войска застали ихъ тамъ и въ 1577 году они упоминаются уже въ составѣ нашихъ войскъ. Съ этого времени установлено старшинство Кизлярско-Гребенскаго полка и всего Терскаго войска, въ составъ котораго входитъ этотъ полкъ и въ настоящее время.

Третьимъ — Уральское, считающее свое старшинство съ 1591 года, т.-е. со времени участія ихъ, по наряду, вмѣстѣ съ другими царскими войсками, въ походѣ на Кавказѣ, противъ царскаго непослушника, Шамхала Тарковскаго. О происхожденіи Яицкаго войска, переименованнаго въ 1775 году въ Уральское, хотя съ достовѣрностью неизвѣстно, но можно положительнo сказать, что первая Яицкая община образовалась изъ Донскихъ казаковъ, а потомъ пополнялась бѣглыми людьми съ Волги и другихъ мѣстъ Россіи. Первое появленіе казаковъ на Яикѣ хотя и относятся одни къ 1557, а другіе къ 1577—1580 гг., но, судя по историческимъ казачьимъ пѣснямъ, первое появленіе ихъ на Яикѣ было никакъ не позже первой половины XVI вѣка, потому что еще далеко до взятія въ 1552 году Казанскаго царства Яицкіе казаки уже часто упоминаются во многихъ пѣсняхъ казацкой вольницы, бродившей тогда по Волгѣ и Каспійскому морю.

Четвертымъ — Кубанское, т.-е. съ того времени, когда въ составъ Кубанскаго войска вошли Запорожскіе, Малороссійскіе, Донскіе и Городовые (Новохоперскіе) казаки. Послѣдніе, послужившіе ядромъ Хоперскому полку, дали и старшинство войску съ 1696 года, т.-е. съ того времени, когда о нихъ упоминается при взятіи Азова.

Пятымъ — Оренбургское, образовавшееся изъ Исетскаго

казацкаго войска, отдѣльныхъ казачьихъ (Самарскихъ, Алексѣевскихъ и Красно-Уфимскихъ) командъ и зачисленіемъ лицъ разныхъ сословій — отставныхъ солдатъ, поселенныхъ баталіоновъ. Хотя старшинства этого войска пока не определѣно, но оно, полагаю, должно считаться съ 1736 года, т.-е. со времени устройства по рр. Самарѣ, Уралу до Сибирскихъ предѣловъ цѣлой линіи небольшихъ укрѣпленій; въ этихъ-то укрѣпленіяхъ и были поселены казаки, вошедшіе потомъ въ составъ нынѣшняго Оренбургскаго казачьяго войска.

Шестымъ — Астраханское. Изъ остатковъ городскихъ казаковъ, бывшихъ на Волгѣ, въ 1750 году былъ образованъ Астраханскій казачій полкъ, а изъ этого полка и разныхъ казачьихъ командъ, разбросанныхъ въ городахъ по Волгѣ ниже Саратова, въ 1818 году образовано Астраханское казачье войско, ведущее свое старшинство со времени образованія перваго своего полка, т.-е. съ 1750 года.

Седьмымъ — Сибирское. Въ Западной Сибири изъ отдѣльныхъ командъ и отрядовъ, разбросанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, въ 1808 году образовано Сибирское казачье войско.

Восьмымъ — Забайкальское, считающее свое старшинство съ 1851 года, т.-е. когда, съ образованіемъ Забайкальской области, изъ поселенныхъ въ ней казаковъ, тунгусъ, бурятъ и частію крестьянъ, было образовано и Забайкальское казачье войско.

Девятымъ — Амурское. При взятіи Амура и Усури, изъ Забайкальскаго казачьяго войска были выселены казаки, которые, вмѣстѣ съ лицами другихъ сословій, и составили въ 1858 году Амурское казачье войско.

Десятымъ — Семирѣченское. Съ образованіемъ въ 1867 г. новой Семирѣченской области, изъ расположенныхъ въ ней казачьихъ поселеній Сибирскаго войска было образовано Семирѣченское казачье войско.

Кромѣ того, изъ отдѣльныхъ казачьихъ командъ, поселенныхъ въ разныхъ городахъ Сибири, находящихся въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ настоящее время состоитъ Якускій городской полкъ и двѣ отдѣльныя казачьи сотни:

Красноярская и Иркутская. Изъ всѣхъ войскъ, образовавшихся 300 лѣтъ тому назадъ, вполне удержали свой прежній составъ Донское и Уральское, а ядромъ всѣхъ остальныхъ войскъ послужили или прежнія казачьи войска, или же городовые казаки.

Второго октября 1827 года Императору Николаю I благоугодно было Наслѣдника Престола, въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, наименовать Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Съ того времени Наслѣдники Престола и продолжаютъ состоять Атаманами всѣхъ казачьихъ войскъ.

Въ настоящее время отъ Уральского войска находятся на службѣ слѣдующія строевыя части:

1. Лейбъ-гвардіи Уральскій казачій эскадронъ, находящійся всегда въ С.-Петербургѣ.
2. № 1-й полкъ (шесть сотенъ) — въ г. Кіевѣ.
3. № 2-й полкъ (четыре сотни) — въ г. Самаркандѣ.
4. № 3-й полкъ (пять сотенъ) — въ г. Уральскѣ.
5. Учебная сотня — въ г. Уральскѣ.
6. Двѣ отдѣльныя казачьи команды, находящіяся въ составѣ гарнизоновъ Уильскаго и Темирскаго укрѣпленій.

Въ военное же время Уральское войско должно выставить:

1. Лейбъ-гвардіи Уральскій казачій эскадронъ.
2. 45 конныхъ сотенъ въ составѣ полковъ.
3. Учебную сотню.
5. Двѣ отдѣльныя казачьи команды.

Вотъ маленький перечень всѣхъ службъ Уральского войска, дошедшихъ до насъ:

XVI столѣтія:

1. Въ 1591 году пятьсотъ лиценыхъ казаковъ служатъ по наряду въ царскихъ войскахъ на Кавказѣ, усмиряя Шамхала Тарковского.

XVII столѣтія:

2. Въ тяжелую для государства пору самозванцевъ и междоусобицъ, яицкіе казаки участвовали подъ Москвою, при возведеніи порядка и спокойствія.

3. Въ 1629 году яицкіе казаки участвовали въ войскахъ воеводъ князя Солнцева-Засѣкина и Благова, назначенныхъ въ Переяславль-Радомскій противъ крымскихъ татаръ.

4. Въ 1634 году яицкіе казаки, въ составѣ 380 человекъ, участвовали въ числѣ защитниковъ Смоленска въ войскахъ боярина Михаила Борисовича Шеина.

5. Въ 1655 году сто яицкихъ казаковъ находились въ Польшѣ и подъ Ригою, подъ начальствомъ князя Хованскаго. Сотня эта оставалась здѣсь въ продолженіе семи лѣтъ.

6. Въ 1681 году сто яицкихъ казаковъ, съ атаманомъ Прокофіемъ Семеновымъ, находились въ походѣ подъ Чигириномъ въ отрядѣ князя Булата-Черкаскаго.

7. Въ 1682 году двѣсти казаковъ, съ атаманомъ Бѣлоусовымъ, участвовали во второмъ Чигиринскомъ походѣ, въ отрядѣ полковника Козлова.

8. Въ 1683 году 500 казаковъ, при походномъ атаманѣ, находились въ Уфимскомъ уѣздѣ, для усмиренія бунтовавшихъ башкиръ.

9. Въ 1684 году 150 казаковъ, съ атаманомъ Прокофіемъ Тагаевскимъ, находились въ Крымскомъ походѣ, въ отрядѣ князя Василія Васильевича Голицына. Въ 1685 г. 200 казаковъ, съ атаманомъ Яковомъ Васильевымъ, были въ томъ же походѣ.

10. Въ 1695 году 300 яицкихъ казаковъ, съ атаманомъ Ѳедоромъ Семеновымъ, были въ арміи подъ Азовомъ. Въ слѣдующемъ, 1696 году, 200 казаковъ, съ атаманомъ Андреемъ Афанасьевымъ, находились тамъ же. Всѣ эти 500 человекъ, состоя подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана Андрея Головачева, были въ составѣ 75-тысячной русской арміи, въ первое начальствованіе ея боярина

Алексѣя Семеновича Шеина и участвовали при осадѣ и взятіи города Азова.

XVIII столѣтія:

11. Въ 1701 году 600 казаковъ, съ атаманомъ Ви-тошновымъ, находились подъ Нарвой. Въ 1703 году 500 человекъ, съ атаманомъ Матвѣемъ Мироновымъ, находились тамъ же. Въ 1704 году, 500 человекъ¹⁾, съ атаманомъ Матвѣемъ Рекуновымъ, тамъ же, и въ 1706 году 500 человекъ, съ атаманомъ Митрофаномъ Пименовымъ, — тамъ же. Всѣ эти 2,100 человекъ были въ арміи во время продолжительной войны съ Швеціей, гдѣ находились подъ общимъ начальствомъ самого малороссійскаго гетмана Мазепы.

12. Въ 1708 году 1,225 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Ѳедоромъ Семенниковымъ, находились въ походѣ въ Башкиріи, для усмиренія бунтовавшихъ башкиръ.

13. Въ 1711 году два полка (1,000 человекъ), съ атаманомъ Конономъ Никѣевымъ, участвовали въ Кубанскомъ походѣ, подъ начальствомъ гетмана Скоропадскаго.

14. Въ 1713 году три полка (1,500 человекъ), съ атаманомъ Матвѣемъ Ивановымъ, были въ Харьковскомъ походѣ, въ составѣ дивизіи фельдмаршала Шереметева.

15. Въ 1714 году 100 человекъ, съ атаманомъ Ивановомъ Котельниковымъ, въ отрядѣ князя Бековича-Черкаскаго, на Каспійскомъ морѣ. Въ 1715 году 500 человекъ, съ атаманомъ Зиновіемъ Михайловымъ, находились тамъ же. Въ 1716 году 900 человекъ, съ атаманомъ Никитой Трифоновичемъ Бородинымъ, состояли тамъ же. Всѣ эти 1,500 человекъ, подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана Никиты Бородина, находились, въ 1717 году, въ отрядѣ гвардіи капитана князя Бековича-Черкаскаго, въ Хивинской экспедиціи, гдѣ они всѣ и погибли или подъ ударами варварскаго ножа, или заключены въ тяжкое рабство.

¹⁾ Этотъ полкъ находился при арміи безсмынно 17 лѣтъ.

16. Въ 1719 году, при императорѣ Петрѣ I, яицкіе казаки проявляли свое неповиновеніе, за что ослушники были нещадно наказаны.

17. Въ 1720 году 120 казаковъ находились въ походѣ противъ шведовъ и ихъ союзниковъ.

18. Въ 1720 году 1,000 казаковъ были въ Сибири, по Иртышской линіи.

19. Въ 1723 году 150 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ Тимофѣевымъ, а въ слѣдующемъ 1724 году 700 казаковъ, съ походнымъ атаманомъ Иваномъ Логиновымъ, участвовали въ кровопролитномъ бою противъ ногайцевъ и караколпаковъ, на рѣкѣ Утвѣ и за Утвою.

20. Въ 1724 году 1,000 казаковъ, съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, участвовали въ „Низовомъ корпусѣ“, т.-е. въ Турецкой (Румянцевской) войнѣ.

21. Въ 1729 году 500 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ Турыбринымъ, находились въ Кавказскомъ походѣ. Въ 1730 году 500 человекъ, съ атаманомъ Михаиломъ Купренинымъ, находились тамъ же. Въ 1731 году 400 казаковъ, съ атаманомъ Иваномъ Щелкинымъ, находились тамъ же.

22. Въ 1735—1740 и 1755 годахъ, яицкіе казаки ревностно участвовали въ усмирении башкирскихъ бунтовъ. За полезную службу эту въ Башкиріи войско получило отъ правительства благодарность и награды.

23. По указу Правительствующаго Сената 1743 года за № 2,525, на линейной службѣ по Уралу находились: 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ, 24 урядника и 1,705 казаковъ

24. Въ 1747 году на линейной службѣ въ городѣ Гурьевѣ находились: 2 оберъ-офицера, 4 урядника и 165 казаковъ. Съ этого времени и до 1877 года ежегодно командировалось туда для службы отъ 150 до 200 казаковъ.

25. Съ этого же года (1747) и до 1877 года ежегодно командировалось отъ 300 до 500 человекъ для службы въ городѣ Уральскѣ и на передовые пикеты за рѣку Уралъ.

26. Въ 1758 году 1,000 казаковъ, съ походнымъ

атаманомъ Шепелевымъ, находились въ Сибири, располагаясь на новой линіи.

27. Въ 1766 году 500 казаковъ находились на службѣ въ Кизлярѣ, подъ начальствомъ полковника Суворова и Кроткова. Полкъ этотъ возвратился на Яикъ въ 1774 году. Въ 1783 году 500 казаковъ находились на Кавказской линіи. Въ 1786 году 500 казаковъ находились тамъ же. Въ 1789 году 500 казаковъ, подъ командою майора Агютина, находились тамъ же. Въ 1790 году пятисотенный полкъ, подъ начальствомъ полковника Бородина, находился тамъ же. 24 марта 1790 года уральскіе казаки участвовали при кровопролитномъ штурмѣ крѣпости Анапы, гдѣ нѣсколько казаковъ геройски пали передъ стѣнами этой турецкой крѣпости.

28. Въ 1773 году начинается извѣстный Пугачевскій бунтъ, въ которомъ яицкіе казаки, къ несчастію, принимали главное участіе. Но часть войска осталась вѣрною правительству и, съ старшиной Мартемьяномъ Бородинымъ, участвовала въ стычкахъ противъ Пугачевцевъ. Императрица Екатерина II, по ходатайству генерала Потемкина, во вниманіе къ тому, что часть войска осталась вѣрною, а другая часть принесла чистосердечное раскаяніе, повелѣла: „для совершеннаго забвенія сего на Яикѣ послѣдовавшаго несчастнаго происшествія, рѣку Яикъ, по которой какъ оное войско, такъ и городъ его названіе свое имѣли донынѣ, по причинѣ той, что оная рѣка проистекаетъ изъ Уральскихъ горъ, переименовать Ураломъ, а потому и оное войско наименовать Уральскимъ и впредь Яицкимъ не называть, равно и Яицкому городу называться отнынѣ Уральскъ“¹⁾. Главные соучастники Пугачева были казнены, войсковые круги, въ которые собирались казаки для обсужденія своихъ дѣлъ, — отмѣнены, и войсковая артиллерія — отобрана.

29. Въ томъ же 1790 году 120 казаковъ, съ старшиною Донсковымъ, находились въ конвоѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина.

¹⁾ Указъ Ея Императорскаго Величества отъ 16 января 1775 года.

30. Въ 1792 году пятисотенный полкъ, съ войсковымъ старшиною Михайловымъ, находился на Кавказской линіи. Въ 1795 году пятисотенный полкъ состоялъ тамъ же. Въ 1796 году пятисотенный полкъ находился тамъ же. Вообще, въ XVIII столѣтіи полки отъ Яицкаго войска непрерывно служили посмѣнно по рѣкѣ Кубани и, вообще, на Кавказѣ.

31. Въ 1796 году 1,000 казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго атамана Г. М. Донскова, находились въ киргизской степи, для наказанія воровъ-киргизовъ.

32. Въ 1797 году 500 человекъ, подъ начальствомъ маіора Михаила Назарова, находились на рѣкѣ Волгѣ, для истребленія разбойничьихъ шаекъ.

33. Въ 1797 году команда казаковъ въ триста человекъ находилась въ сопровожденіи транспорта съ солью, взятой изъ степныхъ озеръ, изъ города Троицка до крѣпости Усть-Уйской и обратно.

34. 1 іюля 1798 года пятисотенный полкъ, въ 800 человекъ, съ маіоромъ Дмитріемъ Мизиновымъ, подъ общимъ начальствомъ войсковаго атамана, полковника Д. М. Бородина, выступилъ изъ города Уральска, а въ 1799 и 1800 годахъ находился въ походѣ въ Италію и Швейцарію, гдѣ, состоя въ корпусѣ генераль-лейтенанта Римскаго-Корсакова, участвовалъ въ дѣлахъ съ французами при г. Цюрихѣ и во многихъ другихъ сраженіяхъ въ Швейцаріи.

35. Въ 1798 году Императоромъ Павломъ даны Уральскому казачьему войску двѣ милости: 1) въ составъ войскъ, пользовавшихся преимуществами гвардіи, назначена одна сотня изъ уральцевъ, которой и опредѣлено именоваться „лейбъ-сотней“. Въ 1830 году сотня эта была названа „лейбъ-гвардіи уральскою“, съ правами и преимуществами молодой гвардіи, а съ 1846 года переименована въ эскадронъ, въ слѣдующемъ же году эскадронъ этотъ былъ переформированъ въ дивизионъ, а въ 1868 году снова обращенъ въ эскадронъ. Въ 1883 году эскадрону пожалованы права и преимущества старой гвардіи. 2) Войсковые чины полковниковъ, старшинъ, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ сравнены съ армейскими и пожаловано пять знаменъ, имѣемыхъ войскомъ доселѣ.

36. Въ 1798 году изъ лейбъ-уральской сотни команда въ 60 казаковъ, подъ начальствомъ поручика Гавріила Товарева, находилась на флотъ въ Англіи и участвовала подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Германа въ сраженіяхъ противъ французовъ.

ХІХ столѣтія:

37. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года Уральскому войску дано было новое положеніе, по которому войско дѣлилось на десять полковъ, наемка была отмѣнена и положено завести казакамъ однообразную форму одежды и оружія, такъ какъ до этого времени казаки являлись на службу въ разноцвѣтныхъ халатахъ, имѣя самое разнообразное оружіе: кто пику, кто ятаганъ, кто пистолеть, кто саблю, кто ружье или винтовку. Положеніе это было встрѣчено съ большимъ неудовольствіемъ и вводившему его генералу Медеру войско прямо объявило, что новаго „штата“ не желаетъ. Тогда Оренбургскій губернаторъ, князь Волконскій двинулся въ Уральску съ регулярными войсками и произошелъ извѣстный на Уралѣ „Кочкинъ пиръ“. Казаки были усмирены, главные виновники сосланы и положеніе было введено. Но спустя два года послѣ этого, войску дарованъ былъ прежній способъ отбыванія службы, посредствомъ найма охотниковъ.

38. Въ 1805 году, во время войны Россіи съ Франціей, такая же команда изъ лейбъ-уральской сотни находилась въ десантномъ корпусѣ графа Толстаго въ Ганноверской области и участвовала подъ Гамбургомъ и другихъ мѣстахъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ французовъ, а въ 1809 году вся лейбъ-уральская сотня, подъ начальствомъ войскового старшины Трофимова, участвовала въ знаменитомъ переходѣ русскихъ войскъ черезъ Ботническій заливъ по льду, во время войны съ Швеціей, и участвовала въ сраженіи при взятіи Аландскихъ острововъ.

39. Съ 1807 по 1811 года два уральскихъ казачьихъ пятисотенныхъ полка подъ №№ 1 и 2, подъ начальствомъ

войсковыхъ старшинъ Я. Г. Авутина и Л. С. Бородина, находились въ Молдавской арміи и участвовали въ войнѣ противъ турокъ.

40. Въ 1810 году были командированы туда же еще два полка подъ №№ 3 и 4, подъ начальствомъ подполковника Б. М. Михайлова и полковника П. М. Назарова, которые, находясь подъ непосредственною командою Г.-М. Ермолова, участвовали въ штурмѣ Силистріи и, вообще, во многихъ стычкахъ съ турками. По окончаніи войны съ турками, въ 1812 году, полки эти вошли въ составъ арміи Чичагова, при изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи, и находились въ заграничномъ походѣ противъ французовъ въ Польшѣ, Пруссіи, Саксоніи и участвовали въ знаменитой трехдневной битвѣ подъ г. Лейпцигомъ, рѣшившей судьбу Наполеона въ 1813 году.

41. Въ знаменитую войну съ французами 1812—1815 гг. участвовали также еще два полка подъ №№ 5 и 6, подъ начальствомъ полковника В. И. Буренина и подполковника Е. А. Бородина; изъ нихъ № 5 полкъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ гг. Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Гамбургомъ, а также былъ во Франціи, на рѣкѣ Сенѣ. № 6 полкъ, состоя въ составѣ главной арміи, участвовалъ при взятіи крѣпости Пфальцбурга и на знаменитомъ смотру при Верту, гдѣ Императоръ Александръ Павловичъ показывалъ иностранцамъ свою побѣдоносную армію. Последніе четыре полка возвратились на родину въ 1815 и 1816 годахъ.

42. Въ 1814 году № 7-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника А. И. Щапова, былъ командированъ въ Бессарабію для содержанія вѣрдоновъ по рѣкѣ Пруту.

43. Въ 1817 году № 8-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. М. Назарова, выступилъ изъ Уральска туда же, въ составъ второй арміи. Полкъ этотъ былъ расположенъ въ Бессарабіи по рѣкѣ Днѣстру и по берегу Чернаго моря, откуда возвратился на Уралъ въ 1820 году.

44. Въ 1817 году, команда въ 1,000 казаковъ, подъ начальствомъ майора Б. И. Хорошхина, была командирована на Сибирскій трактъ, гдѣ и расположилась для кор-

донной службы отъ Казани, чрезъ Вятскую и Пермскую губерніи, до Тобольска.

45. Съ 1818 по 1862 годъ Уральское войско содержало въ Москвѣ, для полицейской службы, слѣдующія строевыя части: съ 1818 по 1820 годъ № 9 полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины М. И. Донскова; съ 1823 по 1826 годъ № 2-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Е. А. Бородина; съ 1828 по 1831 годъ, № 5-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. А. Меркулева; съ 1831 по 1833 годъ, № 7-й полкъ, подъ начальствомъ полковника Ф. Г. Бизянова и съ 1835 по 1862 годъ командировалось туда по 450 казаковъ, которые находились въ составѣ своднаго Уральско-Оренбургскаго полка и смѣнялись черезъ каждыя пять лѣтъ. Изъ полковыхъ командировъ этого полка были слѣдующіе: подполковники—А. П. Назаровъ и К. Ф. Бизяновъ, полковникъ Д. С. Мизиновъ и войсковаго старшина П. Е. Назаровъ.

46. Въ 1820 году въ составъ второй арміи былъ командированъ № 10-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Осипа Казаркина, который и содержалъ кордоны по Австрійской границѣ, а въ 1824 году возвратился на родину.

47. По выкомандированіи въ 1820 году этого послѣдняго, полагавшагося по штату, полка въ составъ 2-й арміи, новые выходившіе на службу полки принимали номерацію опять съ 1-го. Такъ, въ 1823 году командированъ № 1-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Б. М. Михайлова, въ составъ второй арміи, въ Бессарабію, откуда и возвратился на родину въ 1827 году.

48. Съ 1822 по 1870 годъ Уральское войско содержало для полицейской службы въ городѣ Казани одну конную сотню, которая смѣнялась черезъ каждые два года нарядомъ новаго состава людей; въ 1870 году служба эта была оставлена. Первымъ командиромъ этой сотни былъ есаулъ А. П. Назаровъ, а послѣднимъ — есаулъ Н. И. Сѣровъ. Отбывая всѣ эти внѣшнія командировки, уральскіе казаки оберегали въ то-же время свою линію отъ вторженія киргизовъ, при чемъ случались экстренные наряды казаковъ

въ глубь киргизской степи для наказанія этихъ мятежныхъ азіатовъ, или для конвоированія посольствъ и ученыхъ экспедицій. Вотъ какъ описываетъ тогдашнюю службу Уральскаго войска ближайшій его начальникъ, оренбургскій военный губернаторъ графъ Сухтеленъ: „Разсматривая сіе дѣло, я нашель, что войско уральское въ бывшія войны по воззванію отечества всегда оказывало примѣрное усердіе и готовность на пользу общую, и въ самое мирное время изъ среды своей снаряжаетъ чрезъ каждые три года два полка въ армію и Москву, одну сотню въ С.-Петербургъ, другую въ Казань и, ежегодно, двѣ сотни въ киргизскую степь, для обузданія дикаго своевольства западной части оренбургскихъ киргизовъ, къ султану, правителю оной; сверхъ того, войско содержитъ оренбургскую (пограничную) линію до самаго Каспійскаго моря, на протяженіи почти 1,000 верстъ и тѣмъ составляетъ оплотъ противъ необузданныхъ орды киргизскихъ, кочующихъ и на внѣшней сторонѣ границы губерніи; внутрь дачъ уральскихъ посылаетъ команды на узенскіе форпосты и передовые пикеты, участвовало въ многотрудныхъ экспедиціяхъ, посылаемыхъ въ Бухарію и Хиву¹⁾. Затѣмъ, въ запискѣ своей на имя предсѣдателя Высочайше утвержденной комиссіи, поданной въ 1832 г., графъ Сухтеленъ отозвался объ уральцахъ такъ: „Уральскіе казаки до сегодня суть единственное войско въ Оренбургскомъ краѣ, которое, по мужеству, храбрости и предпримчивому духу, употреблялось съ большими выгодами въ степныхъ экспедиціяхъ, а потому заслуживаетъ особаго вниманія правительства и огражденія выгодъ ему предоставленныхъ“²⁾.

49. Въ 1820 году одна сотня казаковъ, подъ начальствомъ есаула Степана Назарова, была командирована для конвоированія миссіи въ Бухару.

50. Въ 1823 году особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 800 человекъ, подъ начальствомъ войсковаго стар-

¹⁾ Предписаніе Оренбургскаго военнаго губернатора графа Сухтелена Уральской войсковой канцеляріи отъ 21 іюля 1831 года за № 1367.

²⁾ См. „Полное собраніе сочиненій“ В. Даля 1861 года.

шины Стахея Мизинова, былъ командированъ въ киргизскую степь съ полковникомъ Цюлковскимъ.

51. Ранней весной 1824 года особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 1,000 человекъ, подъ общимъ начальствомъ войсковаго атамана, генераль-маіора П. М. Назарова, экстренно командировался въ степь, для наказанія киргизовъ.

52. Въ концѣ лѣта 1824 года 150 казаковъ, подъ начальствомъ есаула Раннева, находились въ конвоированіи полковника Цюлковскаго, слѣдовавшаго съ купеческимъ караваномъ въ Бухару.

53. Въ 1825 году одинъ пятисотенный полкъ, подъ начальствомъ подполковника Афанасія Щапова, находился въ степи для наказанія мятежныхъ киргизовъ.

54. Въ томъ же году особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 200 человекъ, былъ командированъ къ султану-правителю Коротаяеву.

55. Въ зиму 1825 года два уральскихъ казачьихъ полка, составляющіе 1,200 казаковъ, 60 урядниковъ и 39 офицеровъ, при шести легкихъ орудіяхъ уральской казачьей артиллеріи, подъ начальствомъ подполковниковъ: С. Д. Мизинова и А. П. Назарова, находились съ полковникомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ въ зимней экспедиціи къ Аральскому морю, откуда возвратились на Уралъ 5 марта 1826 года.

56. Съ 1827 по 1836 годъ Уральское войско содержало для службы на Ахтубинской линіи слѣдующія строевыя части: съ 1827 по 1830 годъ № 3-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. Г. Акутина, съ 1830 по 1832 годъ № 6-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника А. Е. Назарова и съ 1833 по 1836 годъ—№ 8-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Д. С. Маркова. Служба на Ахтубѣ заключалась въ разныхъ командировкахъ и разъѣздахъ по Ахтубинской линіи, по побережью Каспійскаго моря и по внутренней киргизской ордѣ.

57. Въ войну съ Турціей 1828—1829 гг., № 4-й полкъ, подъ начальствомъ полковника Б. И. Хорошхина, выступившій изъ г. Уральска 15 февраля 1828 года, участвовалъ при осадѣ крѣпости Силистріи и, потомъ, подъ Шумлюю.

Полеъ этотъ въ 1830 и 1831 гг. участвовалъ въ кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ, былъ при осадѣ крѣпости Замостье и въ 1832 году возвратился на Уралъ.

58. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1828 года трехсотенный отрядъ, подъ начальствомъ Есаула И. А. Овчинникова, экстренно командировался въ за-Уральскую степь, въ распоряженіе султана, правителя западной части орды, Чунгалия Урманова.

59. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года сильный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ команду войсковаго атамана, генералъ-маіора Бородина, выступившій изъ Горской крѣпости въ степь Букѣвской орды, находился для удержанія киргизовъ внутренней орды.

60. Для караульной службы въ городѣ Уральскѣ и для службы по постамъ за рѣкою Ураломъ, вмѣсто бывшихъ отдѣльныхъ командъ, въ 1831 году былъ сформированъ „Уральскій городской полкъ“. Люди этого полка смѣнялись ежегодно нарядомъ новаго состава людей. Въ 1862 году полкъ этотъ былъ упраздненъ и вмѣсто его, для службы собственно въ городѣ Уральскѣ, была сформирована „Уральская линейная стража“, числомъ въ 200 человекъ, а въ 1876 году эта стража была замѣнена „Уральской мѣстной командой“ изъ регулярныхъ войскъ.

61. Въ 1832 году одна сотня (144 человекъ), подъ начальствомъ есаула А. М. Веденикова, находилась въ конвоѣ ученой экспедиціи съ г. Карелинымъ, по восточному берегу Каспійскаго моря.

62. Въ 1833 году, въ Закаспійскомъ краѣ, при заливѣ „Мертвый Култукъ“ (Цесаревича) было заведено первое укрѣпленіе, названное „Ново-Петровскъ“ (Карагайская). Въ 1839 году укрѣпленіе это было перенесено на Мангишлавскій полуостровъ и названо „Фортъ Александровскій“. Гарнизонъ въ этомъ отдаленномъ фортѣ, какъ равно и въ бывшемъ Ново-Петровскѣ, съ самаго его образованія, составляли уральскіе казаки, находившіеся тамъ въ составѣ двухъ сотенъ. Въ 1870 году, съ передачею форта Александровскаго изъ Оренбургскаго въ Кавказское вѣдомство, и служба нашихъ казаковъ была тамъ оставлена.

63. Въ 1834 году особый отрядъ уральскихъ казаковъ,

состоящій изъ 350 человекъ, подъ начальствомъ есаула И. Тамбовцева и сотника М. Назарова, находился въ конвоѣ ученой экспедиціи съ г. Карелинымъ, по сѣверо-восточному берегу Каспійскаго моря.

64. Въ 1834 году № 9-й полкъ, подъ начальствомъ подполковника Ивана Михайлова, находился въ Бессарабіи.

65. Въ 1836 году десантный отрядъ, состоящій изъ 50 уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Назарова, находился на Каспійскомъ морѣ, для уничтоженія появившихся тамъ грабежей.

66. Наканунѣ Рождества 1836 года одинъ уральскій казачій полкъ, въ составѣ 550 человекъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Гавріила Осипова, выступилъ на Мангипшавскій полуостровъ, для наказанія Адаевскихъ киргизовъ, за причиненные ими на Каспійскомъ морѣ грабежи и разбой.

67. Съ 1836 по 1866 годъ Уральское войско содержало, для полицейской службы, въ ставкѣ хана внутренней киргизской орды, одну казачью сотню, которая смѣнялась черезъ каждые два года нарядомъ новыхъ людей. Въ 1866 году уральцы были замѣнены здѣсь астраханскими казаками. Послѣднимъ командиромъ этой сотни былъ есаулъ С. А. Осиповъ.

68. Въ видѣ общаго взысканія за подачу Государю Наслѣднику Цесаревичу просьбы, во время посѣщенія Его Высочествомъ въ 1837 году города Уральска, было экстренно выкомандировано изъ войска, осенью того же года, четыре полка: № 1-й полкъ на Кавказъ, № 2-й полкъ въ Бессарабію, № 3-й въ Финляндію и № 4-й полкъ оставленъ былъ на Нижне-Уральской линіи. Полки эти находились подъ начальствомъ подполковника Г. Я. Осипова, войсковаго старшины Д. С. Маркова, подполковника И. Агугина и полковника Ф. Г. Бизянова. Но уральцы, дѣлая неурядицы, умѣли своею службою и загладить свою виновность: № 1-й полкъ, бывшій на Кавказѣ, участвуя въ разныхъ дѣлахъ и экспедиціяхъ противъ горцевъ, обратилъ на себя весьма скоро вниманіе кавказскаго начальства и, не смотря на то, что посланъ туда былъ безсрочно, въ 1842 году снова былъ отпущенъ на родину.

69. Въ 1837 году особый отрядъ казаковъ, въ составѣ 600 человекъ, подъ начальствомъ полковника К. К. Геке, находился въ Букѣвской ордѣ, для уничтоженія появившихся въ ней разбойничьихъ шаекъ султана Исетаю Тайманова.

70. Въ 1838 году отрядъ казаковъ въ 100 человекъ, подъ начальствомъ полковника К. К. Геке, находился на за-Уральской сторонѣ, въ погонѣ за разбойникомъ Исетаемъ Таймановымъ.

71. Въ Хивинской экспедиціи 1839 и 1840 годовъ, подъ главнымъ начальствомъ генераль-адъютанта В. А. Перовскаго, находилось два уральскихъ полка: № 4-й, подъ начальствомъ полковника Бизянова (сформированный въ 1838 году) и № 5-й, подъ начальствомъ войсковаго старшины П. Е. Назарова (вновь сформированный). Экспедиція эта, какъ извѣстно, была неудачна, какъ предпринятая въ самое неблагопріятное время года (въ ноябрѣ мѣсяцѣ). Войска наши, слѣдуя по степи въ ужасную стужу, по глубокому снѣгу, съ большими трудностями дошли до рѣки Эмбы и повернули назадъ, потерявъ чуть не половину своего состава. Самъ Перовскій и всѣ участвовавшіе въ этой экспедиціи единогласно говорятъ, что одни уральцы переносили этотъ походъ какъ ни въ чемъ не бывало и спасали остатки отряда въ борьбѣ съ суровою природою. Начальникъ обоихъ уральскихъ полковъ, полковникъ Ф. Г. Бизяновъ, даже просилъ Перовскаго идти дальше по Усть-Урту одному съ уральцами, но просьба эта не была удовлетворена.

72. 10 іюля 1842 года выступилъ изъ Уральска № 6-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины О. Е. Сиротина, въ экспедицію, назначенную къ западнымъ берегамъ Аральскаго моря и по границамъ Хивы, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Жемчужникова. Полкъ этотъ былъ названъ на Уралѣ „бѣлымъ полкомъ“, потому что тутъ въ первый разъ уральцы пошли въ кителяхъ и съ бѣлыми чехлами на шапкахъ.

73. Въ 1841 году № 7-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины И. И. Бородина, находился въ Грузіи,

гдѣ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и дѣлахъ съ горскими народами.

74. 21 апрѣля 1841 года выступилъ изъ города Уральска особый отрядъ казаковъ, состоящій изъ четырехъ сотенъ, подъ начальствомъ есаула Петра Бородина, въ конвой миссіи, снаряженной, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Бларамберга, въ Хиву и Бухару.

75. Въ 1843 году отрядъ казаковъ въ 700 человекъ, подъ начальствомъ полковника Ф. Г. Бизянова, находился въ киргизской степи, для поимки и наказанія извѣстнаго степнаго разбойника, султана Кенисары Касимова.

76. Въ 1844 году отрядъ казаковъ въ 80 человекъ, подъ начальствомъ сотника Юва Бородина, находился съ полковникомъ Дуниковскимъ въ киргизской степи, для поимки разбойника Кенисары Касимова. Первые укрѣпленія, введенныя въ степи русскими, при участіи уральскихъ казаковъ, были: Ново-Петровское — на восточномъ берегу Каспійскаго моря, Эмбенское и Чушкаульское — на пути къ Хивѣ, Уральское (нынѣ г. Иргизъ) построено въ 1845 году, Раимское (построенное въ 1847 году) на пути къ Туркестану, Уильское (1869 года), Нижне-Эмбенское (1871 года) и Темирское (1878 года). Вмѣстѣ съ другими войсками, въ гарнизоны этихъ укрѣпленій входили и уральскіе казаки, иногда по одной, по двѣ и по три сотни, соединявшіеся вмѣстѣ подъ названіемъ отрядовъ, или, просто, „подвижныхъ казачьихъ резервовъ“.

77. Въ 1845 году двухъсотенный отрядъ, подъ начальствомъ сотника Алексѣя Баблонова, находился при заложеніи Уральского (нынѣ Иргизскаго) укрѣпленія.

78. Въ 1847 году двухъсотенный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины М. И. Михайлова, находился при заложеніи Раимскаго укрѣпленія.

79. Во время Венгерской войны 1848—1849 гг., изъ уральскаго войска было выкомандировано два полка: № 6-й, подъ начальствомъ полковника Ф. О. Казаркина, и № 7-й, подъ начальствомъ полковника И. Е. Акутина; но полки эти, по случаю быстрого окончанія кампаніи, не дошли до границы и были остановлены въ Кіевѣ и Вильно.

80. Въ началѣ Крымской войны 1853—1756 гг. были командированы изъ войска два полка: № 1-й полкъ, подъ начальствомъ полковника П. Б. Хорошхина, и № 2-й, подъ начальствомъ подполковника К. М. Чурѣва. Полки эти сначала находились въ составѣ Дунайской арміи, въ Молдавіи, а потомъ передвинулись въ Крымъ. Здѣсь служба уральцевъ была преимущественно аванпостная въ составѣ отрядовъ: князя Горчакова, Врангеля, Липранди и Хрущова; но они также принимали участіе въ сраженіяхъ при Балаклавѣ, въ 1854 году, и при Черной рѣчѣ, въ 1865 году.

81. Лѣтомъ 1853 года три сотни уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника К. Ф. Бородина, участвовали при взятіи Коканской крѣпости Акъ-Мечети (нынѣ городъ Перовскъ), а въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года двѣ сотни, подъ начальствомъ есаула М. Г. Щапова находились въ знаменитомъ дѣлѣ съ Коканцами, намѣревавшимися обратно взять потерянную ими Акъ-Мечеть.

82. Въ 1855 году трехъ сотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины И. М. Сѣрова, находился въ за-Уральской степи, для поимки киргизскаго разбойника Исета Кутебарова.

83. Въ 1857 году трехъсотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Л. И. Акутина, находился въ киргизской степи, при конвоированіи оренбургскаго генераль-губернатора, А. А. Катенина, при поѣздѣ его по степи.

84. Въ 1858 году трехъсотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Л. И. Акутина, находился въ конвоѣ оренбургскаго генераль-губернатора, при поѣздѣ его по за-Уральской степи.

85. Въ томъ же году 19 казаковъ при 2-хъ офицерахъ ¹⁾, подъ начальствомъ войсковаго старшины Буренина, находились съ миссіей полковника Игнатьева въ Хивѣ.

86. Въ 1859 году 50 казаковъ, подъ начальствомъ сотника Мартынова, находились въ конвоѣ дальней экспедиціи, съ полковникомъ Дандевилемъ, снаряженной по восточному берегу Каспійскаго моря.

¹⁾ Есаулъ К. В. Бородинъ и хорунжіи П. П. Назаровъ.

87. Въ Польское возстаніе въ 1863—1864 гг., отъ уральскаго войска находилось два полка: № 1-й, подъ начальствомъ подполковника Л. И. Агутина, и № 2-й полкъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины А. Я. Сладкова, но полки эти не были въ районѣ военныхъ дѣйствій, а были расположены въ Кіевской и Еватеринославской губерніяхъ.

88. Въ началѣ 1860 гг, войска бывшей Сыръ-Дарьинской линіи взяли постепенно коканскія крѣпости: Яны-Курганъ, Джинь-Курганъ, Джулекъ и г. Туркестанъ (въ 1864 году). Кавалерія отрядовъ, бравшихъ эти крѣпости, состояла исключительно изъ уральскихъ казаковъ (сотни есауловъ: Буренина 1-го, Буренина 2-го, Истомина и Ливкина).

89. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 года изъ Уральска выступила отдѣльная уральская казачья сотня, подъ начальствомъ есаула В. Р. Сѣрова, которая, по прибытіи въ Сыръ-Дарьинскую линію, находилась въ составѣ гарнизона г. Туркестана, а потомъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ этого же года, на долю ея выпало показать себя въ дѣлѣ противъ всей почти Коканской арміи подъ Иваномъ¹⁾). Сотня эта была первая вооружена нарѣзными ружьями.

90. Въ 1865 году двѣ уральскія казачьи сотни участвовали при взятіи г. Ташкента, а въ 1866 году три сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Чертогорова, Поликарпова и сотника Безбородова, участвовали въ сраженіи при Ирджарѣ и при взятіи Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака.

91. Въ 1867 году въ Туркестанскомъ краѣ находилось уральскихъ казаковъ пять сотенъ и двѣ отдѣльныя полусотни.

92. Въ 1868 году двѣ уральскія сотни находились въ составѣ войскъ при взятіи г. Самарканда, Катта-Кургана, Ургата, въ сраженіи на Зара-Булакскихъ высотахъ, а осенью того же года при взятіи города Карши.

93. Въ 1869 году въ Туркестанскомъ округѣ уральскихъ казаковъ было девять съ половиною сотенъ. Въ по-

¹⁾ См. 44 и 45 пѣсни въ „Историческомъ отдѣлѣ“, подъ заглавіемъ „Иванскій бой“.

слѣдующіе годы число уральскихъ сотенъ тамъ колебалось между 6—8, а къ 1873 году состояло только три сотни.

94. Во время возмущенія киргизовъ въ степи Уральской области, въ 1869 году, подлежашія на службу въ Туркестанскій край пять съ половиною сотенъ, подъ начальствомъ есауловъ: Щучкина, Иванова, Подъячева и другихъ, были посланы для усмиренія этого возстанія. Здѣсь наши казаки участвовали въ разныхъ отдѣльныхъ отрядахъ, въ составѣ которыхъ имѣли нѣсколько успѣшныхъ дѣлъ противъ мятежниковъ.

95. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1870 года 40 казаковъ, подъ начальствомъ хорунжаго Ливкина, находились въ конвоѣ Мангишлакскаго пристава, подполковника Рукина, при поѣздѣ его по степи Мангишлакскаго полуострова, для ввода въ дѣйствіе новаго положенія между киргизами. 25 марта, послѣ трехдневнаго боя, отрядъ этотъ былъ задавленъ скопищемъ киргизовъ, и казаки всѣ были забраны въ плѣнъ.

96. Въ 1872 году въ степи Уральской области, въ составѣ отдѣльныхъ отрядовъ, находились три уральскія сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Гуляева, Желѣзнова и сотника Сѣтчикова.

97. Въ Хивинской экспедиціи 1873 года находилось пять уральскихъ сотенъ, а именно: въ Туркестанскомъ— двѣ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Криденера и есаула Хлѣбникова и въ оренбургскомъ отрядѣ — три сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Гуляева, Толстова и Логинова.

98. Въ 1874 году учреждена въ войскѣ „учебная“ сотня.

99. Въ 1874 году въ Туркестанѣ былъ сформированъ 4-й сводный оренбургско-уральскій полкъ, въ составѣ котораго вошли три уральскія сотни.

100. Въ 1874 году въ Самскомъ отрядѣ, въ киргизской степи находилась одна сотня казаковъ, подъ начальствомъ есаула П. Я. Кирилова.

101. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1874 года дано было Уральскому войску новое положеніе, по которому войско въ штатномъ составѣ уменьшено, т.-е. съ 12 полковъ на 9, положенъ точный порядокъ прохожденія службы малолѣт-

ковъ, казаковъ полевого и внутренняго разрядовъ, учреждена учебная сотня, введены учебные сборы, положено имѣть всѣмъ казакамъ полевого разряда обмундированіе и снаряженіе, для чего установлено дѣлать смотры казакамъ; а чтобы каждый казакъ имѣлъ понятіе о военной службѣ, положено, чтобы каждый изъ нихъ, въ первые три года своей службы, одинъ годъ пробылъ въ строю. Положеніе это было встрѣчено казаками съ большимъ неудовольствіемъ, которое дошло до того, что они отказались принять новый штатъ. Тогда, по распоряженію Оренбургскаго Генераль-Губернатора, А. А. Крыжановскаго, были двинуты въ войско регулярныя войска. Болѣе трехъ тысячъ казаковъ, по лишеніи казачьяго званія, были сосланы: одни въ Туркестанскій край, другіе въ Оренбургскую губернію, а третьи, болѣе виновные, въ Сибирь; такимъ образомъ положеніе было введено.

102. Въ 1875 и 1876 гг. три Уральскія сотни, подъ начальствомъ есауловъ: Жигалина, Шелудякова и Кузьмина, принимали блистательное участіе въ кованскомъ походѣ, гдѣ сотня Жигалина, въ сраженіи подъ Махрамомъ, взяла съ бою неприятельскую батарею.

103. Командированные въ Ферганскую область три Уральскія сотни вошли въ составъ 5-го сводно-Оренбургско-Уральскаго полка.

104. Въ турецкую войну 1877—1878 гг. одна отдѣльная Уральская казачья сотня, подъ начальствомъ войсковаго старшины Е. Я. Кирилова, находилась въ дѣйствующей арміи на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ она, несмотря на свою ничтожность по численности въ общемъ составѣ арміи, сумѣла обратить на себя высокое вниманіе Государя Императора Александра II и Августѣйшаго Главнокомандующаго арміей.

105. Въ 1877 году былъ сформированъ въ Уральскѣ № 1-й казачій полкъ, въ составѣ двухъ сотенъ, а въ 1878 году въ него добавлено еще четыре сотни и полкъ этотъ, подъ начальствомъ подполковника С. Е. Толстова, выступилъ на западную границу Россіи, откуда, въ томъ же году, былъ двинуть въ дѣйствующую армію, на Балкан-

скій полуостровъ, а въ 1879 году возвратился обратно на Уралъ. Въ 1880 году двѣ сотни этого полка находились въ походѣ въ Закаспійскомъ краѣ. Въ 1882 году полкъ, въ полномъ составѣ, былъ передвинуть на службу въ Харьковскій округъ.

106. Въ январѣ мѣсяцѣ 1879 года былъ сформированъ въ Уральскѣ № 2 полкъ (прозванный казаками „чумной“), подъ начальствомъ подполковника А. Л. Гуляева, который и находился на западной границѣ войска, для карантинной службы, по случаю появившейся въ Астраханской губернии чумы. Въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ того-же года полкъ этотъ былъ расформированъ.

107. Въ 1879 году изъ 4-го и 5-го сводныхъ Оренбургско-Уральскихъ полковъ, расположенныхъ въ Туркестанскомъ округѣ, были выдѣлены Уральскія сотни, по три изъ cadaго, для образованія № 2-го Уральского полка, подъ начальствомъ полковника П. С. Хорошхина.

108. Въ 1880 году изъ состава № 2-го полка, расположеннаго въ городѣ Самаркандѣ, были командированы три сотни, подъ начальствомъ подполковника Гуляева, въ Ахаль-Текинскую экспедицію; изъ этихъ сотенъ двѣ оставались въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, а одна находилась при штурмѣ крѣпости Геокъ-Тепе и принимала участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ Ахаль-Текинскаго отряда.

109. Въ 1882 году изъ № 2-го полка были выдѣлены двѣ сотни, изъ которыхъ, а также изъ трехъ сотенъ, находившихся въ степныхъ укрѣпленіяхъ: Темирскомъ, Уильскомъ и Нижне-Эмбенскомъ, былъ образованъ въ городѣ Уральскѣ № 3-й полкъ.

Вотъ болѣе или менѣе весь краткій обзоръ или, вѣрнѣе, перечень службъ Уральскихъ казаковъ за ихъ 298-лѣтнее служеніе Царю и отечеству. 6 мая 1884 года, въ памятный для всей Россіи день исполнившагося совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича, Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Уральскому казачьему войску пожаловано „общее войсковое Георгіевское знамя“. Вотъ какъ объ этой Царской наградѣ изображено въ грамотѣ, данной Уральскому казачьему войску: „Почти трех-

„вѣковая отлично усердная служба и непоколебимая преданность Престолу и Отечеству вѣрно-любезнаго Намъ Уральскаго казачьяго войска, всегда вызывало особое Монаршее къ нему благоволеніе въ Божѣ почившихъ Предковъ Нашихъ. Начавъ первую боевую службу свою, какъ по-казываютъ историческіе документы, въ 1591 году, участіемъ въ походѣ Царскихъ войскъ противъ Шамхала Тарковскаго, Уральское войско съ той поры служило живымъ оплотомъ государства, охраняя значительную часть границы его отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало участіе и во вѣшнихъ войнахъ, являя всегда примѣръ самоотверженія и воинской доблести при исполненіи своего служебнаго долга; при завоеваніи-же Туркестанскаго края и водвореніи въ немъ порядка, оно, съ самыхъ первыхъ шаговъ туда Нашихъ войскъ, несло непрерывные труды и ознаменовало себя въ многочисленныхъ бояхъ, въ особенности-же въ 1864 году, въ дѣлѣ противъ Коканцевъ подѣ Иканомъ, подвигами отваги и мужества.

„Во изъявленіе особеннаго Нашего благоволенія къ таковой славной службѣ Уральскаго казачьяго войска, жалуемъ ему общее войсковое Георгіевское знамя, съ изображеніемъ на ономъ Святаго Архистратига Божія Михаила, тезоименитый день котораго издавна составляетъ войсковою праздникъ, съ надписью вокругъ знамени: „Доблестному Уральскому казачьему войску, за отличную усердную, боевыми подвигами ознаменованную службу, съ означеніемъ на знамени годовъ: „1591—1884“ и съ присоединеніемъ къ этому знамени Александровской ленты.

„Да послужить священная сія хоругвь символомъ неизмѣнной преданности вѣрно-любезнаго Намъ Уральскаго казачьяго войска Престолу и Государству въ грядущія времена, и да осѣняетъ она храбрыхъ сыновъ Урала на высокіе подвиги чести и славы при защитѣ отечества“.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ привести росписаніе праздниковъ всѣхъ строевыхъ частей Уральскаго казачьяго войска.

Войсковой — во имя Архистратига Божія Михаила — 8 ноября.

№ 1-го полка, полковой — происхождение древъ креста Господня 1 августа; 1-й сотни этого полка — Успеніе Пресвятой Богородицы 15 августа; 2-й сотни — Преображеніе Господне 6 августа; 3-й сотни — Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова 26 сентября; 4-й сотни — Соборъ Архистратига Божія Михаила 8 ноября; 5-й сотни — Нерукотворенный образъ Іисуса Христа 16 августа и 6-й сотни — Покровъ Пресвятой Богородицы 1 октября.

№ 2-го полка, полковой — Покровъ Пресвятой Богородицы 1 октября; 1-й сотни этого полка — Святаго Георгія Побѣдоносца 23 апрѣля; 2-й сотни — Рождество Христово 25 декабря; 3-й сотни — Святаго Николая Чудотворца 6 декабря; 4-й сотни — Успеніе Пресвятой Богородицы 15 августа.

№ 3-го полка, полковой — Преображеніе Господне 6 августа; 1-й сотни этого полка — Святаго Александра Невского 30 Августа; 2-й сотни — Святаго Георгія Побѣдоносца 23 апрѣля; 3-й сотни — Святаго Николая Чудотворца 6 декабря; 4-й сотни — Святаго Николая Чудотворца 9 мая.

Лейбъ-Гвардіи Уральскаго казачьяго эскадрона — Святаго Евтихія 6 апрѣля.

Уральской Учебной сотни — Соборъ Святаго Архистратига Божія Михаила 8 ноября.

